

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 1819-2785

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№4 (36) 2014

"ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ"

№ 4 (36) 2014

Учредитель издания

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации
Адрес: 109028, Москва, Хохловский пер., 13, стр. 2

Редакционный совет

Главный редактор: **С.А. Смирнова**, д.ю.н.
Ответственный редактор: **А.И. Усов**, д.ю.н.
Заместитель главного редактора: **В.Н. Цветкова**, к.ю.н.
Литературное редактирование: **И.А. Жарков**
Верстка: **А.М. Мурзаев**

Редакционная коллегия

А.Ю. Бутырин, зав. лаб. судебной строительно-технической экспертизы, д.ю.н.
Т.М. Волкова, гл. эксперт лаб. судебно-трасологических экспертиз
Ю.М. Воронков, гл. эксперт лаб. криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий, к.х.н.
О.Б. Градусова, зав. лаб. судебно-почвоведческих и биологических экспертиз
В.Г. Григорян, зав. лаб. судебной автотехнической экспертизы, к.т.н.
Е.С. Карпухина, гл. эксперт лаб. судебной компьютерно-технической экспертизы
О.В. Микляева, ученый секретарь, к.ю.н.
М.Г. Нерсесян, зав. отделом судебно-экономических экспертиз
Г.Г. Омелянюк, зам. директора, д.ю.н.
С.И. Плахов, зав. отд. экспертных исследований пожаров и взрывов, к.т.н.
А.А. Селиванов, зав. отд. судебно-товароведческой экспертизы, к.э.н.
Т.Н. Секераж, зав. лаб. судебной психологической экспертизы, к.ю.н.
М.А. Сонис, гл. эксперт лаб. судебно-баллистической экспертизы, к.т.н.
И.С. Таубкин, гл. эксперт отд. ОНМОПЭ, к.т.н.
Н.В. Федянина, зав. лаб. криминалистической экспертизы волокнистых материалов
Т.Б. Черткова, зав. лаб. судебно-технической экспертизы документов, к.ю.н.
Е.В. Яковлева, вед. эксперт лаб. судебной почерковедческой экспертизы, к.ю.н.

ISSN 1819-2785

ISBN 978-5-91133-149-8

© Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2014

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-22228 от 28 октября 2005 года, выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал включен в утвержденный ВАК перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

«Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru)»

Адрес редакции: 109028, Москва, Хохловский пер., 13, стр. 2,
ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, редакция журнала
«Теория и практика судебной экспертизы»
e-mail: journal@sudexpert.ru

**Перепечатка или иное воспроизведение материалов
допускается только с согласия редакции**

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Колонка редакции	5	Методики, методические рекомендации, информационные письма	71
Теоретические вопросы судебной экспертизы	9	Е.Б. Статива Проблемы методического обеспечения судебных строительно-технических исследований в арбитражном процессе	72
Бердников Д.В. Психологическое исследование экстремистского текста: теоретические аспекты	10	Методы и средства СЭ	79
В помощь следователю, судье, адвокату	17	Нестерина Е.М., Лукашова М.В. Новейшие инструментальные методы для проведения минералогического анализа на базе сканирующего электронного микроскопа в целях судебно-почвоведческой экспертизы. Часть 2 ...	80
Плотникова А.М. Лингвистическая экспертиза художественного текста по делам о противодействии экстремизму	18	В.Н. Степанов Провокативные речевые жанры как инструменты непрямой коммуникации: лингвистические признаки и анализ	89
Колонка судьи, следователя, адвоката	23	Персоналии и исторические очерки	101
М.В. Кроз, Н.А. Ратинова Особенности экспертной психологической оценки материалов, содержащих вербальный и невербальный компоненты	24	Майлис Н.П. Экспертиза повреждений одежды как источник доказательства	102
Липатова Ж.Н. Экспертиза материалов экстремистской направленности: юридический аспект, в свете деятельности следователя и прокурора	29	Судебноэкспертные учреждения стран СНГ и ЕврАзЭС	105
Е.И. Майорова, Н.Ю. Гончарук, Э.В. Адамова Особенности взаимодействия экспертов-экологов и суда в процессе уголовного судопроизводства	34	Бекжанов Ж.Л. Судебноэкспертное обеспечение расследования экологических преступлений в республике Казахстан	106
Экспертная практика	41	Микляева О.В. Международная научнопрактическая конференция «Актуальные вопросы совершенствования судебноэкспертной деятельности»	109
В.В. Жандарев, А.В. Митин, М.В. Жандарева, Ю.М. Воронков Газохроматографическое определение метилового, этилового, изопропилового спиртов по полученным на их основе эфирам 4нитробензойной кислоты	42	Новости ENFSI 111	
Дзюба Г.Г. Клейма на дне гильз патронов производства России и СССР к гладкоствольным охотничьим ружьям	49	Говорина Н.В. Основные аспекты деятельности европейской сети судебноэкспертных учреждений в 2013-2014 годах	112

Судебная экспертиза за рубежом	119	Дискуссии	133
Н.В. Фетисенкова Новые публикации по судебной экспертизе	120	Шаламыгина А.С. Определение границ земельных участков при производстве судебных землеустроительных экспертиз	134
Конференции, семинары, круглые столы по судебной экспертизе	123	Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике	139
Селиванов А.А. О всероссийском семинаре «Исследование промышленных (непродовольственных) товаров, в том числе с целью проведения их оценки») Пятигорск, 21-27.09.2014	124	На тему дня	149
Секераж Т.Н. О международном научнопрактическом семинаре «Экстремистские материалы: практика экспертного анализа и анализ экспертной практики», Брянск, 15-19.09.2014	126	Куркин И.А. Влияние когнитивных искажений на производство судебной экспертизы	150
Сонис М.А. О проведении семинара «Современные проблемы экспертизы следов и обстоятельств выстрела», г.Москва, 22-26.09.2014	128	Диссертации по проблемам судебной экспертизы	155
Байрамова Ф.О. О всероссийском семинаре «Исследование видеозаписей с целью установления обстоятельств ДТП», г.Москва, 13–17.10. 201	130	О.В. Микляева Диссертации по проблемам судебной экспертизы	156
		Список авторов	165
		Требования к авторским оригиналам	166

Колонка редакции

Светлана Аркадьевна Смирнова
директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
доктор юридических наук, профессор

Уважаемые читатели!

В завершающем 2014 год номере журнала «Теория и практика судебной экспертизы» продолжается публикация материалов, обобщающих результаты научных исследований, посвященных насущным задачам судебно-экспертной деятельности, опыт практической работы в Российской Федерации, странах ближнего и дальнего зарубежья.

В наше беспокойное время, эпоху экономических, социальных и культурных перемен происходят концептуальные изменения не только в обществе, но и в сознании людей, требующие их осмысления, регулирования и принятия соответствующих нормативно-правовых актов. Нестабильность нашего общества в связи с формированием новых нравственных, патриотических основ, наличие «горячих точек» в непосредственной близости от наших границ, массированные атаки антироссийски настроенных СМИ привели к наращиванию экстремистских проявлений. В качестве ответных мер развивается антиэкстремистское законодательство, совершенствуются механизмы его правоприменения. С конца прошлого века правоохранительные и судебные органы в целях доказывания по уголовным, гражданским и административным делам для выявления в информационном материале экстремистских призывов обращаются к проведению судебной экспертизы. Большой шаг в этом направлении сделан в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, где была разработана и внедрена в экспертную практику комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза материалов по делам, связанным с противодействием экстремиз-

му и терроризму. Основой данного выпуска послужили материалы, связанные с этими актуальными исследованиями.

Совершенствование методического обеспечения экспертных исследований остается приоритетным направлением в научных изысканиях в области судебной экспертизы. В этом номере читатель найдет материалы, связанные с инструментальными методами исследования, совершенствованием судебной строительно-технической экспертизы и судебной землеустроительной экспертизы. Неординарный взгляд на причины экспертных ошибок представлен в статье молодого ученого.

Интересная статья посвящена наследию выдающегося ученого и практика Х.М. Тахо-Годи в связи с 95-летием со дня его рождения.

Уверены, что в грядущем 2015 году мы продолжим осуществлять научно-практическую деятельность на высоком профессиональном уровне. Результатами этой работы станут очередные инновационные публикации в нашем журнале, к сотрудничеству с которым приглашаем всех экспертов и широкий круг лиц, заинтересованных в развитии судебно-экспертной деятельности.

Главный редактор
научно-практического журнала
«Теория и практика судебной экспертизы»

С.А. Смирнова

Теоретические вопросы судебной экспертизы

Бердников Д.В.
ведущий эксперт ФБУ Курская ЛСЭ Минюста России,
кандидат медицинских наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье обосновывается необходимость при производстве экспертиз материалов предположительно экстремистского характера смещения акцента исследования с текстов на человека. Рассматривается теоретическое обоснование предмета, объекта и задач психологического исследования в подобного рода комплексных экспертизах.

Ключевые слова: экстремистские материалы, экспертиза, текст, предмет и объект психологического исследования

D. Berdnikov

Lead forensic examiner

Kursk Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

PhD (Medicine)

PSYCHOLOGICAL ASSESSMENT OF EXTREMIST TEXTS: THEORETICAL ASPECTS

The paper argues for a need to shift the emphasis from text to person when assessing suspected extremist materials. It examines theoretical rationale behind the scope, objects and objectives of psychological assessment in this category of integrated forensic investigation.

Keywords: extremist materials, forensic investigation, text, subject and object of psychological assessment.

В последнее время судебная экспертиза материалов предположительно экстремистской направленности стала крайне востребованной. Важность подобного рода экспертиз и исследований обусловлена стремительностью развития влияющих на сознание людей информационных технологий. Исследования Академического исследовательского центра когнитивных исследований (SCNARK, Social Cognitive Networks Academic Research Center, USA) показывают, что если в ходе общения более 10% участников группы будут искренне придер-

живаться некоторой точки зрения, донося ее до сознания других, то через некоторое время большинство группы неизбежно примет эту точку зрения. Если же число разделяющих какие-то взгляды людей менее 10% группы, идея распространяться не будет. На схожие закономерности указывает Э. Роджерс, исследуя распространение новых идей, товаров и т.д. [14]. Видимо, этот факт стал существенным для роста преступлений экстремистской направленности и увеличения количества соответствующих судебных экспертиз.

Потребность в подобного рода экспертизе обусловила необходимость разработки её теоретического и методологического аппарата. Не секрет, что по данным категориям дел назначаются культурологические, религиоведческие, лингвистические, психологические и комплексные экспертизы. В результате возникают проблемы в определении предмета, объекта экспертизы, в понимании необходимости их однородности, комплексности или комплексирования и т.д. Эксперты дискутируют о приоритете тех или иных исследований, в разных ведомствах и образовательных учреждениях создаются методические рекомендации, описывающие различные виды экспертиз по делам экстремистской направленности. При различии мнений ключевым сходством между ними является то, что объектом данного вида экспертизы является текст в самом широком его понимании. Это в существенной мере обусловлено тем, что в Постановлении Пленума Верховного Суда № 11 от 28 июня 2011 г. указана необходимость именно лингвистического исследования его направленности, а сам он может быть внесён в Федеральный список экстремистских материалов. В результате складывается впечатление, что текст существует независимо от человека, его создавшего или распространившего, как бы живёт своей жизнью и может быть «наказан». Одновременно в системе Минюста России реализован несколько иной подход. В методике же проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, объект определён следующим образом: «текст как продукт речевой и коммуникативной деятельности и поведения человека (его автора)», а предмет «являются фактические данные об особенностях текста (материала), имеющие значение для дела... которые устанавливаются путём исследования объектов экспертизы с помощью применения лингвистических и психологических знаний» [15]. Авторами также определены компетенции экспертов: лингвист вскрывает, «что именно сказано», психолог – «почему и для чего». Исходя из этого, возникают вопросы: что изучает психолог в тексте, что является объектом и предметом именно его исследования, как научно и методологически увязать религиоведческое исследование с работой лингвиста и психолога? Видимо, для ответа на них необходимо начинать с начала.

Изначально в делах подобного рода законодатель делает основной акцент на человеке, а не на тексте. Так, уголовной ответственности подлежит человек, осуществивший экстремистскую деятельность. Согласно ФЗ № 114 от 25 июля 2002 г. и ФЗ № 148 от 27 июля 2006 г. экстремизмом является деятельность, «направленная на...». В ППВС № 11 от 28 июня 2011 г. разъясняется, что, если данная деятельность осуществляется по мотивам определённой ненависти или вражды (розни), она считается преступлением «независимо от того, удалось побудить других граждан к... или нет», а в п. 8 имеется указание на учёт «направленности умысла лица», но не текста. Исходя из этого, по данной категории дел экспертам необходимо изучать деятельность субъекта правонарушения, причём существенными являются её цель и мотивы. Одним из способов осуществления данной деятельности являются создание и/или распространение «экстремистских» идей, отношений и т.д., осуществляемые с помощью текста / информационных материалов. Следовательно, экспертная работа психолога может вестись в двух иерархически соподчинённых направлениях: 1) традиционный анализ психической деятельности субъекта правонарушения в контексте исследуемой ситуации; 2) анализ текста / информационных материалов. Если традиционный анализ психической деятельности субъекта правонарушения в исследуемой ситуации у экспертов проблем не вызывает, то при анализе текста возникают некоторые затруднения.

Обобщение сложившейся практики показывает, что при работе психолога с текстом имеется сдвиг в сторону анализа содержащихся в нём «признаков специального значения», с указанием по каждому «значению» темы, отношения, цели. Однако подобное исследование становится похожим, например, на криминалистическую экспертизу ножа, когда эксперт описывает характеристики оружия, но совершенно не касается особенностей поведения человека, совершившего деликт в состоянии аффекта. Наряду с этим для данной диагностики в большинстве случаев достаточно только лингвистического исследования. Лишь в «сложных» ситуациях значение может быть выражено только психологическими средствами. В действительности же это зачастую приводит к тому, что при обнаружении в одном выражении «специального значе-

ния» весь текст признают экстремистским. При этом если исключить это выражение из текста, то он, сохраняя своё смысловое содержание, становится «нейтральным». В таком случае на какие же основные психологические феномены должно быть направлено внимание психолога и какие задачи он должен решать в экспертизах текста?

Здесь мы возвращаемся к постулату о том, что любой текст, в том числе предположительно экстремистского содержания, является продуктом психической деятельности человека, в той или иной мере осознанным [11]. В нём зафиксирована информация, предназначенная (1) как для оказания воздействия на её получателя, (2) так и отражающая особенности психической деятельности её автора [3, 7]. Научные исследования, акцентирующие внимание на нюансах коммуникативно-познавательного аспекта психической деятельности участников общения, стали появляться и развиваться ещё с прошлого века [6, 13]. В них коммуникация стала рассматриваться с позиций сенсорно-интуитивной и интеллектуально-мыслительной активности человека. Так, например, Т.М. Дридзе утверждала, что в сообщении (тексте), «порождаемом и потребляемом в коммуникативно-познавательной деятельности, наглядно представлена вся структура названной деятельности во всей её мотивированности и целесообразности» [6, с. 83]. Современные исследователи М. Галликер и Д. Ваймер утверждают, что в любом сообщении человека имеются: а) объективное / предметное содержание, б) обращение, в) отношение к адресату и содержанию, г) самовыражение автора [5]. При этом всегда учитывается один из системных постулатов психологии о сложной иерархической организации деятельности, в которой индивид может одновременно осуществлять несколько «отдельных деятельностей» [12]. Применительно к экспертизе данные положения обуславливают тот факт, что психологический анализ «экстремистского» текста позволяет вскрыть зафиксированные и отражённые в нём, связанные с его созданием особенности психической деятельности автора, которая может быть лишь составной частью деятельности более высокого порядка, действительно уголовно наказуемой или иной, не преследуемой законом. Примером может послужить реальный экспертный случай, когда девушка разместила на своей интернет-странице среди 2500 юмористи-

ческих видеороликов один действительно «экстремистского содержания», в котором представлены скинхеды, но в смешном виде. Кроме того, психика характеризуется не только формально-динамическими особенностями, отражающими активность и реактивность человека, но и содержательными аспектами, обусловленными бесконечным многообразием и вариативностью конкретных видов деятельности, которые можно описывать [9]. Опираясь на это, остановимся лишь на некоторых психологических феноменах, имеющих значение для экспертизы текста.

Итак, уголовной ответственности подлежит автор экстремистского текста, созданного для оказания специфического влияния на адресата. Выявление его эффекта не входит в компетенцию эксперта и по сути невозможно. Автора же наказывают за его сознательное стремление, намерение оказать подобное влияние¹, т.е. целевую направленность. Установление выраженного в тексте намерения автора доступно экспертному анализу. Большой психологический словарь определяет намерение, или интенцию, как сознательное решение, выполняющее функцию побуждения и планирования поведения или деятельности человека [4]. В нём в неразрывном единстве выступают аффективные, связанные с удовлетворением потребности, и интеллектуальные компоненты, т.е. эмоционально-волевые проявления личности. Намерение организует поведение, позволяя произвольно действовать с целью удовлетворения своих потребностей. По мнению Т.Н. Ушаковой, к интенциям относятся интересы, оценки, мотивы и цели [13].

Применительно к экспертизе текстов наиболее существенным является выраженный в нём мотив. При этом следует помнить, что психологическое и юридическое понятия «мотив» взаимосвязаны, но не тождественны. В юриспруденции мотив преступления определяется как внутреннее побуждение, обусловленное потребностями и интересами, вызывающими намерение совершить преступление и оказывающими руководящее действие при его совершении. В психологии же имеется значительное количество толкований данного феномена. Наиболее подходящим для экспертизы яв-

¹ ППВС № 11 от 28.06.2011. При этом создание текста является лишь одним из этапов или способов оказания влияния.

ляется определение, уточнённое Г.А. Баллом: мотив – это существующая в психике индивида побуждающая к действию (инcentивная) целевая модель некоторого предмета, который каким-то образом выделен этим индивидом в мире и при этом обладает для него относительно устойчивой субъективной ценностью. При этом предмет может быть материальным и/или идеальным, а может представлять собой процесс [2]. В этом определении мы видим все необходимые для анализа текста ключевые моменты.

Во-первых, это «модель некоторого предмета», т.е. то, что обладает неким содержанием и может быть описано. Соответственно, в тексте «модель предмета» представляет собой определённый образ отношений и поведения адресата, на формирование которого направлена предлагаемая ему информация. Как правило, это социальные установки и конфликтные взаимоотношения. При производстве экспертизы именно это положение реализуется через анализ содержания текста (что конкретно сказано) и выявление признаков «специального значения». Ввиду многообразия и вариативности «модели предмета» для её описания необходимо комплексное участие в экспертной работе психолога и лингвиста, а при необходимости и религиоведа.

Во-вторых, «модель предмета» обладает для индивида «относительно устойчивой субъективной ценностью», т.е. он проявляет к ней определённое отношение, которое в «текстах» касается как предмета речи, так и описываемых необходимых/желательных действий адресата. При этом в большинстве случаев выраженное отношение автора к предмету речи совпадает с тем, которое он пытается сформировать у получателя информации. В связи с тем, что в «тексте» эмоции и чувства чаще имеют речевое описание и выражение, они требуют комплексного с лингвистом их изучения.

В-третьих, «модель предмета» является «целевой» и «инcentивной», т.е. побуждающей к действию. Следовательно, здесь мы непосредственно сталкиваемся с понятием «цель»; в тексте отражаются как минимум две цели (кроме промежуточных). Одна в той или иной форме, эксплицитно или имплицитно описывается адресату как желаемый от него, обобщающий восприятие им всей предлагаемой информации результат: «Я хочу, чтобы ты относился/делал...». Вторая – цель деятельности автора, которую можно выразить следующим образом: «Я

излагаю информацию таким образом для того, чтобы адресат относился/делал...», т.е. это цель сформировать необходимое отношение/действия получателя информации. Это в полной мере соответствует представлениям Т.М. Дридзе о том, что в сообщении имеются две цели – для себя и для партнёров по общению, а также «подцели», отражающие проблемы текущего характера [6]. В большинстве экспертных случаев обе зафиксированные в тексте цели могут содержательно совпадать. Однако здесь мы переходим к тому, что именно цель организует коммуникативное намерение и в конечном счёте деятельность и активность, т.е. реализует системообразующую функцию. Это положение позволяет нам анализировать проявление и содержание отражённой в тексте произвольной (осознанной) активности автора и её саморегуляции.

По определению О.А. Конопкина, произвольная саморегуляция – это системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, осуществлению, поддержанию и управлению всеми видами и формами активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей [9]. При этом считается, что все моменты регуляторной активности принципиально доступны сознательному управлению, но лишь цель на всем протяжении деятельности остаётся «актуально осознаваемой» [10]. Саморегуляция существует и как общая способность человека, и как процесс её реализации в конкретных единичных актах деятельности, поведения, общения и т.п. [8]. Применительно к экспертизе текста для психолога важна именно регуляция активности, целью которой, её субъективным смыслом, является достижение от получателя информации необходимого отношения/действия/поведения. Причём существенным является не столько структурно-функциональный, сколько содержательно-психологический его аспект.

Так, автор текста, приняв решение добиться от адресата определённого результата, например враждебного отношения или действий, стремится преодолеть неопределённость относительно программы своей исполнительской деятельности. Для этого он оценивает условия, в которых она будет осуществляться, чтобы определить оптимальный её способ, например: выступление на митинге – слуховое восприятие информации в толпе людей, что при опре-

делённых условиях снижает критичность её оценки; публикация в газете – зрительное восприятие текста в официальном издании, имеющем определённую степень доверия читателя; листовка – низкое доверие к информации; видеоролик для Интернета – комбинированное, зрительное и слуховое индивидуальное восприятие, с максимальными возможностями для влияния. Далее следует планирование и формирование программы действий, т.е. целостного комплекса информации в сознании субъекта о характере, последовательности, методах и других особенностях действий. Например: выбор адресата, методов снижения критичности восприятия информации, методов влияния или манипуляции и способов их реализации, промежуточных целей – эмоционального, когнитивного и поведенческого компонента психологической установки читателя/зрителя и т.д. В этом случае сам «текст» является лишь частью реализации исполнительного звена деятельности.

Эксплицитное или имплицитное описание в «тексте» цели для адресата имеет несколько иной психологический смысл. Она играет роль одного из ключевых элементов созданной автором системы воздействия и является системообразующим фактором в программировании необходимого от адресата отношения/действия, желаемой «модели предмета». Исходя из цели, создатель текста стремится тем или иным образом сформировать мотив и организовать психическую деятельность получателя информации: смоделировать для него ситуацию, выработать определённое отношение, спланировать последовательность промежуточных целей, создать программу необходимых исполнительских действий, задать критерии оценки успешности достижения желаемого результата. При этом часто как способ манипуляции адресатом используется подмена целей.

Следовательно, в экспертизах экстремистских «текстов» психолог проводит как минимум двухуровневый иерархически соподчинённый анализ отражённой в нём системы влияния на психическую деятельность адресата, а также психической деятельности его автора. Такой подход полностью согласуется с представлением о «тексте» как о коммуникативном знаке высшего порядка, о замкнутой иерархической содержательно-смысловой структуре (иерархии коммуникативно-познавательных программ) элементов, объединённых в систе-

му коммуникативным намерением и задающим программу деятельности и поведения своим истолкователям [1, 7]. Более того, он соответствует традиционному пониманию предмета исследования судебного эксперта-психолога, с тем лишь добавлением, что в экспертизах подобного рода он отражен в «тексте».

В то же время необходимо отметить, что такое понимание несколько противоречит линейному толкованию «текста», представленному в методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Определение «текста» как «объединённой смыслом последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность», которая «является единицей деятельности его автора и представляет собой некое сообщение», возможно, и соответствует целям и задачам лингвистического исследования, но искусственно сужает психологические компетенции до содержательного описания любого информационного материала только как некоей «системы влияния» на психическую деятельность адресата. В подобных случаях вполне достаточно лингвистического или религиоведческого исследования. При этом автор с его устремлениями и коммуникативным намерением остаётся незатронутым, что формирует условия как для возникновения экспертных ошибок, так и для неправильных судебных решений. Системное же толкование «текста» позволяет разносторонне изучить признаки интересующей законодателя деятельности, сместить акцент исследования с текстов/материалов на человека, что в большей мере соответствует ФЗ № 114 от 25 июля 2002 г., ФЗ № 148 от 27 июля 2006 г. и п. 8 ППВС № 11 от 28 июня 2011 г. Одновременно, несмотря на то что в подобного рода исследованиях компетенция эксперта-психолога становится в целом шире, чем экспертов других специальностей, это ни в коем случае не исключает необходимости комплексного характера экспертизы и не требует переформулирования определения её предмета.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что предметом судебно-психологического исследования в экспертизах текстов / информационных материалов предположительно экстремистского характера являются зафиксированные и отражённые в тексте

особенности функционирования психической деятельности автора, имеющие юридическое значение и влекущие правовые последствия. Объектом же является «текст», с той лишь поправкой, что он должен рассматриваться как замкнутая система иерархической содержательно-смысловой структуры элементов. При этом данная система включает в себя и «объединённую смыслом последовательность знаковых единиц <...> единиц деятельности его автора» [15]. Проводя двухуровневый иерархически соподчинённый анализ «текста», психолог должен решить как минимум две задачи. На первом уровне он выявляет структуру и содержательно описывает систему влияния на психическую деятельность адресата. Именно на этом уровне устанавливаются «последовательности знаковых единиц», а также требуется лингвистический и/или религиозно-этический анализ, в том числе дающий частичное описание содержательной части психической деятельности автора. Такой анализ, по сути, помогает психологу прийти к решению задачи второго уровня – выявить отражённые в «тексте» намерения, мотив, цели и содержательные особенности организации психической деятельности автора.

Литература

1. Адамьянц Т.З. Социальные коммуникации / Т.З. Адамьянц. – М.: Дрофа, 2009. – 208 с.
2. Балл Г.А. «Мотив»: уточнение понятия // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 4. – С. 56–65.
3. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
4. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. – 816 с.
5. Галлиker М., Ваймер Д. Психология взаимопонимания. Взаимность и диалог. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2013. – 240 с.
6. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 272 с.
7. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 145–152.
8. Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 127–135.
9. Конопкин О.А. Механизмы осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Субъект и личность в психологии саморегуляции: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Моросановой. – М.: ПИ РАО; Ставрополь: СевКавГТУ, 2007. – С. 12–31.
10. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959.
11. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997. – 287 с.
12. Ошанин Д.А. Предметное действие как информационный процесс // Вопросы психологии. – 1970. – № 3. – С. 34–50.
13. Психолингвистика: учеб. для вузов / под ред. Т.Н. Ушаковой. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 416 с.
14. Роджерс Э.М. Принятие и диффузия нового продукта // Классика маркетинга. Сборник работ, оказавших наибольшее влияние на маркетинг. – СПб.: Питер, 2001. – С. 243–262.
15. Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж; ГУ РФЦСЭ при Минюсте России. – М., 2011. – 326 с.

В ПОМОЩЬ СЛЕДОВАТЕЛЮ,
СУДЬЕ, АДВОКАТУ

Плотникова А.М.
ведущий эксперт Уральского РЦСЭ Минюста России,
доктор филологических наук, профессор

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПО ДЕЛАМ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Рассматриваются вопросы экспертного исследования художественных текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. Специфика объекта исследования, проблемы анализа художественной коммуникации, использования семантического и коммуникативно-прагматического анализа.

Ключевые слова: лингвистическая судебная экспертиза, экстремизм, семантический анализ, коммуникативно-прагматический анализ

A. Plotnikova

Lead forensic examiner

Urals Regional Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

DSc (Linguistics), professor

LINGUISTIC ASSESSMENT OF LITERARY TEXTS IN CASES RELATED TO EXTREMISM PREVENTION

The author examines various aspects of forensic assessment of literary texts in cases dealing with extremism prevention. Defining characteristics of this type of forensic evidence are described, as well as problems of literary communication analysis and the use of semantic and communicative/pragmatic analysis.

Keywords: forensic linguistics, extremism, semantic analysis, communicative/pragmalinguistic analysis.

В экспертной практике по делам, связанным с противодействием экстремизму, объектом исследования все чаще становятся художественные тексты: это и прозаические тексты (например, роман-антиутопия Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы»), и драматургические (например, пьеса «Жид-вампир», написанная коллективом красноярских студентов), и поэтические (стихи, поэмы, песенные тексты, представленные в виде опубликованных поэтических сборников и в виде песенных альбомов и клипов, часто размещаемых на страницах социальных сетей).

Художественные произведения иногда попадали в поле зрения экспертов в связи с делами о защите чести, достоинства и деловой репутации, пропаганде наркотических средств и психотропных веществ, распространении порнографии и некоторым другими категориями дел, имеющими отношение к лингвистической или психолого-лингвистической экспертизе текстов. По справедливому замечанию О. Н. Матвеевой, «неразрешенные проблемы, касающиеся лингвистической экспертизы в целом, осложняются в данном случае специфическим объектом, в отношении интерпретации которого существуют давние

филологические традиции и презумпции. Проблема включает в себя целый ряд вопросов, связанных именно со спецификой исследуемого объекта. Освобождает ли от ответственности использование автором художественной формы? Если да, то при каких условиях? Основывается ли квалификация художественного текста в рамках лингвистической экспертизы на традициях его филологической интерпретации либо она исходит из других презумпций? В какой степени возможно ассоциировать героев художественного произведения, в том числе автора, с реальными людьми?» [Матвеева, 2007, с. 370].

Безусловно, при анализе художественного текста необходимо различать автора, рассказчика и персонажа (даже если рассказ ведется от первого лица, это не означает, что спорное высказывание может быть приписано самому автору). Множественность интерпретаций, являющаяся свойством, присущим художественному тексту, также препятствует проведению лингвистической экспертизы, которая должна носить верифицируемый характер. Эти и многие другие вопросы встают перед экспертом при анализе художественных текстов.

Напомним, что юридически значимыми признаками экстремистских материалов являются признаки возбуждения розни и вражды, призывы к насильственным действиям в отношении групп лиц, выделенных по национальному, расовому, этническому, социальному признакам, пропаганда исключительности и превосходства, оправдание терроризма. Предложенная О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой, Т.Н.Секераж методика анализа «экстремистских» текстов, рекомендованная в экспертных центрах Минюста России, основана на выявлении в тексте семантической структуры, содержащей информацию трех типов: предмет речи, отношение к нему, цель публичного высказывания об этом предмете речи, при этом любое «экстремистское» значение представляет собой комбинацию признаков всех трех типов и требует их анализа [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011]. Этот принцип анализа в целом применим к художественным текстам и позволяет ответить на поставленные органом, назначившим экспертизу, вопросы, однако при анализе художественной коммуникации возникают некоторые трудности.

Рассмотрим в качестве примера текст В. Федоровича «*Faciam lit mei mernineris*» (название текста «*Faciam lit mei mernineris*» представляет собой крылатое латинское изречение: «Сделаю так, чтобы ты обо мне помнил»). Автор с первых же страниц заявляет о существовании героя, с которым читатель не должен отождествлять самого автора, однако некоторые фрагменты текста написаны от лица автора-повествователя. Главным героем текста является «Виктор» – alter ego автора. Этот персонаж появляется не в каждой главе текста, и его образ зачастую трудноуловим, потому что сливается с образом самого автора. Многие события текста увидены глазами этого героя, и ему приписываются те размышления, которые волнуют самого автора, его вкусы совпадают с декларируемыми пристрастиями автора (например, героя и автора объединяет любовь к музыке Вагнера).

Тема национализма как идеологии, разделяемой автором и его героем, обосновывается и политическими, и психологическими факторами. В тексте приводится и культурологическое объяснение национализма через ссылки на тот список текстов и фильмов, который повлиял на мировоззрение как самого автора, так и его героя: это «Заводной апельсин» Э. Бёрджеса, труды Ф. Ницше, германская мифология, фильм «Прирождённые убийцы» и некоторые другие произведения. С опорой на художественную традицию изображения «сверхчеловека» В. Федорович создаёт в собственном сочинении героя-убийцу, не испытывающего нравственных мучений от содеянного, наделенного способностью манипулировать другими людьми и получающего наслаждение от собственной власти. Этот персонаж оказывается интеллектуально выше, чем другие представители националистического движения, – он тот, кого автор считает героем своего времени, тот, кто видит эстетику в убийствах и жаждет славы: *«Как и все хорошие ремесленники, через некоторое время Виктор перестал радоваться просто очередному событию, но стал искать красоту и эстетику в убийстве. Удачный бросок, удар, колющий ножом – радовали в той мере, в какой они были совершенны. А больше всего Виктор радовался, когда по телевизору практически в каждой программе про скинхедов показывали нарезку из ролика «Формата 18», снятого у гук-общаг – с его личным участием. Так проходила земная слава»*. Насилие

рассматривается автором как естественное проявление человеческой сущности, и положительная оценка начилия обнаруживается на протяжении всего текста.

Сколь бы ни были различны персонажи националистических движений, о которых пишет автор (они могут быть умными и глупыми, обаятельными и уродливыми), враг для этих «героев» одинаков и не имеет лиц и имен. Для характеристики этого врага автор использует в основном номинации хач (хачи), кавказец (кавказцы), азер, чуркогук, гук. В тексте эти номинации используются как совершенно нейтральные обозначения тех, на кого нужно нападать. Основным врагом националистов, как это следует из текста, являются именно представители Кавказа и Азии, а также китайцы, которые становятся объектом «охоты», для их характеристики используются слова «дичь», «трофей» и другие единицы семантического поля «охота». В самых жестоких убийствах рассказчику видится своеобразная эстетика, он восхищается слаженностью действий, умением организовать убийство. Описание убийств со смакованием насилия, жестокости, садизма, оформленные в тексте как лирические отступления, несут признаки речевой агрессии, а выражаемое рассказчиком положительное отношение к происходящему направлено на формирование у читателя представлений о том, что такие действия не только допустимы, но ими можно восхищаться, оставив в стороне нравственный аспект. В убийстве представителей иных наций увидено даже некое мессианство, героем становится тот, кто очищает страну от «нечисти»: *«Темная сторона жизни, столь хорошо известная Виктору, изобиловала невыносимым количеством всевозможной дряни и накипи рода человеческого. Убил цыганку-наркоторговку – оборвется вся цепочка грабежей, краж, угонов и прочей мерзости, которые бы сотворили те, кто с ее помощью скололся. Может быть, кто-то из них и купит потом у другой – а может быть, и нет. Так и будут жить те, кто никогда не пострадал от последствий зла, которое так и не наступило – так об этом и не узнав. Это давало ощущение власти над какой-то частью мироздания, инструментом воздействия на которое становились ножи и арматура».*

На фоне выражаемого пренебрежительного отношения к представителям других национальностей, которые даны в книге обобщенно как дичь и предмет охоты (обо-

значая совокупность представителей иных национальностей, автор использует слово «штука»), в тексте создаются портреты лидеров и участников националистических движений, главным из которых является Виктор. Именно с этим персонажем связаны попытки идеализации насилия и того образа жизни, который ведет главный герой. В наиболее явном виде это обнаруживается в последней главе и сцене у озера, где в описании пейзажа и диалогов героев явно прослеживается романтизация образа Виктора и его жизненного пути. В заключительной главе текста рассказчик, идеалистически описывая ночную встречу с Виктором (ночное озеро, костер, светловолосая девушка), приходит к мысли о том, что убийство может дать свободу, и, хотя автор или рассказчик осознаёт опасность такой свободы, он все равно считает образ жизни Виктора закономерным и привлекательным и не испытывает сострадания к тем, кто был им убит: *«Достойны ли жалости те, кто проиграли войну за выживание? С моей точки зрения, нет. Мы не жалеем и не замечаем тысячи и миллионы смертей дичи, добытой хищниками, или животных, не нашедших пищи и умерших от голода и холода – так устроена жизнь. Зайчики и мышки хотя бы симпатичные и осознанно не делают ничего плохого. Чего нельзя сказать о разной дряни, которая виновата если не своей мерзостью, так своей слабостью».*

К семантическим трудностям, возникающим при анализе художественного текста, следует отнести отсутствие или редкое употребление слов, называющих расы, нации, социальные группы в общереферентном контексте: обычно унижительные номинации лиц используются для обозначения конкретных персонажей текста. Например, в тексте художественной сказки «Жид-вампир» одноименный герой не является обобщенным представителем этнической группы, это наименование одного из персонажей, которому в самом начале фильма дается следующая характеристика:

*Раз в лесу устроил пир
кровожадный жид-вампир.
Кровь младенцев христианских
он хлестал, словно кефир,
запекал детей в мацу,
вились пейсы по лицу.
Сладок вкус российской
плоти Иудею-подлецу.*

Проблемными для лингвистической экспертизы являются тексты комического, пародийного содержания, к которым, безусловно, относится названный выше текст сказки и снятый по сценарию сказки фильм. С точки зрения жанровых, стилистических, языковых особенностей текст сказки «Жид-вампир» заимствует в качестве прототипа литературную сказку Л. Филатова «О Федоте-стрельце», в результате рождается постмодернистский текст, состоящий из множества цитат, аллюзий, содержащий и словесные, и визуальные отсылки к прецедентным текстам, лицам и ситуациям. Комическое осмысление охватывает все уровни исследуемого текста: и сюжет, и персонажей, и окружающие обстоятельства. Объектом комического в области идей являются всякого рода стереотипы и предрассудки, причем распространенные и давно признанные таковыми. К таким предрассудкам относятся представления о евреях как тех, кто пьёт кровь младенцев, бурятах как людях далеких от цивилизации, русских как пьющих людях. Кроме того, это религиозные, политические и другие стереотипы, например, стереотипные представления об интеллигентах (например, Бурят, оценивая Иннокентия как представителя интеллигенции, приписывает ему любовь к творчеству Б. Окуджавы, и произносит: «*Ха, Арбат – что за фигня!? Окуджавой кинь в меня!*»). Это и стереотипы о Москве («*Ну, конечно, вам с Москвы видно все, аж до Тувы!*»), и стереотипы о жителях города и деревни («*Я питаю своего не сменю ни на кого, что мне в городе предложат? Консерванты, ГМО!*»). При этом стилистическое снижение (в тексте фильма активно используются разговорно-сниженная лексика, встречаются грубые и вульгарные слова, обсценизмы) также служит созданию комического. Все происходящее в фильме относится к области художественного вымысла, не имеющего прямого отношения к реальным событиям и лицам,

и помещено в комический контекст. Текст представляет собой своеобразную (в жанре сказки с элементами абсурда) пародию на современное общество, его социальные условности и символически уподобляет общество, живущее стереотипами, балагану. Разнообразные социальные нормы подвергаются критической оценке, карнавальному переворачиванию, парадоксальному переосмыслению, фильм построен на балансировании между теми темами, над которыми можно смеяться и над которыми смеяться нехорошо с точки зрения этики.

Таким образом, аксиологическая направленность художественного текста по делам о противодействии экстремизму позволяет использовать семантический и коммуникативно-прагматический анализ. Семантический анализ предполагает выявление диктумной и модальной составляющих текста, коммуникативно-прагматический анализ направлен в первую очередь на характеристику иллокутивного содержания и требует исследования приёмов речевого воздействия на читателя. Однако диффузность модальных значений в тексте, имплицитный характер авторской позиции, различная степень авторизации в тексте – всё это, формирующее содержание и коммуникативную перспективу художественного текста, оставляет пока нерешенными многие вопросы лингвистической экспертизы.

Литература

Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. – 326 с.

Матвеева О.Н. Художественный текст как объект лингвистической экспертизы // Юрислингвистика, 2007. – № 8. – С. 370-372.

Колонка судьи,
следователя, адвоката

М.В. Кроз,
ведущий научный сотрудник Академии Генеральной
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат психологических наук, старший советник юстиции

Н.А. Ратинова,
ведущий научный сотрудник Академии Генеральной
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат психологических наук, старший советник юстиции

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ МАТЕРИАЛОВ, СОДЕРЖАЩИХ ВЕРБАЛЬНЫЙ И НЕВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТЫ

Рассматриваются вопросы исследования «статических» информационных материалов. Наличие невербальных элементов печатного сообщения значительно варьирует в зависимости от его характера и особенностей канала передачи информации. В письменной речи исследованию подлежат невербальные компоненты (форма, размер шрифта, различные графические, цветовые выделения, пространственное расположение текста на его носителе). Их активное применение позволяет визуальнo выделить фрагмент текста, привлечь к нему внимание читателя.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, печатное сообщение, письменная речь, невербальные элементы.

M. Kroz

Lead researcher Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation
PhD (Psychology)
Senior counselor of justice

N. Ratinova

Lead researcher Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation
PhD (Psychology)
Senior counselor of justice

FORENSIC PSYCHOLOGICAL ASSESSMENT OF MATERIALS CONTAINING VERBAL AND NONVERBAL COMPONENTS

The paper looks at some questions pertaining to the examination of "static" information materials. The presence of nonverbal elements in printed text varies widely depending the nature of the text and the channel of information transfer. The nonverbal components of written speech that are subject to forensic scrutiny include font shape and size, various means of graphic and color emphasis, and spatial composition of text on the carrier. Active use of these components visually highlights certain fragments of the text in order to focus the reader's attention on these fragments.

Keywords: forensic psychological assessment, printed communication, written speech, nonverbal elements.

В массовых коммуникативных процессах подавляющее большинство сообщений включает не только вербальные, но и невербальные компоненты, интегрированные в связанное и целостное содержательно-смысловое единство, комплексно воздействующее на аудиторию. В отечественной лингвистике и психолингвистике для обозначения подобных материалов используется термин «креолизованные тексты»¹. Они обладают большим потенциалом воздействия, нежели однородные текстовые.

Для повышения эффективности сообщения коммуникаторы стремятся влиять на широкий спектр сенсорных модальностей адресата. Наиболее часто используются зрение и слух. При этом передаваемая информация может носить как динамический (телевидение, радио, устная речь оратора), так и статический характер (печатные СМИ, пропагандистские плакаты, листовки и т.д.)².

Проведенные исследования эффективности воздействия сообщения показывают, что информация, содержащаяся в однородном текстовом материале, усваивается лишь на 7%, акустические (голосовые) характеристики способствуют усвоению 38% информации, тогда как наличие визуального образа повышает его коммуникативный эффект до 55%³. Таким образом, визуальный компонент в креолизованных текстах играет доминирующую роль.

Предметом анализа в данной статье являются «статические» информационные материалы. «Удельный вес» невербальных элементов печатного сообщения значительно варьирует в зависимости от его характера и особенностей канала передачи информации. В письменной речи невербальные компоненты – это форма, размер шрифта, различные графические, цветовые выделения, пространственное расположение текста на его носителе (газетном, журнальном листе, странице интернет-сайта). Их активное применение позволяет визуально выделить фрагмент текста, привлечь к нему внимание читателя. Существенным моментом является стилизация шрифтово-

го оформления текста (например, псевдоготическое начертание букв вызывает ассоциации либо с нацистской Германией, либо со средневековьем; руническое – с язычеством и т.д.).

К основным изобразительным средствам, используемым в креолизованных текстах, относятся фотографии, рисунки, карикатуры, схемы, графики, таблицы, коллажи и др. Включение в печатный текст визуального компонента облегчает восприятие сообщения. Иллюстрации делают его более наглядным, графики и диаграммы – понятным. Визуальный компонент материала всегда несет некоторую дополнительную информацию, которая может по-разному соотноситься с содержанием вербального текста. В силу различия знаковых систем смысловая нагрузка вербального и невербального компонентов сообщения могут частично или полностью совпадать либо не совпадать.

Закономерности восприятия смешанных материалов необходимо учитывать при проведении судебно-экспертной оценки их смысловой направленности. Экспертное исследование таких информационных сообщений нередко вызывает у психологов особые сложности. Они могут возникать еще на этапе точного и подробного описания содержания изобразительной составляющей материала и его связи с текстовой частью. Во многом эти трудности обусловлены профессиональной специализацией экспертов-психологов (как правило, в области клинической психологии, психодиагностики).

Вместе с тем проведение экспертиз креолизованных текстов требует использования познаний из области социальной психологии (в том числе психологии социальной перцепции), психолингвистики, психологии рекламы, искусства, медиапсихологии. В этих сферах научного знания накоплен значительный багаж информации, выработаны конкретные рекомендации, направленные на повышение эффективности коммуникативного воздействия печатной продукции на потенциальную аудиторию. Не имея представления об этих закономерностях, не зная, где и что искать, эксперт-психолог может упустить важную информацию, не обратив внимания на специальные приемы, используемые создателями материала для достижения поставленных целей.

Как уже отмечалось, невербальные элементы сообщения и сами по себе, и в сочетании с вербальными являются достаточно сильным средством психологическо-

¹ См.: Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1998. С. 192.

² В сети Интернет встречаются материалы обоих указанных видов.

³ См.: Бойко М.А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

го воздействия на аудиторию. В отличие от произведений искусства, в особенности современного, являющихся актом творческого самовыражения их автора, носящих сложный, многозначный и многоплановый характер, включающих в себя целый ряд смысловых пластов, графические компоненты в пропагандистских, агитационных материалах носят значительно более простой и ясный характер, обусловленный их функциональным предназначением⁴. В них (так же как и в рекламных обращениях) невербальные компоненты представляют собой визуализацию идей коммуникатора, служат для наиболее наглядного, образного их воплощения, то есть не нуждаются в дополнительной интеллектуальной активности реципиента для их осмысления, расшифровки. Напротив, они должны быть максимально понятными, доступными для целевой аудитории. Графические изображения передают информацию не в знаковой, а в образной форме, они воспринимаются и усваиваются непосредственно, одновременно и целостно, активно воздействуют на эмоциональную сферу, подсознание аудитории. Их смысл в большинстве случаев легко «прочитывается» и расшифровывается с опорой на распространенные стереотипы, определяющие правила кодирования и декодирования невербальной информации, они вызывают сходные ассоциативные ряды, эмоции. При этом восприятие и интерпретация информации реципиентами здесь осуществляется как на сознательном, так и на бессознательном уровне.

При изучении материала со смешанным содержанием следует сначала проанализировать каждый его компонент по отдельности (например, заголовок статьи, подзаголовок, основной текст и врезки в него, рисунки, карикатуры, подписи к ним и т.д.), определить его направленность. Затем основное внимание требуется уделить их сочетанию, направленности материала в целом, учитывая, что оно не сводится к арифметической сумме значений и смыслов его отдельных компонентов, а образует новое системное качество. При первичном описании и психологическом анализе нуж-

но учитывать следующие параметры изобразительных и комплексных (включающих вербальные и невербальные компоненты) материалов, оказывающие существенное влияние на смысловую направленность как отдельных компонентов, так и сообщения в целом.

1. Соотношение объема текстового и изобразительного материала (публикация с несколькими иллюстрациями либо единичной иллюстрацией, рисунок с подписью и др.).

2. Тип изобразительного материала (или изобразительной части сообщения):

- картина;
- фотография;
- рисунок;
- карикатура, шарж;
- коллаж;
- изображение, сочетающее различные жанры, и т.д.

3. Количество изображений в материале и их взаимосвязь:

- единичное изображение;
- несколько не связанных друг с другом изображений (например, иллюстрирующих различные положения, разделы текстовой части сообщения);
- несколько содержательно связанных изображений (например, серия рисунков на одну тему или различным образом иллюстрирующих одну и ту же идею);
- несколько сюжетно связанных изображений (например, комикс);
- несколько изображений, имеющих более сложные взаимосвязи (например, ассоциативные).

4. Место изображения (изображений) в общем пространстве материала:

- центральное;
- периферическое.

5. Наличие/отсутствие специальных средств для выделения изображения в тексте, привлечения внимания к нему (рамка, цветовое выделение и т.д.).

6. Социальный, политический и культурный контекст, в рамках которого создавалось и было обнародовано сообщение (например, публикация в российской прессе материала, включавшего известные карикатуры на Пророка Мухаммеда, после громкого международного скандала, ряда насильственных акций, явившихся реакцией мусульман на их первую публикацию в Дании).

7. Важнейший параметр для оценки смысловой направленности сообщения – функции иллюстративного материала в

⁴ Подробнее о психологическом экспертном анализе произведений изобразительного искусства см.: Андрианов М.С. Использование специальных познаний для определения смысловой направленности невербальных (изобразительных) коммуникативных средств: науч.-практ. пособие. М., 2006; Андрианов М.С. Невербальная коммуникация: психология и право. М., 2007.

структуре сообщения. К их числу относятся следующие:

- привлечение внимания аудитории к конкретному сообщению среди других материалов (например, к конкретной статье на газетной странице);
- эмоциональное воздействие на аудиторию;
- усиление основного значения текстового материала;
- уточнение, конкретизация смысла текстового материала;
- дополнение текстового материала новым смысловым нюансом;
- подчеркивание, акцентирование одного из аспектов, нюансов смысла текстового материала;
- раскрытие скрытого смысла текстового материала;
- придание нового смысла (смыслов) материалу в целом по сравнению с его текстовой частью (в том числе, возможно, прямо противоположного содержащемуся в тексте).

Следует учитывать, что одно и то же изображение может выполнять целый ряд различных функций в материале. Несколько изображений могут выполнять как одну и ту же (одни и те же), так и различные функции.

Важным направлением психологического анализа является выявление в спорном материале использованных коммуникатором специальных приемов, направленных на усиление его воздействия на аудиторию. Остановимся на некоторых из них.

1. Известно, что излюбленным средством для различного рода манипуляций являются количественные данные. При представлении недостоверной (вымышленной, неточной, неполной и др.) статистики в материале дополнительный весьма мощный эффект коммуникативного воздействия на аудиторию может достигаться за счет использования специальных средств визуализации количественных данных – представления их в наглядном виде (рисунки, графики, диаграммы и т.д.). В частности, с этой целью используется техника инфографики⁵, популярная и активно развива-

ющаяся в последние годы. Подаваемая в подобной форме информация воспринимается и оценивается аудиторией как научно обоснованная, объективная и достоверная, она легко усваивается и запоминается.

2. Другой прием манипулирования информацией со смешанным содержанием, применяемый для психологического воздействия на аудиторию, можно условно обозначить как использование прототипов или плагиат качественных (проверенных временем) образцов. В этом случае недобросовестный коммуникатор использует ранее доказавшие свою эффективность образцы наглядной агитации, созданные профессиональными художниками, мастерами плаката, и незначительно модифицирует изображение либо текстовую часть, полностью меняя при этом смысловую направленность материала в соответствии с поставленной задачей. Часто для этой цели выбираются плакаты времен Второй мировой войны (причем как созданные отечественными художниками, так и образцы фашистской пропаганды) либо послевоенных лет, периода восстановления в СССР народного хозяйства.

Фактически эти вторичные материалы являются разновидностью плагиата. При этом лежащие в их основе изображения обладают высоким потенциалом психологического воздействия. Они вызывают множественные ассоциации, напоминают о героической борьбе с захватчиками, высоком патриотическом подъеме, духовном единстве народа, всем миром поднявшегося на защиту Отечества и победившего врага. При смене названия или изменении части рисунка происходит «перенацеливание» эмоций аудитории (как позитивных, так и негативных, в зависимости от содержания материала) на объекты, обозначенные в сопровождающих изображение текстах. При этом новый материал может в значительной мере сохранять воздейственный потенциал, характерный для оригинального произведения.

3. Известным приемом психологического воздействия, применяемым в материалах различных типов, в том числе изобразительных, является связь содержания сообщения со стереотипами общественного сознания, которые актуализируются при его восприятии. Использование таких стереотипов вызывает интенсивные эмоционально окрашенные реакции у представителей аудитории, как

⁵ Инфографика – это визуальное представление информации. Используется там, где сложную информацию нужно представить быстро и четко. Особенности инфографики: а) графические объекты, ассоциативно связанные с представляемой информацией или являющиеся графическим выражением трендов и направлений изменения представляемых данных; б) полезная информационная нагрузка; в) красочное представление; г) внятное и осмысленное представление темы (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Инфографика>).

на сознательном, так и на бессознательном уровне.

В изобразительных материалах наряду с социальными стереотипами могут использоваться и более глубокие структуры коллективного бессознательного – архетипы. Так, например, в композициях, описанных в предыдущем примере изображений (плагиат), а также рисунках-прототипах, могут присутствовать персонажи, олицетворяющие такие мощнейшие архетипы коллективного бессознательного, как «Мать» (Родина-мать, Отчизна), «Герой» (воин-освободитель, защитник), «Тень» (враг, чужак, агрессор, иноверец, захватчик, преступник), «Кровь», «Земля».

Аналогичное воздействие коммуникатор оказывает, используя изображения символов (крест, полумесяц, пяти-, шестиконечная звезда, знамя и пр.), имеющих в общественном сознании устойчивую эмоционально обусловленную нагрузку, вызывающих ассоциации соответствующей модальности. При анализе таких материалов эксперту следует учитывать, что изображения одних и тех же символических объектов в различных сочетаниях может

вызывать различные ассоциативные ряды у аудитории. Так, рисунок змеи и яблока будет, скорее, ассоциироваться с библейской притчей о грехопадении Адама и Евы, изображение змеи и чаши – это символ медицины, а просто змею, но зеленого цвета многие реципиенты будут воспринимать как «зеленого змия» – олицетворение пьянства.

Для того чтобы на высоком научном и методологическом уровне проводить психологический анализ материалов со смешанным содержанием, давать обоснованные, аргументированные ответы на поставленные перед ним вопросы, эксперт не должен ограничиваться рамками алгоритмов исследования, используемых в традиционных видах психологических экспертиз. Комплексный объект исследования требует адекватных ему подходов и методов, поэтому эксперт-психолог должен расширять свой научный кругозор, активно использовать информацию, полученную в смежных областях знания. В еще большей мере сказанное относится к экспертному анализу «динамических» материалов, включающих визуальный и звуковой ряд, живую речь оратора перед аудиторией.

Липатова Ж.Н.

прокурор Управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ЭКСПЕРТИЗА МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ, В СВЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОКУРОРА

В статье освещаются вопросы использования в правоприменительной практике в качестве доказательств экспертиз экстремистских материалов, необходимости единства методик, влияния законодательства на требования к экспертизам. Поднимается проблема соотношения и компилирования экспертной и юридической терминологии при оценке результатов экспертиз как доказательств.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, экстремистские материалы, экспертиза материалов экстремистской направленности, прокурорский надзор, доказательства, судебное рассмотрение

Zh. Lipatova

Prosecutor

Department for Supervision over Execution of Legislation on Federal Security, Interethnic Relations and Combating Extremism and Terrorism, Prosecutor General's Office of the Russian Federation

FORENSIC ASSESSMENT OF EXTREMIST MATERIALS: LEGAL ASPECTS IN VIEW OF THE ROLES OF INVESTIGATION AND PROSECUTION

The author examines the issues of using forensic assessments of extremist materials as evidence in law enforcement practice, the need for uniform methodologies, the implications of legislation for the criteria applied to forensic examinations. In addition, it raises the problem of balancing and compiling forensic and legal terminology when evaluating the results of forensic assessments brought forward as evidence.

Keywords: extremism, combating extremism, extremist materials, forensic assessment of extremist materials, prosecutor's supervision, evidence, court proceedings.

В эпоху перемен совершаются кардинальные изменения и трансформации как в обществе, так и в сознании людей, требующие их правового закрепления и регулирования. Распространение и наращивание экстремистских проявлений, представляющих угрозу обществу, дало толчок развитию

антиэкстремистского законодательства и его активному правоприменению.

С 90-х годов прошлого столетия правоохранительные органы для выявления в информационном материале экстремистских призывов в целях доказывания по уголовным, гражданским и административным

делам обращаются к проведению лингвистической экспертизы. Тем самым дано развитие новому направлению судебной лингвистической экспертизы – экспертизы материалов экстремистской направленности.

«Определение наличия или отсутствия словесного правонарушения, его состава, правильная квалификация деяния без проведения лингвистического исследования текста вряд ли возможно»¹.

Понимание того, что в современном обществе правосудие невозможно без профессионально выполненных экспертиз, потребовало применения не просто «обыденного» филологического знания, а разработки методик анализа речевой деятельности экстремистской направленности, применения инструментальных методов анализа, определения места этого вида экспертизы в классификации судебных экспертиз, ее предмета, объекта, целей и задач, определения пределов компетенции эксперта-лингвиста, а также использования специальных познаний в области психологии речевой деятельности и других наук².

Причастные к процессу становления этого направления экспертиз, конечно же, помнят время нехватки экспертов и экспертных учреждений, неопределенность в названиях экспертиз, отсутствие методик, недостаток научной обоснованности методологических исследований, недостаточную компетентность экспертов и т.д.

С введения в действие Федерального закона от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» прошло чуть больше десятилетия, а первым экстремистским материалом признана в апреле 2004 г. решением Савеловского районного суда г. Москвы книга «Книги единобожия» Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими³.

¹ Галяшина Е.И. Развитие судебных речеведческих экспертиз . Электронный ресурс [www. Jurislib.ru](http://www.Jurislib.ru) См.: Галяшина Е.И. Судебная экспертиза а гражданском, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. С. 371-394.

² См.: Галяшина Е.И. Развитие судебных речеведческих экспертиз . Электронный ресурс [www. Jurislib.ru](http://www.Jurislib.ru) , Галяшина Е.И. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертных и информационных сорах»/ Материалы научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002, часть 2. М.: Галерея, 2003.

³ Федеральный список экстремистских материалов, п. 2 //Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации / Электронный ресурс: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>

За столь непродолжительный период развития отрасли права и направления экспертной деятельности наработана существенная практика (в федеральный список экстремистских материалов включено 2475 материала⁴) и проделана большая работа по созданию методик проведения экспертиз.

Различными министерствами и ведомствами, наделенными полномочиями и обязанностями по проведению экспертиз, а также независимыми экспертами предложены различные виды экспертиз и разработано немалое количество различных методик и подходов на предмет выявления экстремизма как в текстах, так и иных видах носителей информации. В числе прочих проводились криминалистическая, кибернетическая, гуманитарная, комплексная судебная филологическая, социально-гуманитарная и другие экспертизы.

С накоплением опыта исследований в этой сфере выделились два основных вида экспертиз: лингвистическая и психолого-лингвистическая.

Одна из первых методик разработана в отделе юридической психологии НИИ при Генеральной прокуратуре РФ Ратиновым А.Р, Кроз М.В., Ратиновой Н.А. – Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о нарушении средствами массовой информации национального, расового и религиозного равноправия».

Авторы методики придерживаются точки зрения, что «приоритет при производстве таких исследований должен принадлежать социальным психологам и психолингвистам, устанавливающим общую смысловую направленность материала, вектор его воздействия на аудиторию, а филологи должны ограничиваться анализом языковых, речевых средств, использованных автором для реализации преступного замысла»⁵.

К методическим вопросам проведения лингвистической экспертизы обращаются такие ученые как А.Н. Баранов, Е.И. Галяшина , И.В. Жарков и др. В министерствах и ведомствах (МВД РФ, ФСБ РФ и др.) разработаны свои методики.

⁴ Федеральный список экстремистских материалов

⁵ См.: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика/ Под ред. проф. А.Р. Ратинова, М., 2005. С. 198.

Не только продолжают практику проведения комплексных экспертиз, но движутся по пути ее совершенствования в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте России. Во втором издании «Методики проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» (авторы: Кукушкина Ю.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.А.)⁶ имеется полезная для юристов, принимающих решение о назначении экспертизы, информация, например, рекомендуемые вопросы к экспертам.

Надо отметить, что совершенствование антиэкстремистского законодательства шло столь стремительно только благодаря адекватному и своевременному развитию правоприменительной практики и экспертной деятельности. В свою очередь нельзя не учитывать, что и законодательство активно влияет как на правоприменение, так и на экспертную деятельность, выдвигая к ней свои требования с учетом приоритета права, целью которого является регулирование общественных отношений. На этом пути взаимовлияния не избежать нестыковок, разногласий и противоречий, но наградой за разрешение поставленных задач является появление новых направлений как в науке, так и в практике, как в области юриспруденции, так и в судебной экспертизе.

Примерами влияния законодательства на экспертную деятельность может служить необходимость проведения экспертиз и по материалам, которые в силу ч. 3 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» априори должны быть определены как экстремистские, а именно: труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии.

Это связано с законодательным правоприменением ст. 20.29 Административного кодекса Российской Федерации, согласно которой ответственность за массовое распространение экстремистских материалов наступает только в случае,

если материал включен в Федеральный список экстремистских материалов.

С учетом требований административной нормы в целях правоприменения приходится включать в федеральный список экстремистских материалов такую литературу как книги А. Гитлера «Майн Кампф» (Моя борьба)⁷ и Б. Муссолини «Доктрина фашизма», «Мемуары 1942-1943», «Третий путь без демократов и коммунистов»⁸.

С введением ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», предусматривающем досудебную блокировку сайтов по требованию прокурора в целях оперативного пресечения распространения экстремистских материалов, возникает необходимость в быстром исследовании материалов с признаками экстремизма. Такая ситуация не позволяет провести полноценную экспертизу или исследование. По понятным причинам это будет усеченный вариант экспертного документа. Как он будет называться: справка об исследовании, предварительное заключение, консультационное заключение или другой вариант, законодатель не определил, соответственно не определены пределы компетенции и исследования, остается открытым вопрос и о дальнейшем проведении экспертизы.

Законодательное урегулирование необходимо для защиты прав экспертов в случае создания базы экспертиз, поскольку доступ к базе должен быть строго определен только кругом представителей правоохранительных органов, в производстве которых находятся либо уголовные дела по экстремистским преступлениям либо проводятся проверки на предмет признания материала экстремистским.

Несмотря на множество методик проведения экспертиз экстремистских информационных материалов, до сих пор отсутствует единый теоретический подход и практические основы в проведении лингвистических и иных комплексных экспертиз. Расхождение во взглядах экспертов и ученых в части теории проведения экспертиз и накладываемые при этом собственные убеждения и мировоззрение экспертов, а также иногда идеологическая и политическая ангажированность, приводят порой к оценочным суждениям и предположениям

⁶ См: Кукушкина Ю.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебно психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму./Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. – М.:ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. 2014. С. 29-39.

⁷ Федеральный список экстремистских материалов, п. 604.

⁸ Федеральный список экстремистских материалов пп. 668, 732, 2285

в ходе исследования, и в свою очередь к получению взаимоисключающих заключений. Такое положение дел не только ставит в тупик суд при принятии решения, но и дискредитирует в глазах общества саму систему признания и запрета экстремистских материалов.

Создание универсальной методики проведения экспертиз информационных материалов экстремистской направленности позволило бы избежать таких проблем, и в свою очередь, могло бы послужить ориентиром по формированию в обществе пределов допустимости в вопросах толерантности. Методик может быть несколько и даже множество, но все они должны быть воспроизводимы, т.е. каждый эксперт должен получить аналогичный результат с условием конкретного случая⁹.

В свое время юристы говорили о необходимости выработки единых критериев оценки экстремистских материалов. Время расставило все на свои места. Сейчас идет разговор о разработке типовой межведомственной методики Минюстом России, Следственным комитетом России, МВД и ФСБ России.

Сегодня существует проблема правоприменения, связанная с экспертной деятельностью, только начинающая обозначаться, а именно проблема применения экспертной терминологии в юридических документах, наиболее эффективное использование лингвистических и иных экспертиз экстремистских материалов как доказательств.

«Доказательственное значение экспертного заключения зависит от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий и оценок и выводов эксперта в ходе и по результатам процесса экспертного исследования»¹⁰. К этому хотелось бы добавить еще одно требование – возможность адаптации выводов эксперта к юридической терминологии.

Алгоритм деятельности по противодействию распространения экстремистских материалов на его конечном этапе представляется следующим:

- назначение следователем экспертного исследования (экспертизы);
- проведение исследования (экспертизы);
- оценка выводов и составление следователем обвинительного заключения или заявления прокурором в суд;
- оценка представленных доказательств судом и вынесение приговора или принятия решения.

Конечная задача прокурора или следователя при подготовке заявления или обвинительного заключения – это оценить выводы эксперта и использовать их в юридическом документе так, чтобы в первом случае было установлено, что имели место призывы к совершению экстремистской деятельности, а во втором – встраивались в формулу обвинения в соответствии с диспозицией статьи уголовного кодекса. В этом случае экспертиза будет являться достоверным доказательством, и у суда не возникнет проблем в его оценке и, соответственно, в принятии решения. Только при таком совпадении всех «пазлов» заработает система противодействия распространению экстремистских материалов.

К сожалению, юридическая и экспертная терминология значительно расходятся. Вот здесь и возникают трудности. Юрист формулирует вопрос, исходя из необходимости подведения результатов экспертизы к формулировкам норм закона. «Компетенция эксперта-лингвиста определяется кругом вопросов, для разрешения которых, требуются специальные знания в области лингвистики, во-вторых, объем которых ограничен установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Помимо того, что в компетенцию эксперта не входит квалификация деяния и признание материала экстремистским, эксперт не вправе оценивать призывы на наличие/отсутствие экстремизма»¹¹. Но ситуация нестыковки все же должна разрешаться, особенно с учетом того, что процессы развития правоприменения и становления лингвистической экспертизы находятся еще даже не на половине пути.

Большой вклад в развитие судебной экспертизы вносится государственными судебно-экспертными учреждениями в целях распространения методик и повышения

⁹ Липатова Ж.Н. Деятельность прокуратуры и совершенствование правовых основ в сфере противодействия распространению экстремистских материалов// Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 212.

¹⁰ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза (заключение эксперта): типичные ошибки. М.: Проспект, 2012. С. 544

¹¹ Подкатилина М.А. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты/афтореферат дис. на соиск. канд.юр. наук. С. 19.

квалификации экспертов. Важным событием стало проведение Министерством юстиции Российской Федерации в сентябре этого года в г.Брянске международного научно-практического семинара «Экстремистские материалы: практика экспертного анализа и анализ экспертной практики». Главным достижением семинара является глубокая практическая проработка выработанной методики. При таком подходе нет сомнений, что все возникающие вопросы в ходе использования заключения эксперта как доказательства по делу будут разрешены.

В целях дальнейшего решения проблемы соотношения и компилирования юридической и экспертной терминологии можно предложить, например, разработку теории соотносимости как юридической, так и экспертной терминологии либо создания словаря аналогичных экспертных и юридических терминов. В целях методического сведения такой деятельности возможна разработка методики консолидации экспертной и юридической терминологии.

При разработке и совершенствовании методик как лингвистических, так и психолого-лингвистических экспертиз эту проблему имеет смысл учесть, поскольку процесс разработки и совершенствования методик продолжается, а остановка на какой-либо догме не будет способствовать процессу развития этого важного и нужного экспертного направления.

Не исключена возможность появления новой отрасли или нового направления науки. «В наше время членение наук на частные отрасли компенсируется их взаимовлиянием и созданием промежуточных дисциплин, позволяющих изучать не изолированные феномены, а комплексы (циклы) казуально связанных явлений, относящихся к разным сферам жизни. Познание не может пренебречь фактором целостности»¹². Например, рассматриваемая тема может стать подотраслью юрислингвистики или лингвокриминалистики. В силу недолгого существования дисциплин ученые не пришли к единому мнению об их объектах и предмете, в связи с чем споры еще далеки от завершения. Н.Д. Голев определяет юрислингвистику как смежную дисциплину,

возникающую в зоне пересечения юриспруденции и лингвистики, объектом изучения которой являются все вопросы на стыке языка и права¹³.

К лингвокриминалистике относят разделы науки о языке, изучающие текст в юридических целях и социолингвистические аспекты криминальной субкультуры, и раздел языковедческой науки, обучающий составлению судебных лингвистических экспертиз¹⁴. «В значительной мере системную разработку проблем на стыке языка и права стимулирует само общество, в котором активизировались явления, ранее мало востребованные в качестве предмета юридического разбирательства»¹⁵.

Найти компромисс на стыке языка и права непросто, но только это приведет к единообразной практике применения законодательства, что должно, в свою очередь, качественно изменить общество в сторону внутреннего согласия. Если не добиваться этой цели и не работать в этом направлении, то сам процесс правового регулирования в обществе становится бессмысленным, поскольку право и было создано для закрепления обычая с целью регулирования жизни в обществе»¹⁶.

Как дальше будет развиваться теория и складываться практика проведения судебных экспертиз экстремистских материалов, нам только предстоит узнать. Главное при этом верить, что перемены не только ставят непростые задачи, но и дают ключ к знаниям, ведущим к новым горизонтам.

¹³ См.: Голев Н.Д. Язык и право – два фундамента современного общества/ Юрислингвистика 2007: Русский язык и современное российское право. Электронный ресурс: http://Siberia-expert.com/load/nomera_zhurnalov/1-1-0-12

¹⁴ См.: Грачев М.А. Лингвокриминалистика, – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2009. С. 6.

¹⁵ Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права/ Юрислингвистика 2002. Электронный ресурс: http://Siberia-expert.com/load/nomera_zhurnalov/1-1-0-12

¹⁶ Липатова Ж.Н. Деятельность прокуратуры и совершенствование правовых основ в сфере противодействия распространению экстремистских материалов// Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 212.

¹² Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1998

Е.И. Майорова,
главный эксперт ЛСЭЭ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
доктор юридических наук

Н.Ю. Гончарук,
главный эксперт ЛСЭЭ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
кандидат биологических наук

Э.В. Адамова,
федеральный судья

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКСПЕРТОВ-ЭКОЛОГОВ И СУДА В ПРОЦЕССЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассмотрены аспекты взаимодействия судебных экспертов с судами при назначении и производстве судебно-экологических экспертиз по уголовным делам. Приведены примеры конкретных судебно-экологических экспертиз из практики ЛСЭЭ РФЦСЭ при Минюсте России.

Ключевые слова: экологические преступления, судебно-экологическая экспертиза.

E. Mayorova

Master forensic examiner Laboratory of Environmental Forensics
Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice
DSc (Law)

N. Goncharuk

Master forensic examiner Laboratory of Environmental Forensics
Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice
PhD (Biology)

E. Adamova

Federal Judge

INTERACTION BETWEEN ENVIRONMENTAL FORENSIC EXPERT WITNESS AND COURT DURING CRIMINAL PROCEEDINGS

The paper addresses the aspects of interaction between forensic witness experts and courts in the appointment and production of environmental forensic examinations during criminal proceedings. Some cases investigated by the RFCFS Laboratory of Environmental Forensics are offered as examples.

Keywords: environmental crimes, environmental forensics.

Механизм правовой защиты экологических интересов граждан с помощью судебной системы в настоящее время только набирает обороты. Наличие института кассационного обжалования, обжалования в порядке надзора, право граждан и обще-

ственных организаций на участие в процессе, поддержка прокуратуры и прессы, судебно-экологическая экспертиза и другие факторы позволяют в полной мере использовать возможности российского законодательства в сфере охраны окружаю-

щей среды для обеспечения прав человека на экологическую безопасность. Правовой базой для судебной защиты экологических прав населения при совершении экологических преступлений помимо экологического законодательства, в котором санкции по большей части имеют отсылочный характер, остаются Уголовный кодекс Российской Федерации и Закон Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (от 27.04.1993 № 4866-1 в ред. Федеральных законов от 14.12.1995 № 197-ФЗ, от 09.02.2009 № 4-ФЗ).

Однако уголовное правоприменение в экологической сфере было и в настоящее время остается недостаточным. Экологическим преступлениям посвящена 26-я глава УК РФ (от 13.06.1996 № 63-ФЗ, ред. от 28.06.2014). Большинство её статей предполагают в основном санкции в виде штрафов. Состав преступлений 26-й главы УК РФ обычно предусматривает причинение существенного вреда компонентам окружающей среды и/или здоровью человека. Если первое имеет нормативную базу, то доказать причинно-следственную связь между экологическим преступлением и ухудшением здоровья человека практически невозможно.

Можно отметить некоторую либерализацию диспозиций и смягчение санкций статей УК РФ по сравнению с действовавшими ранее редакциями. Так, ст. 250 раньше предусматривала наказание за загрязнение водоемов, причинившее или могущее причинить вред здоровью людей, лесному или сельскому хозяйству, рыбным запасам. В действующей редакции УК РФ ст. 250 и ст. 251 признают преступлением только подтвержденный (состоявшийся) вред окружающей среде или человеку.

Среди 17-ти составов 26-й главы УК РФ, охватывающих большинство видов негативных воздействий на объекты окружающей среды, наиболее часто встречаются:

- незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260),
- уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261),
- нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262),
- нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247),
- загрязнение вод (ст. 250),

- загрязнение атмосферы (ст. 251),
- нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246).

Значительно реже возбуждаются уголовные дела по таким составам, как порча земли (ст. 254), нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255), незаконная охота (ст. 258), нарушение правил охраны водных биологических ресурсов (ст. 257), уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (ст. 259).

При рассмотрении в судах уголовных дел, связанных с вышеперечисленными составами, внимание, как правило, уделяется следующим вопросам:

- произошло ли в результате порубки полное прекращение роста древесных и кустарниковых растений,
- привело ли загрязнение водного объекта к массовой гибели рыбы и других водных животных,
- произошло ли при производстве земельных и строительных работ отчуждение плодородного слоя почвы и деградация почвенного покрова,
- оказывает ли размещение отходов производства и потребления негативное воздействие на объекты окружающей среды.

Суть всех этих вопросов сводится к установлению фактических обстоятельств негативных воздействий хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, что относится к сфере специальных знаний.

Судьи не обязаны обладать специальными знаниями в области экологии и смежных естественных наук. Для обеспечения потребностей судопроизводства в принятии справедливого и обоснованного решения по уголовному делу существует институт судебной экспертизы. Судебно-экологическая экспертиза – сравнительно новый класс экспертных исследований, успешно внедряющийся в последнее время в судебную практику. При этом практически единственным специализированным подразделением в государственных судебно-экспертных учреждениях, призванным исследовать вопросы негативного антропогенного воздействия хозяйственной и иной деятельности на объекты окружающей среды, является лаборатория судебно-экологической экспертизы (ЛСЭЭ) ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Министерстве

юстиции Российской Федерации. В системе судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста России в отдельных случаях подобные исследования проводятся также в ФБУ Красноярская, Тамбовская, Томская лаборатории судебной экспертизы, ФБУ Воронежский региональный центр судебной экспертизы.

Необходимо отметить, что в других правоохранительных органах Российской Федерации (МВД, ФСБ, СК России, Прокуратура и др.) подобные направления экспертных исследований отсутствуют.

Кроме того, судебно-экологические экспертизы осуществляются как негосударственными судебно-экспертными организациями, так и отдельными частными экспертами исключительно на коммерческой основе. Однако практика показывает, что при рассмотрении в судах заключений, выполненных негосударственными экспертами, вскрываются многочисленные противоречия, неполнота и недостаточная обоснованность выводов и практически всегда выход за пределы компетенции. Такое положение вещей обусловлено как системной сложностью, временной и пространственной изменчивостью самого предмета исследования, так и недостаточной подготовкой негосударственных экспертов в области теории и практики судебно-экологической экспертизы.

В практике судебных разбирательств по уголовным делам, связанным с антропогенным воздействием на окружающую среду, наблюдается огромное разнообразие конкретных ситуаций, даже если рассматриваемые дела возбуждены по одной и той же статье УК РФ.

Так, например, в рамках ст. 262 УК РФ (нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов) рассматриваются:

- порубки деревьев,
- земельные и строительные работы, связанные с нарушением почвенного покрова,
- уничтожение редких и исчезающих, занесённых в Красную книгу Российской Федерации, видов растений и животных,
- захламление территории бытовыми отходами и др.

При применении ст. 246 УК РФ (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ) ставятся вопросы о воздействии на окружающую среду строительства и эксплуатации насыпей, дамб,

шлюзов и других гидротехнических сооружений, нарушении правил складирования и хранения удобрений, средств защиты растений и ядохимикатов, о несоблюдении агротехники, неграмотных мелиорациях и непродуманном ландшафтном планировании.

Из сказанного со всей очевидностью следует, что без привлечения сведущего лица невозможно разрешить возникающие в процессе судебного разбирательства коллизии.

Следует отметить, что, хотя заключение эксперта является лишь одним из доказательств по делу и не играет исключительной роли в процессе доказывания, суды при принятии решений всё чаще опираются на результаты экспертного исследования.

Важную роль в расширении практики рассмотрения экологических преступлений должен сыграть анализ судебной практики.

Показательным примером может служить судебное рассмотрение уголовного дела, возбуждённого по ст. 246 УК РФ по факту строительства противопожарной лесной дороги. Основной задачей, стоявшей перед судом, было установление того, повлияло ли наличие дороги на почвенный покров, лесную растительность, зверей и птиц, водные объекты на прилегающей к дороге лесной территории. При этом было необходимо учесть результаты всестороннего комплексного исследования воздействия строительства на объекты окружающей среды. На стадии предварительного следствия следователем были назначены 4 судебные экспертизы, названные им судебно-экологическими. Тем не менее почти все вопросы, поставленные перед экспертами, являлись правовыми:

• Каков правовой статус лесов на территории, где была построена автодорога: на землях каких категорий они расположены, в чьей собственности находятся соответствующие лесные участки?

• Каков правовой режим лесных участков, через которые проходит автодорога, какие ограничения по их использованию установлены?

• Нарушены ли требования действующего природоохранного законодательства (правила охраны окружающей среды) при строительстве автодороги?

• На законных ли основаниях должностными лицами лесхоза и его филиала принимались решения о вырубке леса?

• Если нет, то какими должностными лицами и какие именно нарушения допущены?

• Имели ли указанные должностные лица право выписывать лесорубочные билеты?

Исключением являлся вопрос о воздействии строительства дороги на окружающую среду («Оказало ли строительство автодороги негативное воздействие на компоненты окружающей среды: почву, воду, атмосферу, растительный и животный мир?»). В комиссию экспертов были привлечены сотрудники областного университета: специалисты в области орнитологии, географии и гидрологии. При этом ни один из них не имел образования в области почвоведения. Не обладая знаниями в области теории судебной экспертизы, другими необходимыми процессуальными навыками, эксперты сосредоточились на непрофессиональном анализе действующего законодательства, как относящегося к сфере охраны окружающей среды, так и вовсе не относящегося к ней. Так, например, они обсуждали положения следующих нормативных правовых документов:

– Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ,

– Постановление Правительства Российской Федерации от 19 января 2006 г. № 20 «Об утверждении Положения о выполнении инженерных изысканий для подготовки проектной документации, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства»,

– Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,

– Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»,

– Постановление Правительства Российской Федерации от 21 марта 2002 г. № 174 «О лицензировании деятельности в области проектирования и строительства»,

– другие нормативные правовые акты.

Кроме того, в экспертном исследовании отсутствовали интегративность и согласованность действий, так как каждый из экспертов углубился в свою узкопрофессиональную область знания для решения несущественных для дела вопросов, что при-

вело к необходимости назначения новой судебно-экологической экспертизы другим негосударственным экспертам. Новая комиссия экспертов сосредоточилась на анализе ряда нормативных правовых актов, что не входит в компетенцию судебно-экологической экспертизы.

Аналогичным образом были проведены ещё 2 судебные экспертизы.

Во всех четырёх случаях выводы экспертов не были основаны на полноценном исследовании материалов уголовного дела, относящихся к предмету судебно-экологической экспертизы, и эмпирических данных, они не выезжали на место происшествия, не проводили его экспертного осмотра, не отбирали проб объектов окружающей среды для их последующих лабораторных исследований и потому не могли дать объективного, полного и обоснованного заключения.

Необходимо отметить, что описанная ситуация типична для рассмотрения уголовных дел, возбуждённых по различным составам экологических преступлений. Сконцентрировавшись на хорошо знакомом ему предмете, узкий специалист не в состоянии оценить ситуацию в целом.

В процессе рассмотрения данного уголовного дела суду пришлось принять определение о назначении ещё одной судебно-экологической экспертизы – в РФЦСЭ при Минюсте России. Экспертами после исследования материалов уголовного дела было заявлено ходатайство о необходимости осуществления экспертного осмотра места происшествия и прилегающей к нему территории и отборе проб объектов окружающей среды в целях их последующих лабораторных исследований.

Как выяснилось в процессе экспертного осмотра, влияние дороги на прилегающую территорию было весьма ограниченным вследствие того, что она была проложена через недавнюю гарь. (На последнее обстоятельство не было обращено внимания ни в одной из предыдущих экспертиз, проведённых негосударственными экспертами.) Для данной местности вследствие её природных условий лесные пожары являются регулярным периодическим явлением и оказывают значительное негативное воздействие на почвенный покров, лесную подстилку, растительность и животный мир, приводя к их постпирогенным (послепожарным) изменениям.

В Лесном кодексе Российской Федерации (от 04 декабря 2006 г. № 200-

ФЗ) недостаточно полно прописаны противопожарные мероприятия, поэтому правовое регулирование данных отношений осуществляется с помощью подзаконных нормативных актов, например Постановления Правительства РФ от 30 июня 2007 г. № 417 «Правила пожарной безопасности в лесах». Согласно этому документу противопожарные мероприятия заключаются в создании инфраструктуры, включающей сеть лесных противопожарных дорог.

Что касается рассматриваемой противопожарной дороги, то в рамках судебного разбирательства уголовного дела выяснилось, что именно её своевременное строительство позволило оперативно ликвидировать очаги возгорания на прилегающей лесной территории.

Анализ экологической ситуации, проведённый государственными судебными экспертами из РФЦСЭ при Минюсте России, показал, что лесонасаждение, лесная подстилка и плодородный слой лесных почв были уничтожены сильным верховым пожаром за 4 года до строительства дороги. Соответствующие постпирогенные изменения произошли также в составе и численности популяций животных. Поэтому последующее сооружение грунтовой противопожарной дороги не оказало существенного влияния на экологическое состояние прилегающей к ней территории.

При судебном рассмотрении уголовного дела именно заключение экспертов РФЦСЭ легло в основу оправдательного приговора в силу полноты, всесторонности и объективности проведённого исследования. Выводы комиссии экспертов базировались на строго научной основе, были изложены чётко и логично. Суду даже не потребовались дополнительные разъяснения специальных терминов и понятий.

Весьма показательна роль судебных экспертов-экологов при рассмотрении в суде уголовного дела, возбуждённого по факту загрязнения водоёма неочищенными канализационными стоками коммунального коллектора, повлекшего массовую гибель ценных пород рыбы, водной растительности и других гидробионтов. Задачей экспертного исследования являлось определение масштабов вреда и возможности его возмещения.

Ихтиологическая экспертиза, проведённая региональными специалистами в области рыбного хозяйства, показала, что количество погибшей рыбы превышает 860

000, а иных гидробионтов (речные раки) – 55 000 экземпляров.

Положение в немалой степени осложнялось тем, что событие преступления произошло за год до назначения судебно-экологической экспертизы. Тем не менее эксперты РФЦСЭ, выехав на место происшествия, установили несоответствие рассчитанного количества рыбы и раков размерам и физическим характеристикам водоёма. Прежде всего, не было учтено, что водный объект представлял собой затон глубиной от 1,5 до 6,0 м площадью около 4 га и не мог продуцировать такое количество гидробионтов. Произведя вычисления, эксперты определили, что количество погибших организмов было по крайней мере на порядок меньше (рыбы – не более 2300, а раков – не более 1500 экземпляров). Такое различие в выводах объясняется тем, что эксперты-ихтиологи не провели комплексного анализа экологической ситуации на месте происшествия и не вскрыли причинно-следственные связи между произошедшим событием и наступившими последствиями. Не были учтены ни рельеф дна, ни наличие впадины, в которой локализовались канализационные стоки, ни особенности температурного режима исследуемого водоёма. В заключении, выполненном судебными экспертами из РФЦСЭ, все эти обстоятельства нашли полное отражение. В процессе судебного рассмотрения уголовного дела, несмотря на значительную корректировку экспертами первоначального количества погибших гидробионтов, вред, причинённый окружающей среде, был признан значительным, что и послужило основанием для вынесения обвинительного приговора. По окончании уголовного процесса природоохранной прокуратурой был инициирован гражданский иск о возмещении в стоимостном выражении ущерба окружающей среде.

Обобщение судебной практики показывает, что уголовные дела практически не возбуждаются по таким статьям главы 26 УК РФ, как:

- ст. 248 (нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами),
- ст. 249 (нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений),
- ст. 252 (загрязнение морской среды),

– ст. 253 (нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации).

Такое положение обусловлено рядом причин. Зачастую экологическая составляющая объективной стороны составов преступлений не рассматривается, а уголовные дела возбуждаются по статьям, относящимся к разделам «преступления против государственной власти и порядка управления» и «преступления в сфере экономики». Тем не менее экологические аспекты нередко составляют значительную часть объективной стороны состава преступления, однако им не всегда уделяется должное внимание.

Поясним сказанное примером. В процессе расследования уголовного дела, возбуждённого по ст. 285 (злоупотребление служебными полномочиями), ст. 286 (превышение должностных полномочий) и ст. 289 (незаконная предпринимательская деятельность), была назначена судебно-экологическая экспертиза. В качестве объекта исследования выступал земельный участок сельскохозяйственного назначения, на котором осуществлялась незаконная добыча полезных ископаемых. Перед экспертами стояли задачи установления характера вреда, причинённого противоправным деянием объектам окружающей среды, возможности восстановления исходного экологического состояния территории и расчёта стоимости восстановительных мероприятий. Подозреваемый по делу, являясь главой муниципального образования, с превышением своих полномочий осуществлял незаконную предпринимательскую деятельность по добыче гранитного щебня, нанеся существенный вред окружающей среде. Были уничтожены растительность и почвенный покров на площади более 12 га. Также произошло истощение недр на глубину от 20 до 40 м от дневной поверхности. В результате проведённых исследований комиссия экспертов пришла к выводу о невозможности восстановления исходного экологического состояния исследуемого участка местности и непригодности его для использования по целевому назначению (для сельскохозяйственного производства¹). По сути дела данное деяние не было квалифицировано

как экологическое преступление, хотя такое имело место. В рассмотренном случае, как и в предыдущем, заключение экспертов РФЦСЭ послужило одним из основных доказательств по делу и базой для вынесения обвинительного приговора.

Другой причиной нечастого обращения к вышеназванным статьям УК РФ является некоторая неясность их смысла. Например, ст. 254 (порча земли) не вполне отражает сложившиеся научные представления о таких понятиях, как «почвы» и «земли».

ГОСТ 27593-88 «Почвы. Термины и определения» определяет почву как самостоятельное естественно-историческое органоминеральное природное тело, возникшее на поверхности земли в результате длительного воздействия биотических, абиотических и антропогенных факторов, состоящее из твердых минеральных и органических частиц, воды и воздуха и имеющее специфические генетико-морфологические признаки, свойства, создающие для роста и развития растений соответствующие условия.

В свою очередь, ГОСТ 26640-85 «Земли. Термины и определения» даёт следующее определение термина «земля»: важнейшая часть окружающей природной среды, характеризующаяся пространством, рельефом, климатом, почвенным покровом, растительностью, недрами, водами, являющаяся главным средством производства в сельском и лесном хозяйстве, а также пространственным базисом для размещения предприятий и организаций всех отраслей народного хозяйства.

Очевидно, что, исходя из формулировки ст. 254 УК РФ, речь в ней скорее идёт не о земле, а о почве, поскольку земля – это территория, а непосредственный объект окружающей среды – почва. Это вполне логично, так как в других статьях главы 26 УК РФ речь идёт именно об объектах окружающей среды (атмосфера, воды, растения, животные, недра). Закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ст. 4) среди объектов охраны окружающей среды выделяет отдельно земли, недра и почвы. Юристы, комментирующие УК РФ, отмечают казуистичность объективной стороны ст. 254 и постоянно путают понятие «земля» с понятием «почва». Вследствие отсутствия однозначного толкования положения этой статьи по ней редко возбуждаются уголовные дела и, как правило, не назнача-

¹ В порядке экспертной инициативы (в соответствии со ст. 204 УПК РФ) эксперты предложили наиболее целесообразное дальнейшее использование территории и произвели расчёт стоимости мероприятий по приведению её в состояние, пригодное для рекреации.

ются судебно-экологические экспертизы. Из вышесказанного явствует, что диспозиция ст. 254 УК РФ нуждается в корректировке.

Залогом эффективного и результативного сотрудничества судов и СЭУ Минюста России является понимание общности целей и задач единой системы правосудия. В силу своих профессиональных обязанностей эксперты всегда выполняют задания, которые ставят перед ними следователи и судьи. При недостаточности материалов уголовного дела, характеризующих обстоятельства дела и относящихся к предмету экспертизы, эксперты заявляют ходатайства о предоставлении необходимых им документов. Чаще всего это сведения о природных условиях (рельефе, геологическом строении, растительном и почвенном покрове и др.), а также об особенностях осуществляемой на исследуемой территории хозяйственной и иной деятельности и результатах проверок соблюдения требований природоохранного законодательства, проводившихся контролирующими организациями.

Однако со стороны судов иногда имеет место недопонимание необходимости организации деятельности экспертов. В частности, это касается вопроса организации осмотра места происшествия, что практически всегда необходимо при производстве судебно-экологических экспертиз. Например, нередки случаи, когда некоторые судьи в ответ на обращение экспертов об организации экспертного осмотра предлагают обратиться с этой целью к участникам процесса. Между тем согласно ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт не вправе «вступать в личные контакты с участниками процесса». Это требование закона невозможно соблюсти, если организацию осмотра будут осуществлять сами эксперты – они невольно

будут вынуждены общаться с участниками процесса. Последние, присутствующие при производстве экспертного осмотра, смогут вмешиваться в его ход, что запрещено ст. 24 упомянутого Федерального закона, и даже оказывать давление на экспертов.

В соответствии со ст. 57 УПК РФ эксперт вправе ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов, необходимых для ответа на вопросы, поставленные перед ним следствием и судом. В случае назначения судебно-экологической экспертизы экспертный осмотр места происшествия можно рассматривать как одно из основных средств получения экспертами дополнительных материалов для решения стоящих перед ними вопросов. Поэтому обеспечение беспрепятственного доступа на место происшествия и возможности исследования объектов окружающей среды по месту их нахождения должны осуществлять судебно-следственные работники.

Специфика судебно-экологической экспертизы ограничивает время проведения экспертного осмотра периодом с апреля-мая по ноябрь, что объективно обусловлено сезонностью функционирования объектов окружающей среды практически на всей территории Российской Федерации.

Практика ЛСЭЭ РФЦСЭ свидетельствует о том, что в ряде случаев ходатайство об экспертном осмотре удовлетворяется судом в зимний период, во время наличия устойчивого снежного покрова, препятствующего осуществлению экспертных мероприятий. Из-за этого могут увеличиваться сроки производства судебно-экологических экспертиз.

Своевременное и полное удовлетворение судами ходатайств экспертов позволит не только сократить сроки производства экспертизы и рассмотрения дела судом, но и будет способствовать установлению объективной и полной истины по рассматриваемому делу.

Экспертная практика

В.В. Жандарев,
главный эксперт ФБУ Ярославская ЛСЭ Минюста России,
кандидат химических наук

А.В. Митин,
заведующий лабораторией КЭМВИ ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России,
кандидат химических наук

М.В. Жандарева,
начальник ФБУ Ярославская ЛСЭ Минюста России

Ю.М. Воронков,
главный эксперт ФБУ РЦСЭ при Минюсте России,
кандидат химических наук

ГАЗОХРОМАТОГРАФИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТИЛОВОГО, ЭТИЛОВОГО, ИЗОПРОПИЛОВОГО СПИРТОВ ПО ПОЛУЧЕННЫМ НА ИХ ОСНОВЕ ЭФИРАМ 4-НИТРОБЕНЗОЙНОЙ КИСЛОТЫ

В работе представлена методика газохроматографического анализа спиртосодержащих жидкостей (ССЖ) в целях установления наличия в них метилового, этилового и изопропилового спиртов, базирующаяся на анализе их эфиров с 4-нитробензойной кислотой (4-НБК). Определена чувствительность методики. Предлагаемая методика рекомендуется к использованию при исследовании ССЖ технического назначения.

Ключевые слова: спиртосодержащие жидкости, газохроматографический анализ, эфиры 4-нитробензойной кислоты.

V. Zhandarev

Master forensic examiner
Yaroslavl Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice
PhD (Chemistry)

A. Mitin

Head of the Laboratory of Forensic Analysis of Materials, Substances & Products
Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

M. Zhandareva

Head of Yaroslavl Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

Yu. Voronkov

Master forensic examiner
Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice
PhD (Chemistry)

DETERMINATION OF METHANOL, ETHANOL AND ISOPROPYL ALCOHOL BY GAS CHROMATOGRAPHY ANALYSIS OF ESTERS OF 4-NITROBENZOIC ACID

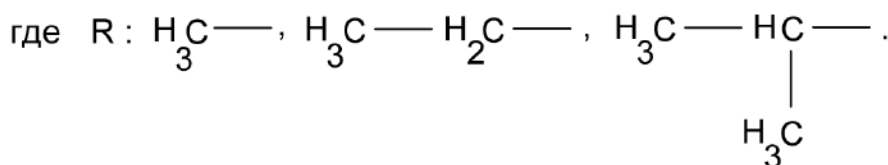
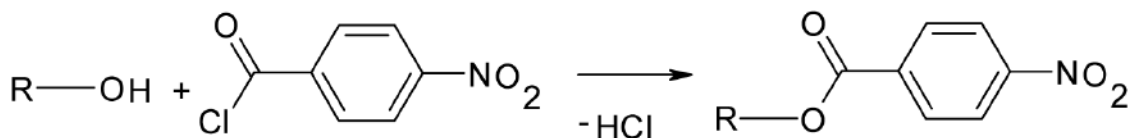
A method is presented for GS analysis of alcohol-containing liquids (ACLs) for the detection of methanol, ethanol and isopropyl alcohol, based on the analysis of their esters with 4-nitrobenzoic acid. Method sensitivity is determined. The proposed method is recommended for application in forensic analysis of industrial ACLs.

Keywords: alcohol-containing liquids, gas chromatography, esters of 4-nitrobenzoic acid.

Спиртосодержащие жидкости (ССЖ) поступают на экспертизу по делам о незаконном изготовлении и сбыте спиртных напитков, водно-спиртовых смесей технического и хозяйственно-бытового назначения и т.д.

При изготовлении ССЖ наиболее часто используются этиловый, метиловый и изопропиловый спирты. Кроме спиртов ССЖ, как правило, содержат ароматизаторы (отдушки) и красители, что затрудняет определение спирта методами качественного химического анализа. Поэтому наиболее эффективны методики, основанные на современных инструментальных методах, среди которых необходимо отметить газожидкостную хроматографию [1–3].

Из-за наличия в ССЖ трудноотделяемых от спиртов компонентов не всегда возможно их прямое газохроматографическое определение. Так, например, вызывает трудности обнаружение примеси метилового спирта в этилацетате. Нами разработана методика газохроматографического определения спиртов по полученным на их основе эфирам 4-нитробензойной кислоты (4-НБК). Методика включает процесс предколонной дериватизации, которая широко используется в хроматографии [1–3] и в данном случае протекает согласно схеме:

На схеме изображена формула спирта, где R – радикалы, соответствующие метиловому, этиловому и изопропиловому спирту.

Спирт взаимодействует с хлорангидридом 4-НБК с образованием соответствующего сложного эфира. Хлорангидрид 4-НБК – твердое кристаллическое вещество желтоватого цвета, со специфическим запахом, T пл. = 72–74 °С, содержанием основного вещества 98% [5, 6].

Синтез и выделение индивидуальных эфиров 4-НБК, используемых в качестве

эталонов для приготовления искусственной смеси, осуществляли следующим способом: в 10 мл спирта при кипячении растворяли 1,0–1,5 г хлорангидрида 4-НБК. Реакционную смесь выдерживали при кипячении 1–2 минуты и охлаждали до комнатной температуры. Выпавший белый кристаллический осадок фильтровали, сушили при температуре не более 40–45 °С. Для получения эфира высокой чистоты достаточно перекристаллизовать осадок в соответствующем спирте. В качестве растворителя для приготовления искусственной смеси эфиров использовали диоксан. Возможно прямое получение искусственной смеси эфиров без их выделения: смешивали 20 мл изопропилового спирта, 10 мл этанола и 5 мл метанола, добавляли 200–250 мг хлорангидрида 4-НБК и кипятили до полного растворения осадка.

Дериватизацию исследуемых ССЖ проводили следующим образом: в 15 мл диоксана при перемешивании растворяли 130 мг хлорангидрида 4-НБК. Затем к раствору приливали 15 мл исследуемой ССЖ и перемешивали еще 1,0–1,5 мин при комнатной температуре. Замена диоксана на диметилформамид в данных условиях не приводила к образованию эфиров. Из полученного раствора микрошприцом отбирали пробу в

количестве 1 мкл для ввода в хроматограф. Анализ осуществляли при следующих условиях: хроматограф Кристалл 2000М, режим 1, применяемый для анализа ССЖ [4], – полярная кварцевая капиллярная колонка DB-FFAP (длина 50 м, внутренний диаметр 0,32 мм, толщина пленки неподвижной жидкой фазы 0,5 мкм), общее время анализа 36 мин, температура детектора (ПВД) и испарителя 240 °С; температурный режим колонки – 75 °С (1 мин), 195 °С (скорость подъема температуры 15 °С/мин), газ-носитель азот, режим газа – давление 60 кПа (6 мин),

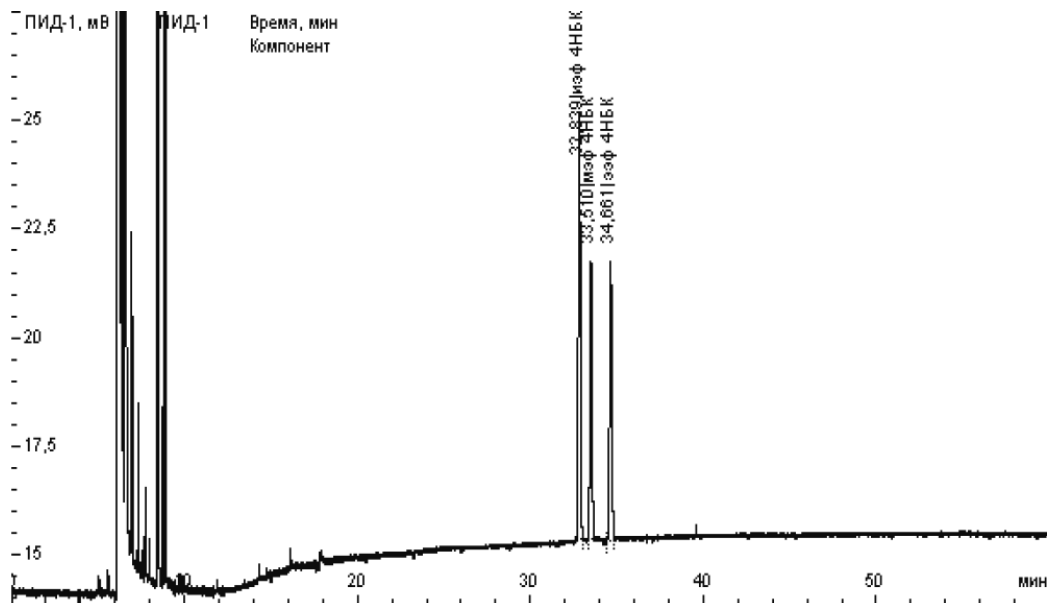

Рис. 1. Хроматограмма смеси индивидуальных эфиров 4-НБК (режим 1).
Идентифицированные пики: ИЭФ – 32,8, МЭФ – 33,5, ЭЭФ – 34,7 мин

90 кПа (скорость подъема давления газа – 3 кПа/мин), деление потока 1:50; режим 2 – колонка, температура детектора и испарителя те же, общее время анализа 25 мин, температура колонки 195 °С, давление газа 90 кПа, деление потока 1:50.

Присутствие того или иного спирта в исследуемой жидкости устанавливается по наличию в обработанной пробе соответствующего эфира. Идентификация полученного на хроматограмме пика эфира осуществляется сравнением его времени удерживания со временем удерживания пиков эталонных эфиров искусственной смеси, анализируемых в тех же условиях (рис. 1). На хроматограмме представлены пики изопропилового (ИЭФ), метилового (МЭФ) и этилового (ЭЭФ) эфиров 4-НБК.

Как видно из рисунка 1, эфиры представлены хорошо разделенными пиками. Превращение спиртов в эфиры реакцией этерификации и дальнейшее их хроматографирование сопровождается эффектом «смещения пиков» с увеличением времени удерживания.

С целью сокращения времени анализа использовался также более интенсивный режим 2. Время удерживания эфиров в этом режиме составляет: ИЭФ – 20,9, МЭФ – 21,6, ЭЭФ – 22,7 мин.

Структура полученных эфиров подтверждена методом хромато-масс-спектрометрии. Анализ проводили на хромато-масс-спектрометре Кристалл

5000.1-DSQ квадрупольного типа, ионизация электронным ударом 70 эВ с использованием неполярной кварцевой капиллярной колонки RTX-5MS (длина 15 м, внутренний диаметр 0,25 мм, толщина пленки неподвижной жидкой фазы 0,25 мкм) в режиме 3: общее время анализа 25 мин, температура ионного источника 200 °С, температура испарителя 250 °С; температурный режим колонки – 50 С (без выдержки), 250 °С (скорость подъема температуры 10 °С/мин), газ-носитель гелий, режим газа – поток через колонку 1,2 мл/мин, деление потока 1:30. Обработку хроматограмм и масс-спектров проводили с использованием программного обеспечения «Xcalibur».

Анализ полученных масс-спектров показал присутствие молекулярных ионов с m/e 181, m/e 195, m/e 209 метилового, этилового и изопропилового эфиров 4-НБК. Во всех спектрах наибольшей интенсивностью обладает линия с m/e 150, которая образуется в результате дефрагментации молекулярных ионов по С-О связи с отщеплением соответствующих алкилокси-радикалов (остатки спиртов). Часть молекулярных ионов, кроме этого, теряет еще и нитрогруппу с образованием фрагмента с m/e 104, линия которого также присутствует во всех спектрах. Сравнение полученных спектров с библиотечными масс-спектрами метилового, этилового и изопропилового эфиров 4-НБК показало, что они совпадают по основным линиям и их относительной интен-

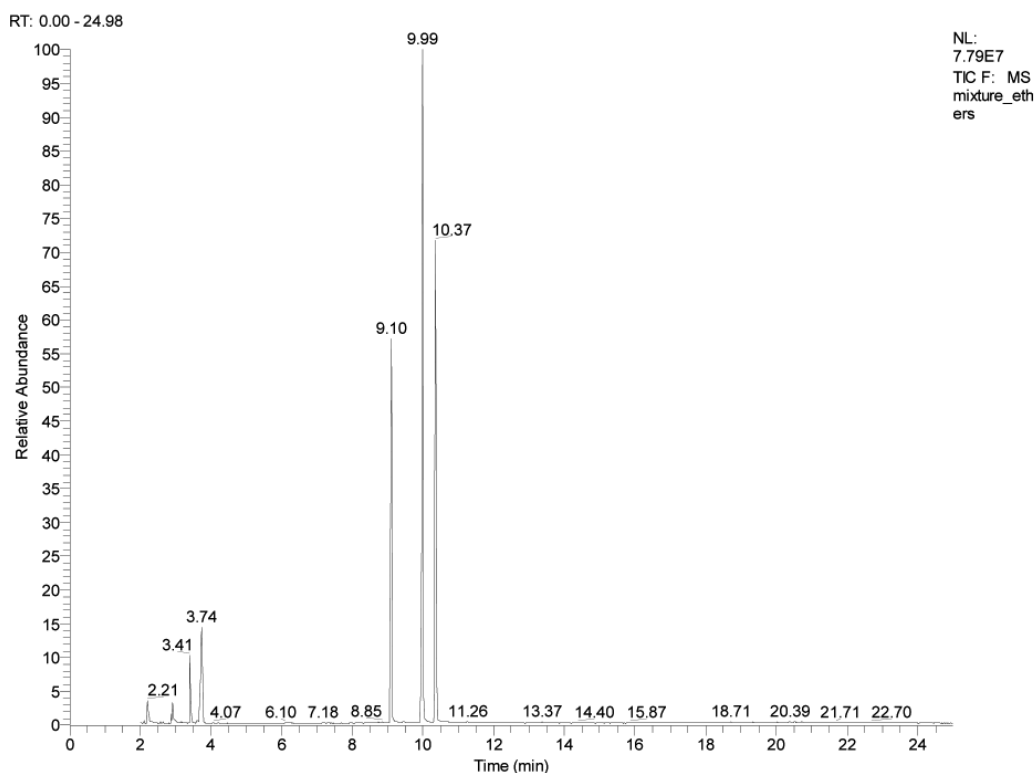

Рис. 2. Хроматограмма смеси индивидуальных эфиров 4-НБК (режим 3).
Идентифицированные пики: МЭФ – 9,1, ЭЭФ – 10,0, ИЭФ – 10,4 мин

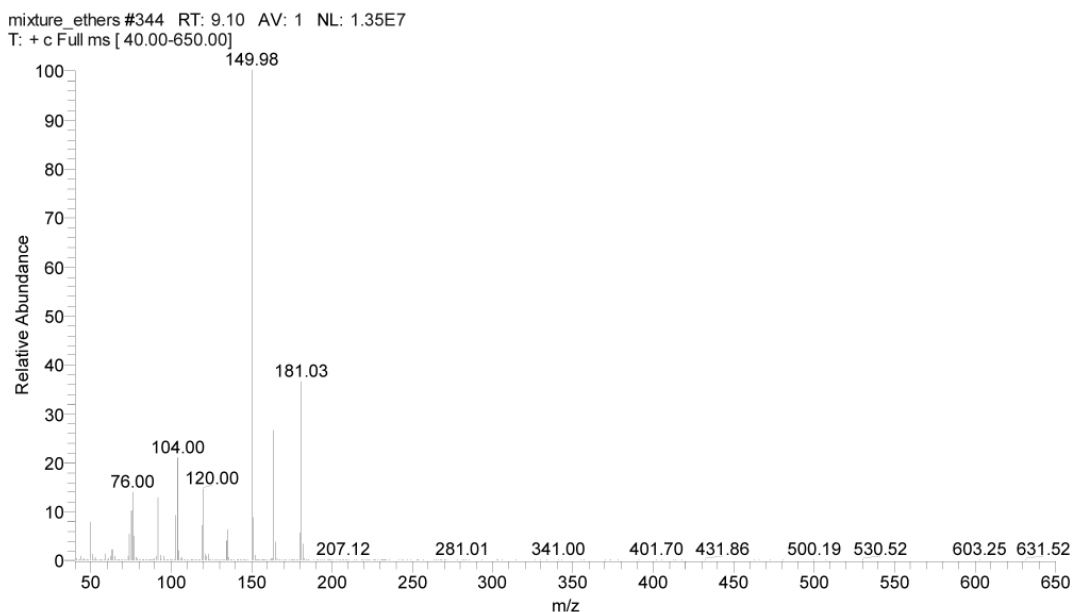

Рис. 3. Масс-спектр метилового эфира 4-НБК

сивности, что является достаточным для их идентификации.

Нами установлено изменение порядка послекOLONочного выхода эфиров в зависимости от полярности неподвижной жидкой фазы хроматографической колонки. Применение полярной колонки DB FFAP

(см. рис. 1) приводит к установлению следующей последовательности пиков эфиров: ИЭФ, МЭФ, ЭЭФ. То есть ИЭФ с наибольшим углеводородным радикалом в ряду выходит раньше всех. Использование неполярной колонки RTX-5MS приводит к расположению пиков эфиров в последо-

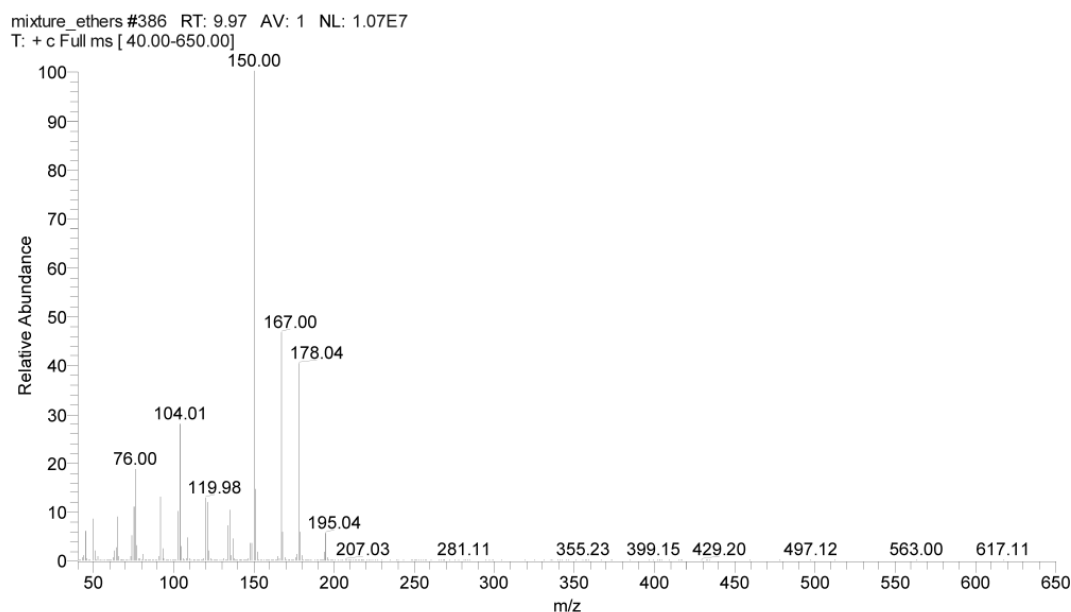

Рис. 4. Масс-спектр этилового эфира 4-НБК

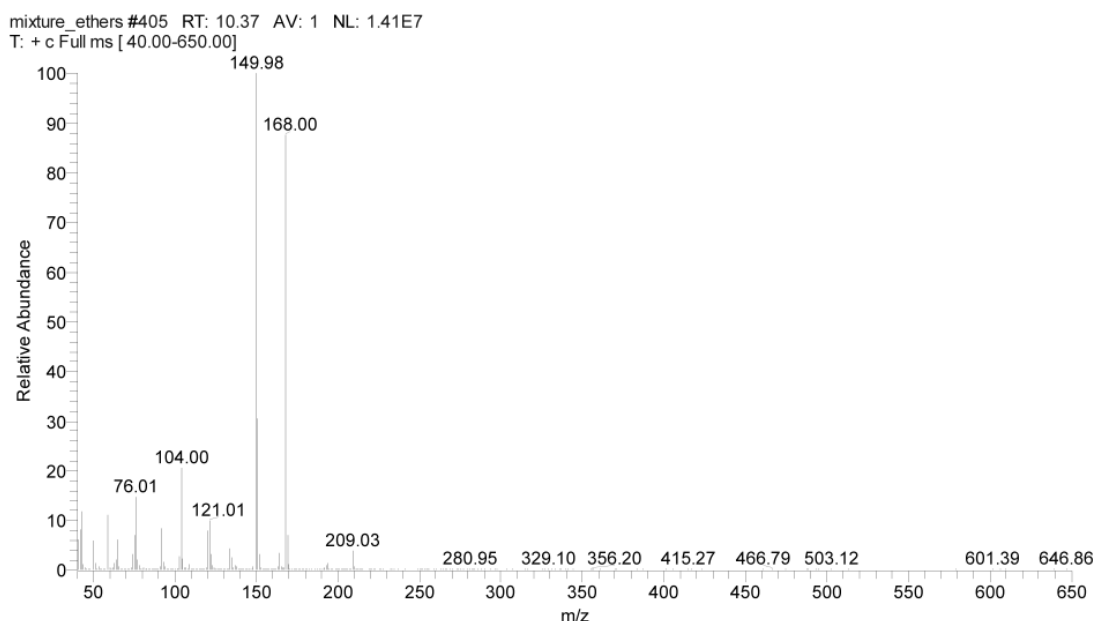

Рис. 5. Масс-спектр изопропилового эфира 4-НБК

вательности увеличения углеводородного радикала R: МЭФ, ЭЭФ, ИЭФ (рис. 2). Изопропиловый эфир с наибольшим углеводородным радикалом имеет максимальное значение времени удерживания.

Следует отметить, что эфиры 4-НБК являются малополярными соединениями. Их коэффициенты распределения Log P больше единицы и составляют для метилового эфира 1,80, этилового – 2,33, изопропилового – 2,68. Увеличение углеводородного радикала усиливает неполярные

свойства органических соединений [3]. В соответствии со значениями коэффициента распределения неполярные свойства возрастают в ряду от метилового эфира к изопропиловому. Увеличение времени удерживания в соответствии с усилением неполярных свойств в ряду исследуемых эфиров в данном случае можно объяснить усилением неспецифического дисперсионного взаимодействия данных веществ с неполярной неподвижной фазой колонки, что не противоречит литературным данным [2, 3].

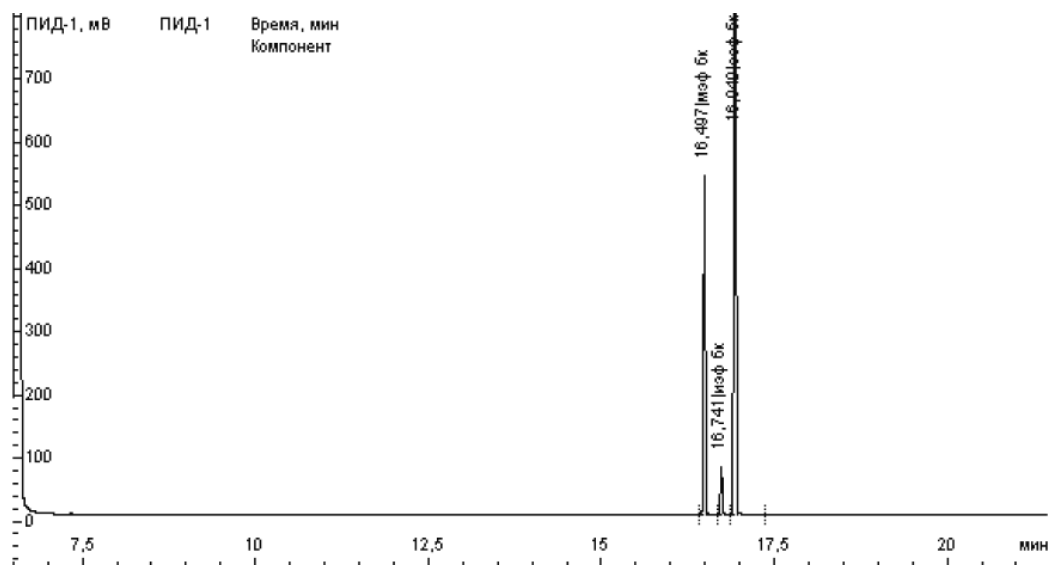

Рис. 6. Хроматограмма смеси индивидуальных эфиров 4-НБК (режим 1). Идентифицированные пики: МЭФ – 16,5, ИЭФ – 16,7, ЭЭФ – 17,0 мин

Замена хлорангидрида 4-НБК на хлорангидрид бензойной кислоты (БК) и анализ соответствующих эфиров приводит к следующей картине (рис. 6): пик, соответствующий изопропиловому эфиру, в этом случае располагается между пиками метилового и этилового эфиров. Изменение порядка выхода метилового и изопропилового эфиров 4-НБК и БК можно объяснить влиянием высокополярной нитрогруппы, которая может существенно влиять на специфические взаимодействия эфиров с неподвижной жидкой фазой хроматографической колонки.

Нами была определена чувствительность методики. Присутствие на хроматограммах вполне различимых пиков эфиров 4-НБК с соотношением сигнал : шум 1:4 соответствует следующему содержанию спиртов в жидкостях: изопропилового спирта – 2% об., этанола – 0,5% об., метанола – 0,1% об. То есть методика наиболее чувствительна к метилому спирту. Неодинаковая избирательность к спиртам вызвана их различной реакционной способностью по отношению к хлорангидриду 4-НБК, которая возрастает с уменьшением углеводородного радикала в ряду от изопропилового спирта к метанолу в силу уменьшения влияния подавляющего стерического (объемного) фактора [7].

В качестве примера практического применения разработанной методики

следует привести экспертное исследование поступивших в лабораторию канистр с окрашенной жидкостью. На этикетках отмечено, что в состав незамерзающей стеклоочистительной жидкости входят изопропиловый спирт, ароматизатор, краситель и т.д. Экспертам требовалось установить: какой спирт использовался при изготовлении представленной на исследование продукции? Наличие в жидкостях ароматизатора и красителя не позволило провести исследование методами качественного химического анализа. Применение разработанной нами методики позволило определить, что жидкости изготовлены на основе не изопропилового, а метилового спирта, который относится к ядовитым веществам [9, 10].

Таким образом, разработанная методика проста в исполнении, эффективна, позволяет достоверно установить наличие в жидкости метилового, этилового и изопропилового спиртов. Возможности методики могут быть расширены при использовании разных этерифицирующих реагентов, хроматографических колонок различной полярности.

Литература

1. Практическая газовая и жидкостная хроматография / Б.В. Столяров, И.М. Савинов, А.Г. Виттенберг и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. – 612 с.

2. Микеш О. Лабораторное руководство по хроматографическим и смежным методам. – М.: Мир, 1982. – Ч. II. – С. 584.
3. Айвазов Б.В. Введение в хроматографию. – М.: Высшая школа, 1983. – 240 с.
4. ГОСТ Р 51786-2001 «Водка и спирт этиловый из пищевого сырья. Газохроматографический метод определения подлинности».
5. Каталог Lancaster, 3259 4-nitrobenzoyl chloride.
6. Каталог Acros, 15043 4-nitrobenzoyl chloride.
7. Беккер Г. Введение в электронную теорию органических реакций / пер. с нем. Н.П. Гамбарян, Н.Д. Корешкова, Е.М. Рохлина; под ред. акад. И.Л. Кнунянца. – М.: Мир, 1965. – С. 258.
8. Файгель Ф. Капельный анализ органических веществ. – М.: Госхимиздат, 1962. – С. 453.
9. Швайкова М.Д. Токсикологическая химия. – М.: Медицина, 1975. – 376 с.
10. Список ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации. Утвержден Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964.

Дзюба Г.Г.
Заведующий отделом
ФБУ Иркутская ЛСЭ Минюста России

КЛЕЙМА НА ДНЕ ГИЛЬЗ ПАТРОНОВ ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ И СССР К ГЛАДКОСТВОЛЬНЫМ ОХОТНИЧЬИМ РУЖЬЯМ

Представлены маркировочные обозначения на дне гильз охотничьих патронов к гладкоствольным ружьям различных калибров.

Ключевые слова: клеймо, гильза, маркировочное обозначение

G. Dzyuba

Head of Department

Irkutsk Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

HEADSTAMPS ON CARTRIDGE CASES FOR SMOOTHBORE HUNTING RIFLES MANUFACTURED IN RUSSIA AND THE USSR

The paper offers an overview of headstamp markings on cartridge cases used in smoothbore hunting rifles of various calibers.

Keywords: headstamp, cartridge case, identification markings.

Производство патронов к гладкоствольным охотничьим ружьям является одним из наиболее динамично развивающихся секторов охотничьей индустрии. Постоянно происходит обновление ассортимента данной продукции ведущими отечественными производителями и новыми фирмами, освоившими выпуск указанных патронов. Одновременно с этим, расширяется и перечень клейм, наносимых производителями на дно гильз. Помимо того, в процессе своей деятельности, эксперты периодически сталкиваются с клеймами, не вошедшими в опубликованные ранее справочники или материалы по маркировочным обозначениям.

Предлагаемая работа, являющаяся продолжением материала предыдущего

номера журнала, расширяет имеющуюся базу данных и позволит экспертам проводить исследования с учётом состояния, сложившегося на современном этапе.

Источники:

1. Норейка Р. Искусство возрождать традиции // Калашников, 2013. – №11. – С. 60-65.

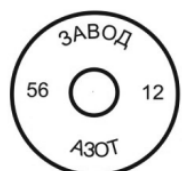
2. Тихонов С.Г. Оборонные предприятия СССР и России. – М.: ТОМ, 2010.

3. Информационный портал патронной тематики [Электронный ресурс] / URL:<http://patronen.su/> (дата обращения: 27.01.2014).

4. REIBERT.info [Электронный ресурс] / URL: <http://reibert.info>. (дата обращения: 27.01.2014).

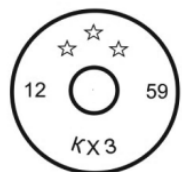
Город: Краснозаводск.
Фирма: Завод "Азот".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1954).

Город: Краснозаводск.
Фирма: Завод "Азот".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - год изготовления (1956), справа - калибр (12).

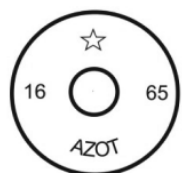
Город: Краснозаводск.
Фирма: Завод "Азот".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1959).

Город: Краснозаводск.
Фирма: Завод "Азот".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1959).

Город: Краснозаводск.
Фирма: Завод "Азот".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1963).

Город: Краснозаводск.
Фирма: Завод "Азот".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (16), справа - год изготовления (1965).

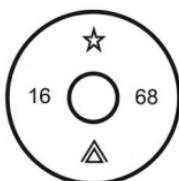
Город: Краснозаводск.
 Фирма: Завод "Азот".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Краснозаводск.
 Фирма: Завод "Азот".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Краснозаводск.
 Фирма: Завод "Азот".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1968).

Город: Краснозаводск.
 Фирма: Завод "Азот".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (16), справа - год изготовления (1968).

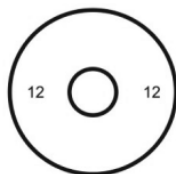
Город: Краснозаводск.
 Фирма: Завод "Азот".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1970).

Город: Краснозаводск.
 Фирма: Завод "Азот".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1973).

Город: Краснозаводск.
Фирма: Краснозаводский химический завод.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (16).

Город: Ангарск.
Фирма: Ангарское городское общество охотников и рыболовов.
Тип воспламенения: центральное.
Примечание: гильза с трубкой из пластмассы чёрного цвета, калибр 12, 16. Изготавливались в период с 1981 по 1989 гг.

Город: Барнаул.
Фирма: ОАО "Барнаульский станкостроительный завод".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - длина гильзы в мм (70), справа - калибр (12).

Город: Барнаул.
Фирма: ОАО "Барнаульский станкостроительный завод".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - длина гильзы в мм (70), справа - год изготовления (1997), внизу калибр (.410).

Город: Барнаул.
Фирма: ОАО "Барнаульский станкостроительный завод".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - длина гильзы в мм (70), справа - калибр (12).

Город: Барнаул.
Фирма: ОАО "Барнаульский станкостроительный завод".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1997), внизу - длина гильзы в мм (70).

Город: Барнаул.
 Фирма: ОАО "Барнаульский станкостроительный завод".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1992).

Город: Барнаул.
 Фирма: ОАО "Барнаульский станкостроительный завод".
 Тип воспламенения: центральное.

Город: Барнаул.
 Фирма: ОАО "Барнаульский станкостроительный завод"
 (предположительно, в сотрудничестве с промышленной
 корпорацией "Айсберг").
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Барнаул.
 Фирма: ЗАО "Барнаульский патронный завод".
 Тип воспламенения: центральное.

Город: Бийск.
 Фирма: Бийский химический комбинат.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (16), справа год изготовления (1984).

Город: Бийск.
 Фирма: Бийский химический комбинат.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (12), справа - длина гильзы в мм (70).

Город: Бийск.
Фирма: Бийский химический комбинат.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: вверху - торговая марка (BAIKAL), слева и справа - калибр (12), внизу - длина гильзы в мм (65).

Город: Бийск.
Фирма: Бийский химический комбинат.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: вверху - торговая марка (BAIKAL), внизу - калибр (12).

Город: Бийск.
Фирма: Бийский химический комбинат.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: вверху - торговая марка (BAIKAL), слева и справа - калибр (12), внизу - длина гильзы в мм (67.5).

Город: Бийск.
Фирма: Бийский химический комбинат.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: вверху - торговая марка (BAIKAL), слева и справа - калибр (12).

Город: Бийск.
Фирма: Бийский химический комбинат.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: вверху - торговая марка (BAIKAL), слева и справа - калибр (12).

Город: Бийск.
Фирма: АОО "Полиэкс" (Бийский химический комбинат).
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (12), справа - длина гильзы в мм (70).

Город: Бийск.
 Фирма: АОО "Полиэкс" (Бийский химический комбинат).
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа калибр (12).

Город: Бийск.
 Фирма: АОО "Полиэкс" (Бийский химический комбинат).
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Санкт-Петербург.
 Фирма: Центральное депо оружия Г.Э. Венигъ.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

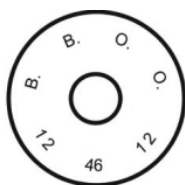
Город: Санкт-Петербург.
 Фирма: Центральное депо оружия Г.Э. Венигъ.
 Тип воспламенения: центральное.
 Примечание: патентованная гильза с поперечными поясками на внутренней части у дульца, предназначенными для лучшей фиксации снаряда дробовым пыжом.

Город: Климовск.
 Фирма: "Виктори-К".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Климовск.
 Фирма: "Виктори-К".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Фирма: предположительно “Всеармейское военное общество охотников”.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: сверху - код фирмы (В.В.О.О.), внизу - год изготовления (1946).

Фирма: завод “Военохот”.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1948).

Фирма: завод “Военохот”.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (12).

Фирма: завод “Военохот”.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (12).

Город: Москва.
Фирма: Промыслово-кооперативный союз охотников (1923-1931 гг).
Тип воспламенения: центральное.

Город: Одесса.
Фирма: А.Генчъ.
Тип воспламенения: центральное.

Город: Новосибирск.
 Фирма: Новосибирский механический завод "Искра".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (12), справа - длина гильзы в мм (70).

Город: Новосибирск.
 Фирма: Новосибирский механический завод "Искра".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (12), справа - длина гильзы в мм (70).

Город: Новосибирск.
 Фирма: Новосибирский механический завод "Искра".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Новосибирск.
 Фирма: Новосибирский механический завод "Искра".
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Луганск.
 Фирма: Луганский патронный завод.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: внизу - калибр (16).

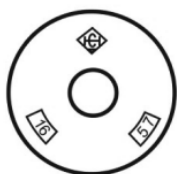
Город: Москва.
 Фирма: Московский дробилейно-патронный завод.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Москва.
Фирма: Московский дроболитейно-патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.

Город: Москва.
Фирма: Московский дроболитейно-патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.

Город: Новосибирск.
Фирма: предположительно Новосибирский совнархоз.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (16), справа - год изготовления (1957).

Город: Новосибирск.
Фирма: предположительно Новосибирский совнархоз.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - год изготовления (1959), справа - калибр (16).

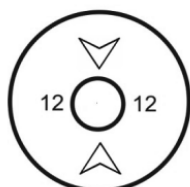
Город: Новосибирск.
Фирма: Новосибирский завод низковольтной аппаратуры (НЗНВА).
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (20), справа - год изготовления (1964).

Город: Москва.
Фирма: Товарищество "Охотвзрывгор" (1922-1924 гг).
Тип воспламенения: центральное.

Город: Москва.
Фирма: Товарищество “Охотничий вестник”.
Тип воспламенения: центральное.

Город: Москва.
Фирма: ООО “Патронная мануфактура”.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Ижевск.
Фирма: Ружейная фабрика И.Ф. Петрова.
Тип воспламенения: центральное.

Город: Ижевск.
Фирма: фабрика В.И. Петрова.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (28).

Город: Зеленодольск.
Фирма: ПО “Завод имени Серго”.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Зеленодольск.
Фирма: ПО “Завод имени Серго”.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Москва.
Фирма: Русско-бельгийский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.

Город: Москва.
Фирма: Русско-бельгийский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.

Город: Москва.
Фирма: Русско-бельгийский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.

Город: Москва.
Фирма: Русско-бельгийский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Москва.
Фирма: Русский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (20).

Город: Симбирск.
Фирма: Симбирский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (12).

Город: Киев
 Фирма: завод "Сокол" Украинского общества охотников и рыболовов.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - год изготовления (1974), справа - калибр (12).

Город: Киев
 Фирма: завод "Сокол" Украинского общества охотников и рыболовов.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1986).

Город: Москва.
 Фирма: фабрика Е.Торбекъ.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Москва.
 Фирма: фабрика Е.Торбекъ.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: внизу - калибр (16).

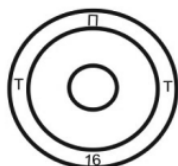
Город: Москва.
 Фирма: фабрика Е.Торбекъ.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: внизу - калибр (12).

Город: Москва.
 Фирма: фабрика акционерного общества "Торгохота" (1923-1927 гг).
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Москва.
Фирма: фабрика акционерного общества "Торгохота"
(1923-1927 гг).
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (20).

Фирма: предположительно "Торгово-промышленное товарищество".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (16).

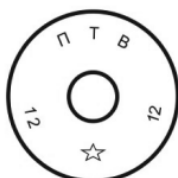
Город: Москва.
Фирма: предположительно "Торгово-промышленное товарищество".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Москва.
Фирма: предположительно "Торгово-промышленное товарищество".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (20).

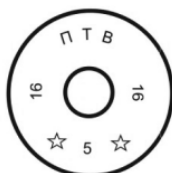
Город: Москва.
Фирма: предположительно "Трест по производству патронов, трубок и взрывателей".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (28).

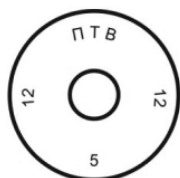
Город: Москва.
Фирма: предположительно "Трест по производству патронов, трубок и взрывателей".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (12).

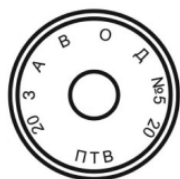
Город: Москва.
 Фирма: предположительно “Трест по производству патронов, трубок и взрывателей”.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: внизу - калибр (28).

Город: Москва.
 Фирма: предположительно “Трест по производству патронов, трубок и взрывателей”.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (16).

Город: Москва.
 Фирма: предположительно “Трест по производству патронов, трубок и взрывателей”.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Город: Москва.
 Фирма: предположительно “Трест по производству патронов, трубок и взрывателей”.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (20).

Город: Москва.
 Фирма: предположительно “Трест по производству патронов, трубок и взрывателей”.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (16).

Город: Тула.
 Фирма: Акционерное общество Тульских заводов.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: внизу - калибр (24).

Город: Тула.
Фирма: Тульский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (12).

Город: Тула.
Фирма: Тульский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (12).

Город: Тула.
Фирма: Патрубтрест (Тульский патронный завод).
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (20).

Город: Тула.
Фирма: Тульский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (24).

Город: Тула.
Фирма: Тульский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (32).

Город: Тула.
Фирма: Тульский патронный завод.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (20).

Город: Тула.
 Фирма: Тульский патронный завод.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (16), справа год изготовления (1968).

Город: Тула.
 Фирма: Тульский патронный завод.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (32), справа - год изготовления (1981).

Город: Тула.
 Фирма: Тульский патронный завод.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (12), внизу - торговая марка (ТАЙГА).

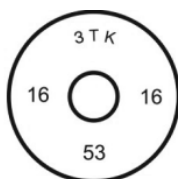
Город: Тула.
 Фирма: Тульский патронный завод.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: справа - калибр (32).

Город: Тула.
 Фирма: Тульский патронный завод.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: сверху - калибр (.410).

Город: Тула.
 Фирма: Тульский патронный завод.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (16).

Город: Тула.
Фирма: Завод Тульский имени Кирова
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (16), внизу - год изготовления (1953).

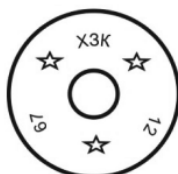
Город: Киев.
Фирма: предприятие "Трудовик"
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа калибр (16).

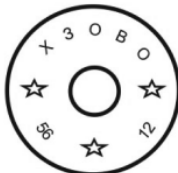
Город: Москва.
Фирма: ООО "Дроболитейный и патронный завод Феттерь".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (12).

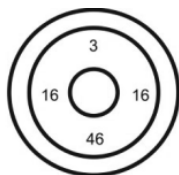
Город: Москва.
Фирма: ООО "Дроболитейный и патронный завод Феттерь".
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: внизу - калибр (12).

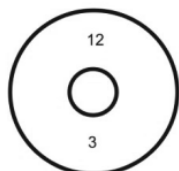
Город: Харьков
Фирма: Харьковский завод кондиционеров.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - год изготовления (1967), справа - калибр (12).

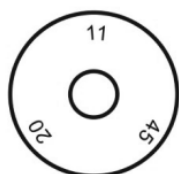
Фирма: предположительно Харьковский завод отопительно-вентиляционного оборудования.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - год изготовления (1956), справа - калибр (12).

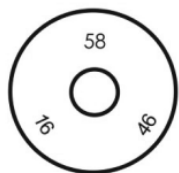
Город: Ульяновск.
 Фирма: завод №3 (Ульяновский машиностроительный завод).
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: вверху - код фирмы (3), справа и слева - калибр (16),
 внизу - год изготовления (1946).

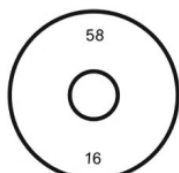
Фирма: данные отсутствуют.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: вверху - калибр (12).
 Примечание: гильза пластмассовая, цельнолитая.

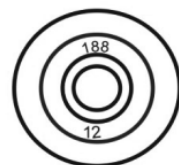
Город: Краснозаводск.
 Фирма: завод №11 (Краснозаводский химический завод).
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: вверху - код фирмы (11), слева - калибр (20), справа
 год изготовления (1954).

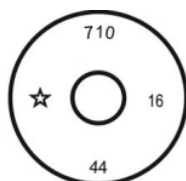
Город: Москва
 Фирма: завод №58 им. Клина Ворошилова.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: вверху - код фирмы (58), слева - калибр (16), справа
 год изготовления (1946).

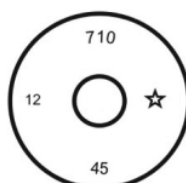
Город: Москва
 Фирма: завод №58 им. Клина Ворошилова
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: вверху - код фирмы (58), внизу - калибр (16).

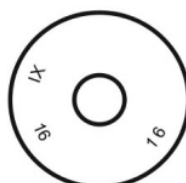
Город: Новосибирск.
 Фирма: завод №188 (Новосибирский завод низковольтной
 аппаратуры (НЗНВА)).
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: вверху - код фирмы (188), внизу - калибр (12).

Город: Подольск.
Фирма: завод №710 (Подольский электромеханический завод).
Тип воспламенения: Центральное.
На клейме: справа - калибр (16), внизу - год изготовления (1944).

Город: Подольск.
Фирма: завод №710 (Подольский электромеханический завод).
Тип воспламенения: Центральное.
На клейме: слева - калибр (12), внизу - год изготовления (1945).

Фирма: данные отсутствуют.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (16).
Примечание: гильза пластмассовая, цельнолитая.

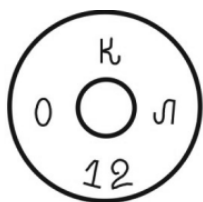
Город: Москва.
Фирма: данные отсутствуют.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (16).

Фирма: данные отсутствуют.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева - калибр (12), справа - год изготовления (1940).

Город: Москва.
Фирма: данные отсутствуют.
Тип воспламенения: центральное.
На клейме: слева и справа - калибр (12).

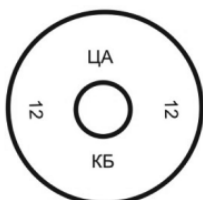
Фирма: данные отсутствуют.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: внизу - калибр (12).

Фирма: данные отсутствуют.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: внизу - калибр (12).

Город: Киев.
 Фирма: Американский магазин.
 Тип воспламенения: центральное.

Город: Дзержинск.
 Фирма: данные отсутствуют.
 Тип воспламенения: центральное.
 Примечание: гильза пластмассовая, цельнолитая.
 На клейме: слева и справа - калибр (12).

Фирма: данные отсутствуют.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева и справа - калибр (16).

Фирма: Данные отсутствуют.
 Тип воспламенения: центральное.
 На клейме: слева - калибр (12).

Методики,
методические
рекомендации,
информационные
письма

Е.Б. Статива,
эксперт лаборатории судебной
строительно-технической
экспертизы ФБУ РФЦСЭ
при Минюсте России

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Определены проблемы формирования методического аппарата судебной строительно-технической экспертизы в арбитражном процессе; раскрыт объективный и субъективный характер этих проблем; намечены пути их решения.

Ключевые слова: судебная строительно-техническая экспертиза, арбитражный процесс, методический аппарат, методики, методические рекомендации.

E. Stativa

Forensic examiner

Laboratory of Construction Forensics

Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

PROBLEMS OF PROVIDING METHODOLOGICAL SUPPORT FOR FORENSIC CONSTRUCTION EXAMINATIONS IN ARBITRATION PROCEEDINGS

The problems of building the methodological apparatus of forensic construction examinations in arbitration proceedings are defined; the objective and subjective nature of these problems is expounded, and some solutions are briefly outlined.

Keywords: construction forensics, arbitration, methodological apparatus, methodologies, methodological recommendations.

Судебная строительно-техническая экспертиза выступает в качестве эффективного средства установления обстоятельств дела, рассматриваемого в арбитражном судопроизводстве. Она позволяет использовать в процессе судебного разбирательства арбитражных дел весь арсенал современных научно-технических средств и является основным каналом внедрения в судебную практику достижений науки и техники в области строительной индустрии.

Стремительно усложняющиеся социально-экономические отношения в Российской Федерации, с одной стороны; развитие науки, совершенствование методов и средств исследования – с другой стороны, многократно увеличивают количество обращений арбитражных судов к носителям специальных знаний для их использования в доказывании при рассмотрении в арбитраже экономических споров в строительной отрасли. Цель данной статьи – выявление наиболее актуальных проблем форми-

рования методического аппарата судебной строительно-технической экспертизы (далее – ССТЭ) и определение перспективных направлений его развития.

Арбитраж СССР и РСФСР имел смешанную правовую природу, осуществлял одновременно и судебные, и управленческие (административные) функции.

Арбитражные суды Российской Федерации заменили государственный и ведомственный арбитраж. Поскольку доминирующее положение в экономической сфере занимала государственная собственность, то и формой разрешения споров был государственный, в том числе ведомственный, арбитраж.

Замена системы арбитражей арбитражными судами предопределялась новыми экономическими условиями перехода к рыночным отношениям, существованием нескольких форм собственности. Разрешение споров между равными субъектами хозяйствования прежними способами и методами, которые применялись в условиях плановой системы хозяйствования, стало невозможно. Арбитраж был преобразован в суд, деятельность которого по рассмотрению и разрешению споров протекает в арбитражной процессуальной форме, создающей устойчивые гарантии защиты права в равной мере всем участникам гражданского оборота¹.

Рассматривая в ретроспективе становление и развитие арбитражного судопроизводства в России во взаимосвязи с развитием ССТЭ, следует отметить, что к моменту вступления в действие первого Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (1992) у экспертов-строителей уже сложилась практика решения вопросов, которые нашли свое отражение в определениях о назначении судебных строительно-технических экспертиз, выносимых только что сформированными арбитражными судами.

В тот период был использован опыт проведения весьма схожих исследований, осуществляемых в рамках гражданского судопроизводства, которые сводились к установлению:

– видов, объемов и качества выполненных (выполняемых) строительных работ;

– стоимости эксплуатируемых (возведенных, возводимых) строительных объектов, а также земельных участков, функционально связанных с ними;

– причин, условий, обстоятельств и механизма возникновения и развития деструктивных процессов, протекающих в конструкциях зданий, строений и сооружений на таких этапах их жизненного цикла, как возведение и эксплуатация;

– конфигурации, площади и местоположения земельных участков, функционально связанных со строительными объектами;

– возможности реального раздела жилых домов, дач, построек хозяйственно-бытового назначения между их совладельцами в соответствии с условиями, заданными судом; разработка вариантов такого раздела;

– возможности определения порядка пользования земельными участками – элементами домовладений; разработка вариантов порядка их пользования.

При всей схожести видов судебно-экспертных исследований, проводимых в гражданском и арбитражном процессах, появился ряд специфических черт, присущих ССТЭ в арбитражном судопроизводстве.

Это обусловлено свойствами самих объектов гражданских споров, которые рассматриваются и разрешаются в арбитраже. Наиболее существенными из них следует считать конструктивную сложность, крупногабаритность и, соответственно, особую ценность (высокую стоимость) зданий, строений, сооружений и земельных участков.

Это потребовало проведения более сложных судебно-экспертных исследований. Данное обстоятельство послужило своеобразным импульсом развития ССТЭ, породив одновременно новые проблемы. Множество объектов ССТЭ в гражданском процессе на тот период практически сформировалось и включало в себя:

– квартиры многоэтажных жилых домов, поврежденные заливами и пожарами;

– индивидуальные жилые дома, дачные домики, возведенные в советский период на типовых для того времени 0,06 га земли и подлежащие реальному разделу между их собственниками (земельные участки, являющиеся собственностью государства, реальному разделу не подлежали). Сюда же можно отнести весьма незначительные объемы ремонтных или строитель-

¹ См.: Арбитражный процесс: учеб. для студентов юрид. вузов и факультетов / под ред. М.К. Треушникова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Городец, 2007. С. 17.

ных работ, выполняемых (выполненных) в квартирах и на приусадебных участках.

С формированием арбитражного судопроизводства в орбиту множества объектов ССТЭ были вовлечены разнопрофильные комплексы эксплуатируемых, возводимых и возведенных промышленных и гражданских зданий и сооружений, а также крупномасштабные участки земли и территории, функционально связанные с ними. Этими объектами были представлены во всем своем многообразии современные технологии строительства – как традиционные, так и не известные ранее экспертам (в том числе – импортированные в Россию), объемно-планировочные и конструктивные решения как строительных объектов в целом, так и отдельных их фрагментов, новые строительные материалы, конструкции, изделия, инженерное оборудование и пр.

Появление таких объектов обусловило эволюционный скачок в развитии судебной строительно-технической экспертизы. Для их исследования потребовались более обширные знания о строительстве, динамика развития которого, в свою очередь, была достаточно высока и остается таковой на сегодняшний день.

Новые по отношению к советскому периоду формы собственности предопределили не известные ранее судебно-экспертные ситуации, разрешение которых потребовало принципиально новых методических подходов.

К таким ситуациям следует отнести, например, споры о том, является ли то или иное сооружение объектом недвижимости (ст. 130 ГК РФ)², обладает ли оно признаками капитальности, возможно ли приватизировать и, соответственно, обособить комплекс помещений (прежде всего, расположенных в чердачных и подвальных пространствах) многоквартирных жилых домов и пр.

Относительно новые объекты, подлежащие экспертному исследованию, и упомянутые выше судебно-экспертные ситуации обусловили необходимость формирования более совершенной и сложной по своей структуре методической базы, обе-

спечивающей эффективное и научно обоснованное решение актуальных практических задач судебной строительно-технической экспертизы.

Процесс формирования методической базы большинства судебных строительно-технических исследований можно условно разделить на три последовательных этапа.

На первом этапе эксперты, установив наличие в определении суда вопросов, которые не решались ими ранее, самостоятельно, при отсутствии частной³ методики, формируют конкретную⁴ методику исследования. При повторении такой ситуации данная конкретная методика используется как базовая, несколько трансформируясь с учетом некоторого изменения поставленного судом вопроса и специфики объекта, подлежащего экспертному исследованию.

Первый этап может длиться достаточно долго – годами, а порой десятилетиями⁵ – до тех пор, пока накопленный эмпирический материал по своему объему и содержанию не сформирует собой условия для разработки общих методических подходов к решению определенного типа (вида) экспертной задачи.

Второй этап – подготовка и публикация статей научно-методического характера, в которых описывается складывающаяся практика решения экспертных задач, не отраженных ранее в методической литературе. В этих статьях рассматриваются отдельные аспекты и закономерности формирующихся на постоянной основе схожих судебно-экспертных ситуаций. Авторами также предпринимаются попытки определить предпосылки и объяснить причины проблемных для судебной практики имущественных споров, рассмотрение и разрешение которых требует использования специальных строительно-технических знаний.

³ Частная методика экспертизы – методика производства экспертиз определенного вида и подвида (см.: Корухов Ю.Г. Словарь основных терминов судебных экспертиз. М., 2007. С. 106).

⁴ Конкретная методика – методика производства экспертизы по конкретному делу (см.: там же, с. 44).

⁵ См., напр., экспертные производства № 823/19-3, № 3456/19-2. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2013, 2014. В данных заключениях эксперта отражены исследования, направленные на установление принадлежности строительных объектов к категории капитальных (некапитальных). Такого рода исследования проводятся уже более десяти лет; методические рекомендации в этой части отсутствуют.

² Гражданские споры такого рода возникают из требований о сносе неправомерно возведенных строительных объектов, нецелевом использовании земельных участков, на которых возведено (возводится) строение или сооружение, приведении налоговых сборов в соответствие с требованиями действующего законодательства о налогообложении.

В этих же работах излагаются методические подходы к решению отдельных экспертных вопросов, проводится их обоснование. В ряде случаев такого рода статьи носят полемический характер: авторская точка зрения противопоставляется складывающимся на практике тенденциям решения тех или иных задач, констатируется и раскрывается их несостоятельность либо проблематичность, излагается правильная, с точки зрения авторов, система методов, использование которой обеспечивает научно обоснованный результат⁶.

Третий этап формирования методической базы включает в себя подготовку, утверждение в установленном порядке⁷, опубликование и внедрение в практику методик (методических рекомендаций) решения типовых судебно-экспертных задач.

Такая трехзвенная структура процесса формирования судебно-экспертной методической базы ССТЭ позволяет систематизировать современные методические разработки судебных экспертов-строителей с учетом степени развития их отдельных направлений (таблица).

№ п/п	Наименование экспертных исследований	Заключение эксперта (реквизиты)	Опубликованные статьи (название, год издания)	Методики (методические рекомендации) – есть/нет, название, год издания
		1 ЭТАП	2 ЭТАП	3 ЭТАП
1	Установление возможности и разработка вариантов преобразования земельных участков	Экспертные производства № 4536/19-2, № 1994/19-2 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2013	Преобразовательные задачи судебной строительно-технической экспертизы (2001)	Определение технической возможности и разработка вариантов преобразования земельного участка спорного домовладения в соответствии с условиями, заданными судом (2012)
2	Установление возможности и разработка вариантов преобразования жилых домов	Экспертные производства № 4236/19-2, № 1404/19-2 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2013–2014	Раздел жилого дома в судебном порядке (1997); Совершенствование практики рассмотрения судами исков о разделе жилых домов (1993)	Определение технической возможности и разработка вариантов преобразования жилого дома как элемента домовладения в соответствии с условиями, заданными судом (2012)
3	Определение видов, объемов, качества и стоимости строительных работ	Экспертные производства № 3100/19-3, № 370/19 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2013–2014	Судебные споры о качестве жилых помещений (1999); Проблема реализации права судебного эксперта на ходатайство при проведении стоимостных исследований (2011)	Определение видов, объемов, качества и стоимости строительно-монтажных и специальных работ по возведению, ремонту (реконструкции) строительных объектов (2012)
4	Определение причин возникновения и развития дефектов в строительных конструкциях	Экспертные производства № 3605/19-3, № 165/19-3 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2013–2014	Судебные споры о дефектах строительных объектов (1999)	Определение причин возникновения и развития дефектов в каменных конструкциях (2012)
5	Определение стоимости восстановительного ремонта помещений, поврежденных заливом	Экспертные производства № 3598/19-2, № 998/19-2 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2013–2014	Судебные споры о величине ущерба при заливах и пожарах (1999); Стоимость восстановительного ремонта квартиры после залива и величина физического износа элементов ее отделки (2011)	Методика экспертного решения вопроса о стоимости восстановительного ремонта квартиры, поврежденной заливом (пожаром) (2007)

⁶ См., напр.: Бутырин А.Ю. Основной принцип и критерии возможности реального раздела зданий различного функционального назначения // Вопросы назначения и производства судебной строительно-технической экспертизы. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. С. 45–52; Статива Е.Б. Принципы делимости вещи и критерии реального раздела строительных объектов различного функционального назначения // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1 (29). С. 75–80.

⁷ В системе судебно-экспертных учреждений Минюста России утверждение методик (методических рекомендаций) осуществляется Научно-методическим советом РФЦСЭ при Минюсте России.

Методики, методические рекомендации, информационные письма

6	Определение стоимости восстановления зданий и сооружений, поврежденных пожаром	Экспертные производства № 12/19-2, № 4586/19-1 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011–2012	Применение визуально-измерительного метода неразрушающего контроля при решении экспертных вопросов, связанных с установлением причин возникновения и развития дефектов каменных ограждающих конструкций жилых и общественных зданий (2010)	Определение стоимости восстановления зданий и сооружений, поврежденных пожаром (2012)
7	Отнесение строительных объектов к категории движимого или недвижимого имущества	Экспертные производства № 274/19-3, № 3856/19-3 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2012–2014	Недвижимость как объект судебной строительно-технической экспертизы в арбитражном процессе (2013)	Нет
8	Отнесение строительных объектов к категориям капитальных или некапитальных	Экспертные производства № 3456/19-2, № 102/19-3 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2012–2013	Нет	Нет
9	Установление возможности и разработка вариантов реального раздела зданий общественного и производственного назначения между их собственниками	Экспертные производства № 3896/19-2, № 1184/19-2 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2009–2012	Основной принцип и критерии возможности реального раздела зданий различного функционального назначения (2011)	Нет
10	Установление функционального назначения подвальных и чердачных помещений жилых многоквартирных домов	Экспертные производства № 1115/19-3, № 3580/19-3 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2009–2011	Нет	Нет
11	Установление причин, условий, обстоятельств и механизма разрушения строительного объекта	Экспертные производства № 3605/19-3, № 1957/19-1 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2013	Методика установления причин, условий, обстоятельств и механизма разрушения строительного объекта (2006); Диагностика разрушения металлических объектов при установлении причины аварии (по материалам комплексных строительно-металловедческих экспертиз) (2001)	Нет
12	Определение рыночной и иных видов стоимости зданий, строений, сооружений, а также земельных участков, функционально связанных с ними	Экспертные производства № 2953/19-1, № 4806/19-2 и др. Архив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014	Некоторые особенности определения рыночной стоимости объектов недвижимости жилищной и градостроительной сферы при производстве судебных строительно-технических экспертиз (2001); Исходные данные для проведения судебно-оценочных исследований (2011)	Методические рекомендации по решению экспертных вопросов, связанных с определением рыночной стоимости строительных объектов и земельных участков, функционально связанных с ними (готовится к публикации)

Приведенные в таблице результаты систематизации научно-методических разработок, осуществляемых в ходе развития ССТЭ, позволяют сформировать общую картину ответственности ее методической базы потребностям судебной практики, определить первоо-

чередные и последующие задачи, стоящие перед экспертами в части осуществления научно-методической деятельности.

Следует отметить различие в стартовых позициях методических направлений развития ССТЭ. Ряд этих направлений базируется на уже существующих методических разработках, другие, не имея такой основы, формируются исходя из результатов обобщения экспертной практики.

В первом случае это, например, разработка методических подходов к установлению возможности реального раздела между совладельцами таких объектов, как производственные и офисные здания, торговые павильоны⁸ и пр., на основе указанных выше опубликованных методических рекомендаций по производству ССТЭ, связанных с реальным разделом домовладений. Во втором случае – разработка методических рекомендаций, связанных с установлением функционального назначения подвальных и чердачных помещений при рассмотрении арбитражных споров о возможности их приобретения в частную собственность.

Разумеется, создание методик на основе существующих разработок процесс менее трудоемкий – здесь уже имеется определенная теоретико-методическая концептуальная основа, и этот процесс, по сути, является логическим продолжением сформированной цепочки суждений и указаний на необходимость или целесообразность выполнения определенных познавательных действий. При подготовке же принципиально новых методик приходится начинать, как говорится, «с нуля», формировать структуру и алгоритм предстоящих исследований с учетом содержания вопросов, ставящихся на разрешение экспертов, и специфики объекта того или иного вида экспертизы.

Сложности, сопровождающие создание принципиально новых методик ССТЭ, являются локальной и легко преодолимой проблемой формирования методической базы этого рода судебных экспертиз. Проблемой общего характера является чрезвычайно низкая активность экспертов-строителей (как государственных, так и негосударственных) в методической работе при том, что число экспертов, осуществляющих практическую деятельность на посто-

янной основе, весьма значительное – более 2500 негосударственных и 260 – государственных. Судебная строительно-техническая экспертиза как самостоятельное направление судебно-экспертной деятельности существует и развивается около тридцати лет – срок немалый для любого вида прикладной познавательной деятельности. И тем не менее при том, что каждая конкретная судебная экспертиза, как и любое исследование, – процесс творческий, требующий высокого уровня профессиональной подготовки (что определенным образом характеризует судебных экспертов в целом и экспертов-строителей в частности), авторов научно-методических статей и методических разработок можно перечислить, так сказать, по пальцам, и их круг практически не расширяется. Это обусловлено, на наш взгляд, рядом причин.

1. Экспертов, сочетающих высокий уровень профессионализма и основательный опыт практической работы, значительно меньше, чем вмещает в себя сообщество сведущих в области строительства лиц, чьей профессией стала судебная строительно-техническая экспертиза.

2. Те сведущие лица, кто обладает двумя указанными выше качествами, весьма востребованы судопроизводством и, соответственно, перегружены производством экспертиз. Методическая же работа требует большой концентрации усилий в течение длительного времени, что не соотносится с постоянно высокой индивидуальной экспертной нагрузкой.

3. Для подготовки методик (методических рекомендаций) необходимо так называемое абстрактное мышление, способность к обобщению, умение выявлять складывающиеся закономерности в практике производства схожих по своему содержанию экспертиз. Здесь нужно распознать то общее, что связывает разрабатываемый вид исследований с другими, и определить специфику, присущую исключительно данному виду.

Иными словами, разработчик методик должен обладать рядом познавательных навыков, которые не являются обязательным элементом практических судебно-экспертных исследований, то есть в этом плане он должен иметь кроме специальных строительно-технических знаний определенные дополнительные интеллектуальные способности и деятельностные возможности. Такими данными обладают далеко не

⁸ См., напр.: Бутырин А.Ю. Указ. соч.

все эксперты, поэтому круг потенциальных создателей методической базы ССТЭ достаточно узок, что, как мы видим, объективно обусловлено.

К сказанному следует добавить, что ССТЭ, как и всякая судебная экспертиза – это прежде всего практическая, прикладная деятельность. Поэтому такие естественные устремления тех сведущих лиц, для кого судебная экспертиза стала основной профессией, как профессиональный рост, успехи в конкурентной борьбе, индивидуальном соперничестве, выработывании собственного стиля и комплекса эффективных исследовательских навыков, приобретение и укрепление авторитета, позитивной репутации в профессиональной среде и прочее – все это лежит в практической плоскости. Этим судебные эксперты отличаются, например, от научных работников, профессиональное реноме которых складывается преимущественно через публикации, защиты диссертаций, доклады на различного рода семинарах и конференциях, в которых находят свое отражение результаты их научных исследований.

Таким образом, в этой части отсутствует ярко выраженная имиджевая мотивация. Отсутствуют и карьерные мотивы. В отличие от строительного производства, где опыт и знания предопределяют карьерный рост, в судебно-экспертных учреждениях движение по служебной лестнице обусловлено, скорее, наличием и успешной реализацией организаторских способностей, которые преобладают над творческими и не предполагают сосредоточения и концентрации усилий в подготовке методических разработок.

Материальная мотивация здесь также отсутствует – производство экспертиз оплачивается значительно выше, чем пу-

бликации, адресатом которых является достаточно немногочисленная аудитория.

Таким образом, немногочисленность потенциальных разработчиков методик и методических рекомендаций по проблемам ССТЭ, которые, в свою очередь, обязаны осуществлять производство экспертиз и выполнять иные служебные обязанности, – закономерная черта развития ССТЭ, сохраняющаяся в течение достаточно длительного периода времени. Учитывая данное обстоятельство, первоочередным по значимости моментом здесь является определение приоритетов в методической работе. Эти приоритеты обусловлены прежде всего потребностями судебной практики, изучение и обобщение которой позволяет предположить следующую тематическую последовательность подготовки методических работ с учетом тех направлений судебно-экспертных исследований, которые в данный момент не обеспечены официальными методическими рекомендациями либо методиками (см. таблицу, строки 7–11):

1. Определение рыночной и иных видов стоимости зданий, строений, сооружений, а также земельных участков, функционально связанных с ними.
2. Установление функционального назначения подвальных и чердачных помещений жилых многоквартирных домов.
3. Отнесение строительных объектов к категории движимого или недвижимого имущества.
4. Отнесение строительных объектов к категориям капитальных или некапитальных.
5. Установление возможности и разработка вариантов реального раздела зданий общественного и производственного назначения между их собственниками.

Методы и средства СЭ

Нестерина Е.М.

ведущий эксперт ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
кандидат технических наук

Лукашова М.В.

специалист-аналитик ООО "ТЕСКАН",
кандидат физико-математических наук

НОВЕЙШИЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА БАЗЕ СКАНИРУЮЩЕГО ЭЛЕКТРОННОГО МИКРОСКОПА В ЦЕЛЯХ СУДЕБНО-ПОЧВОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.

ЧАСТЬ 2. СПОСОБЫ РАСШИРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ НА БАЗЕ СЭМ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА. ПОДГОТОВКА ОБРАЗЦОВ ДЛЯ АНАЛИЗА. ФАКТОРЫ, СДЕРЖИВАЮЩИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ СИСТЕМ В СУДЕБНО- ПОЧВОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ.

Описаны новейшие технические решения, позволяющие расширить возможности автоматизированного метода анализа минералогического состава на базе сканирующего электронного микроскопа. Рассмотрены способы специальной подготовки образцов для этого анализа. Обсуждаются основные факторы, сдерживающие применение этого революционного метода в судебно-почвоведческой экспертизе. Приведены примеры применения этого метода для исследования объектов почвенного и почвенно-геологического происхождения.

Ключевые слова: судебно-почвоведческая экспертиза, автоматизированный способ минералогического анализа, метод дифракции обратно рассеянных электронов, волновая спектроскопия, катодолюминесцентная спектроскопия, подготовка образцов для анализа.

E. Nesterina

Lead forensic examiner

Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

PhD (Engineering)

M. Lukashova

Analyst, TESCAN Ltd.

PhD (Physics & Mathematics)

LATEST INSTRUMENTAL TECHNIQUES BASED ON THE USE OF A SCANNING ELECTRON MICROSCOPE FOR MINERALOGICAL ANALYSIS: APPLICATIONS IN FORENSIC SOIL ANALYSIS

PART 2: WAYS TO EXPAND THE CAPABILITIES OF SEM-BASED AUTOMATED SYSTEMS USED FOR DETERMINATION OF MINERALOGICAL COMPOSITION. SAMPLING TECHNIQUES. FACTORS LIMITING THE USE OF SUCH SYSTEMS IN FORENSIC SOIL ANALYSIS.

Novel technical decisions enabling to broad up advances of automatic mineralogical analysis on the base of scanning electron microscope are described. Sample preparation technique for this analysis is considered. The main factors which constrain the usage of this revolution method in the aid of soil and geological forensics are discussed. Examples of application the automatic mineralogical analysis on base of scanning electron microscope for objects of soil and geological nature are given.

Keywords: soil forensic examination, automated method of mineralogical analysis, back scattering electron diffraction method, wave spectrometry, cathodoluminescence spectrometry, sample preparation.

Несмотря на кажущуюся универсальность метода автоматического анализа минералов, описанного в части 1 [1], он имеет и некоторые ограничения. Специальные технические решения могут помочь преодолеть многие проблемы и получить дополнительную информацию об исследуемом образце.

1. Локальный анализ типа и ориентации кристаллической решетки

Так, при использовании только детектора обратно-отраженных электронов и детектора характеристического рентгеновского излучения различить минералы с близкой яркостью, но разным составом, принципиально возможно. Различить же минералы с близкой яркостью и близким составом может оказаться проблематично.

Метод локального анализа типа и ориентации кристаллической решетки, в котором для анализа картин дифракции отраженных электронов необходим специальный EBSD-детектор и специальное программное обеспечение может оказаться очень полезным в этом случае.

Например, компания Oxford Instruments выпускает EBSD-детектор с программным обеспечением AZtec HKL для локального анализа типа и ориентации кристаллической решетки.

Необходимо в этой связи более подробно рассказать о программном обеспечении AZtec - новом программном продукте от Oxford Instruments, который в настоящий момент последовательно вбирает в себя все больше и больше модулей, ранее представленных только в INCA — старой платформе для микроанализа того же производителя. В будущем предполагается, что AZtec полностью заменит INCA. В настоящий момент всем пользователям детекторов Oxford Instruments устанавливаются обе

платформы — и INCA, и AZtec. Программное обеспечение AZTEC [2] призвано объединить оборудование новейшего поколения и многозадачное программное обеспечение с опытом нескольких десятилетий по созданию совершенных автоматизированных систем микроанализа для исследования материалов. Преимущества данного программного обеспечения можно кратко изложить следующим образом:

- Единый интерфейс для многих методов микроанализа
- В реальном времени объединяются данные от детекторов ЭДС и EBSD
- Картирование анализируемой поверхности с получением полных спектральных данных ЭДС одновременно с данными EBSD переводит на новый уровень фазовый анализ, упрощает повторный анализ и реинтерпретацию результатов
- Встроенные структурные базы данных материалов для анализа картин дифракции с последующей идентификацией стехиометрии вещества и типа и ориентации его кристаллической решетки.
- Скорость и функциональность.

2. Сочетание энергодисперсионного и волнодисперсионного спектрометров.

ЭДС – высокоскоростной метод одновременного анализа, очень гибкий и удобный в применении, но даже лучшие ЭДС детекторы не могут сравниться по разрешению с волнодисперсионными спектрометрами (ВДС) [3], которые обладают хорошим спектральным разрешением и чувствительностью.

Основные преимущества ВДС заключаются в следующем:

- Микроанализ приблизительно в десять раз более чувствительный по сравнению с ЭДС

- Анализ элементов-примесей (< 0.1 - <0.01%)
- Спектральное разрешение примерно на порядок лучше ЭДС
- Разделение близко расположенных пиков
- Точная идентификация пиков
- Наилучшая чувствительность для анализа легких элементов
- Картирование с наилучшим отношением пик/фон

Несмотря на более высокие возможности в анализе, ВДС относительно медленный последовательный метод по сравнению с быстрым параллельным ЭДС анализом. В ЭДС анализе: за несколько секунд можно получить полный спектр образца и определить его качественный и количественный химический состав, а ВДС за то же время диагностирует только концентрацию одного какого-нибудь элемента, заданного оператором.

Исходя из особенностей ЭДС и ВДС-методик видно, что они являются дополняющими друг друга методами микроанализа. В связи с этим компания Oxford Instruments разработала систему микроанализа INCA Energy+, которая позволяет организовать совместную одновременную работу ЭДС и ВДС спектрометров, объединяя тем самым преимущества обоих методов, а именно: прекрасное спектральное разрешение ВДС и высокую скорость работы ЭДС. На практике совместная работа ЭДС и ВДС означает, что анализ следовых концентраций или анализ перекрывающихся пиков выполняется с помощью ВДС-спектрометра, а анализ остальных элементов — с помощью ЭДС.

Оператор выбирает в едином ПО управления двумя детекторами, какую приставку использовать для какого элемента.

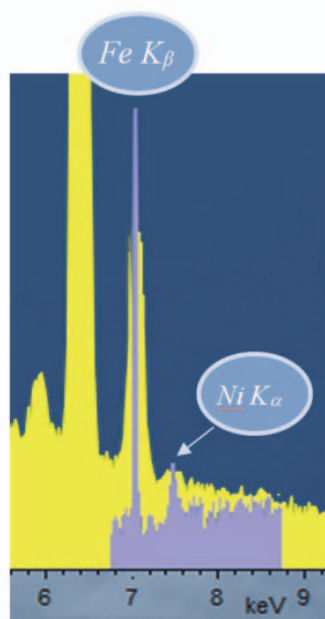

Рис. 1 – Фрагмент рентгеновского спектра с хлорита. Желтым цветом показан спектр, полученный с помощью ЭДС; синим цветом — с помощью ВДС. Для наглядности при наложении спектров было выполнено произвольное вертикальное масштабирование. Видно, что ВДС-спектр позволяет надежно установить наличие примеси никеля в анализируемом минерале, в то время как, оперируя ЭДС-спектром, о присутствии никеля остается только гадать.

3.3 Регистрация излучения катодолюминесценции

Катодолюминесценция - разновидность люминесценции, которая возбуждается первичным пучком электронов (микронзондом) и возникает вследствие излучательной рекомбинации электронно-дырочных пар или внутренних переходов в люминофорах. Другими словами, ряд материалов при облучении их высокоэнергетическими электронами генерирует излучение видимого спектра. Прежде всего, такими материалами являются полупроводники и многие минералы. (например, кварц, энстатит, щелочные полевые шпаты, плагиоклазы [4]).

Перечислим типы детекторов для регистрации излучения катодолюминесценции, расположив их в порядке увеличения информативности и ценовой нагрузки:

— панхроматические CL-детекторы. Результат применения — черно-белые изображения, яркость участков на которых пропорциональна суммарной интенсивности CL-излучения от этого участка;

— цветные CL-детекторы (например, Color CL производства TESCAN), которые сохраняют реальную цветовую гамму излучаемого участка (пример на рис. 2);

— спектрометры CL-излучения.

CL-детекторы при изучении минералогических особенностей почв интересны прежде всего тем, что CL-изображения (и/или CL-спектры) потенциально содержат в себе огромный пласт информации о микропримесях, о дефектах кристаллической решетки и проч., недоступный другими методами. Такая чувствительность CL-сигнала к мельчайшим неоднородностям вещества объясняется тем, что в генерации CL-излучения участвуют внешние валентные электронные оболочки (а не внутренние, как при генерации рентгеновского излучения, используемого в ЭДС). Энергия валентных электронов зависит от дефектов кристаллической решетки и от примесных атомов (а внутренние оболочки не подвержены изменению из-за химических связей). Напри-

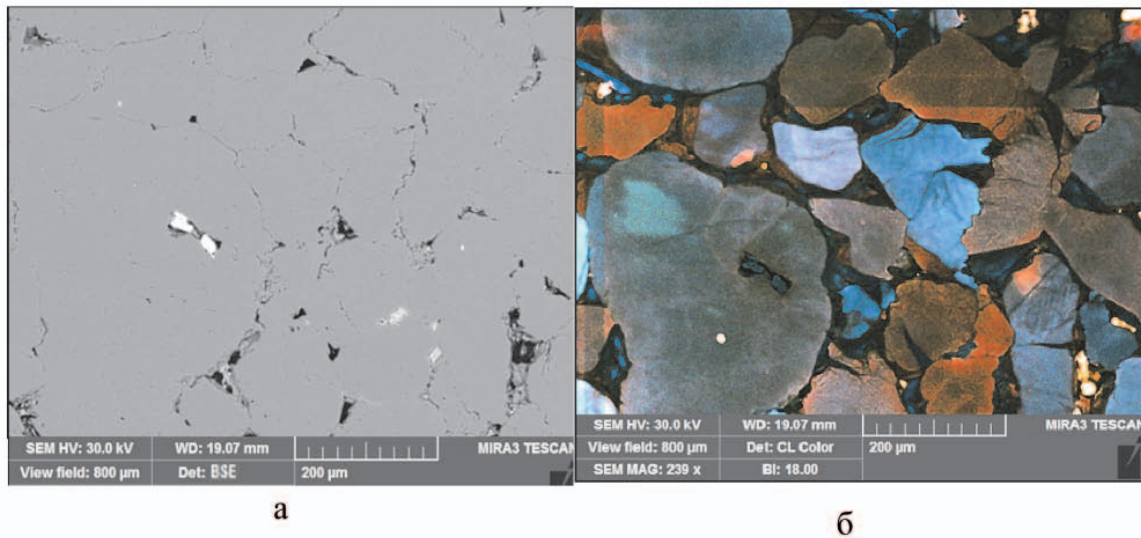

Рис. 2 – Один и тот же участок образца песчаника: а – классическое электронное BSE-изображение, б – изображение с помощью цветного CL-детектора TESCAN Color CL

мер, рисунок 2 иллюстрирует, насколько богаче становится CL-изображение песчаника в отличие от классического электронного BSE-изображения.

Отметим также, что метод регистрации катодолюминесценции становится в мировой практике все более и более популярным. В геологической экспертизе его используют, например, для отличия природных алмазов от искусственных, а в некоторых случаях удается даже сделать заключение о способе их приготовления [5]. В археологии данный метод применяется для определения происхождения керамики на основании различий в люминесценции зерен кварца [6].

4. Пробоподготовка образцов для автоматического минералогического анализа.

Пробоподготовка образцов имеет особое значение для достижения желаемого результата, поэтому рассмотрим далее способы подготовки объектов почвенной, почвенно-геологической и техногенной природы для проведения автоматического минералогического анализа.

Как известно, для достижения большей точности и воспроизводимости результатов микроанализа рекомендуется проводить исследования на гладкой горизонтальной поверхности. Для этого частицы вещества обычно помещают в легкоплавкие сплавы (при анализе неметаллов), или легко отверждаемые смолы типа эпоксидной смолы, и затем поверхность полируют и напыляют углеродом или золотом

[7-8]. Стандартная схема пробоподготовки следующая: частицы вещества от 5 мкм до 3 мм (предпочтительно брать узкую фракцию), заливают в эпоксидную смолу (иногда используют метил метакрилат) в формах диаметром 30 мм, затем отверждают при температуре 50-60°C, делают поперечный срез, полируют и напыляют углеродом (или золотом).

В настоящее время в тех случаях, когда исследуемый материал имеется в достаточном количестве и подготовка шлифов может быть поставлена на поток, (например, при анализе почв при производстве судебно-экологических экспертиз, технической экспертизе сырьевых материалов и веществ, проходящих через таможню, экспертизе строительных материалов и т.п.) можно использовать специальное оборудование для приготовления аншлифов и также тонких шлифов с использованием смол. Так, для приготовления шлифов больших размеров (диаметром 25-35 см) может подойти оборудование фирм BUCHLER и STRUERS. Для изготовления шлифов небольших размеров специально для исследований методами электронной микроскопии фирмой LEICA MICROSYSTEMS выпускается специальное оборудование для резки и полировки.

Специфика судебно-почвоведческой экспертизы, а также некоторых других видов экспертиз, связана с тем, что эксперт имеет дело с малыми количествами вещества, которые необходимо исследовать без нарушения целостности объекта. В этих случаях, необходим взвешенный подход при выборе способов пробоподготовки.

С одной стороны известно [9], что проведение количественного элементного и минералогического СЭМ-ЭДС анализа 3-х мерных частиц приводит к трудно учитываемым погрешностям (до 20 %), а также к проблемам идентификации фаз с близким химическим составом (например, гематита Fe_2O_3 , магнетита Fe_3O_4 и вюститита FeO).

С другой стороны, анализ неполированных образцов хорошо зарекомендовал себя при проведении автоматического анализа следов продуктов выстрела и при исследовании твердых взвесей, выделенных из воздуха (с размерностью частиц порядка 2-20 мкм). В описании к системе QEMSCAN, например, указано на возможность проведения исследования непосредственно на 3-х мерных частицах вещества, нанесенных на отрезок электропроводящего углеродного скотча.

Идея автоматического определения минералогического состава 3-х мерных частиц непосредственно на поверхности двухстороннего электропроводящего углеродного скотча выглядит более чем заманчиво с точки зрения простоты осуществления пробоподготовки, тем более, что в литературе имеются сведения по успешному определению минералогического состава 3-х мерных частиц.

Так, при исследовании [10] характеристических особенностей состава пыли, образовавшейся при взрыве башен 11 сентября в Америке пробоподготовка осуществлялась следующим образом. 100 мкл суспензии приготовленной из 0,5 г почвы, просеянной через сито с размером ячейки 0,25 мм, и 100 мл воды, наносили на поликарбонатный фильтр с размером пор 0,4 мкм. После высушивания пробу крепили к столику микроскопа с помощью отрезка двухстороннего токопроводящего скотча, напыляли тонким слоем углерода и проводили исследования.

В работе [11] для исследования в почвах минералогических и морфологических особенностей амфиболов примерно 100 мкл суспензии, приготовленной перемешиванием 0,2 г почвы, просеянной через сито с размером ячейки 0,15 мм, и 125 мл изопропанола, наносили на бумажный фильтр диаметром 25 мм, с размером пор 0,4 мкм и с напылением из углерода. После высушивания пробу напыляли тонким слоем углерода и проводили исследования. Авторы отмечают, что в этом случае удается полу-

чить отдельно лежащие частицы на фильтре.

Специальная процедура пробоподготовки для исследования частиц с размерностью от 2 до 20 мкм прописана в методическом руководстве по анализу твердых взвесей в атмосферном воздухе [12]. Исследование частиц проводится непосредственно на бумажных фильтрах после напыления их тонким слоем углерода или тонким слоем благородных металлов.

Авторы работы [13] исследовали твердые взвеси в воздухе, выделенные на бумажные фильтры и напыленные тонким слоем золота. По результатам исследования была проведена классификация частиц по морфологическому облику и по минералогическому составу на частицы биогенного, почвенного и антропогенного происхождения.

В работе [14] исследование твердых частиц из воздуха с размерами 2,5, 5 и 10 мкм проводили непосредственно на поверхности липкого углеродсодержащего скотча после напыления тонким слоем углерода, а также после напыления тонким слоем золота.

Определение минералогического состава песков в целях судебно-почвоведческой экспертизы на 3-х мерных частицах, укрепленных на поверхности токопроводящего скотча, описано в работе [15]. Чтобы получить образцы с отдельно расположенными на скотче частицами, авторы поступали следующим образом. К сити с размером ячеек 150 мкм с внешней стороны приклеивали фрагмент двухстороннего скотча. Частицы с размерами от 100 мкм до 150 мкм насыпали на сито так, чтобы они равномерно распределились по поверхности отрезка двухстороннего скотча (см. рис. 3).

Принципиально отличающийся способ пробоподготовки от двух выше рассмотренных, предложен в работе [16]. Авторы показали, что проведение микрорентгеноспектрального анализа в целях судебно-почвоведческой экспертизы на поверхности таблетки, которую готовили прессованием под давлением образца почвы с размерами частиц от 1 до 0,5 мм, позволяет повысить точность и воспроизводимость определения минералогического состава почвы почти в 10 раз по сравнению с измерениями, проведенными на 3-х мерных частицах.

Во время последнего заседания рабочей группы при ENFSI по судебной экспертизе объектов животного, растительно-

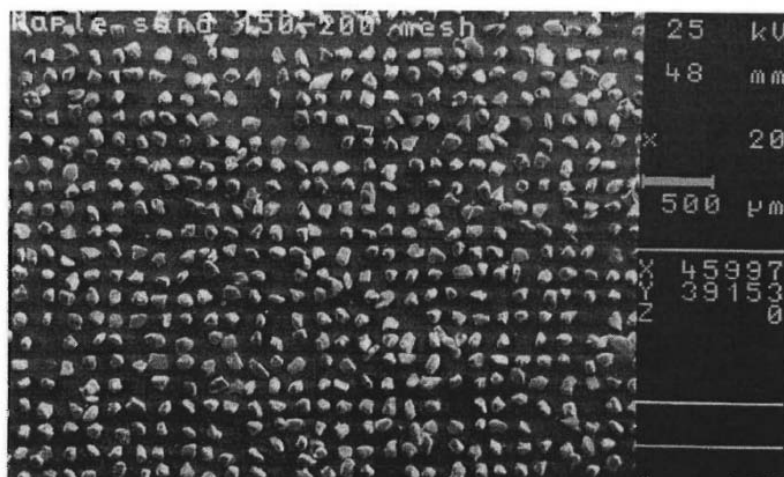

Рис. 3 Фрагмент скотча с песчаными частицами, прикрепленными к его поверхности (из работы [15]).

го и почвенного происхождения коллеги из Чехии рассказали, что они совсем недавно приступили к проведению исследований по определению минералогического состава объектов почвенного происхождения с применением сканирующего микроскопа фирмы TESCAN. При проведении исследования 3-х мерных частиц почвенной природы с размерами от 0,1 до 0,25 мм, укрепленных на токопроводящем скотче на предметном столике, они добились хороших результатов после усреднения нескольких измерений, которые проводились при разном положении столика. Положение столика меняли вращением вокруг своей оси.

5. Применение автоматического минералогического анализа в целях судебно-почвоведческой экспертизы и факторы, сдерживающие его использование.

Публикации об использовании автоматического минералогического анализа на базе сканирующего электронного микроскопа в целях судебно-почвоведческой экспертизы практически единичны [8, 14, 17-20], причем половина этих работ [8, 17-18] касается использования специализированной системы автоматического минералогического анализа QEMSCAN. В другой половине работ [14, 19-20] для проведения автоматического минералогического анализа объектов почвенной природы, авторы используют в качестве оборудования СЭМ – ЭДС со специальным программным обеспечением INCA, аналогичное тому, которое используется для анализа следов продуктов выстрела.

Несмотря на то, что с момента первой публикации прошло уже почти 20 лет, этот

вид анализа в целях судебно-почвоведческой экспертизы практически не используется как у нас, так и за рубежом. Скорее всего, это обусловлено большой дороговизной оборудования и отсутствием информации о возможностях этого оборудования, отсутствием опытных специалистов по работе с оборудованием и конкретными объектами, а также отсутствием стандартизированных методик.

Отсутствие баз данных по минералогическому составу почв на различных участках местности также является сдерживающим фактором, поскольку затрудняет интерпретацию результатов исследований, а именно проведение оценки результатов сравнительных исследований минералогического состава.

Таким образом, все вышеперечисленные негативные факторы затрудняют использование этого, безусловно, революционного метода в судебно-экспертной практике.

Для скорейшего внедрения методов автоматического ЭСМ-ЭДС анализа в целях судебно-почвоведческой экспертизы можно было бы рекомендовать.

Во-первых, использовать опыт по проведению исследований с использованием аналогичного оборудования в смежных областях (при исследовании объектов окружающей среды, объектов техногенного происхождения, археологических объектов и др.).

Так, например, в работе [21] проведены сравнительные исследования минералогического состава супесчаных почв с использованием ЭСМ-ЭДС и программы INCA, которые помогли авторам провести интерпретацию данных при изучении экосистем.

На основании исследования состава взвесей в атмосферном воздухе [14] с использованием аналогичного оборудования было сделано заключение о почвенной природе частиц, которые увлекаются воздушным потоком из почвы во время жатвы зерновых. Анализ состава взвесей позволил авторам установить регионы, вносящие наибольший вклад в загрязнение воздуха.

В результате анализа различий в составе зол уноса ряда предприятий авторы работы [22] сумели выявить критерии, позволяющие устанавливать источники-загрязнители (ТЭЦ), которые ответственны за загрязнение отдельных регионов.

СЭМ-ЭДС с программным обеспечением INCA достаточно успешно применяются при исследовании частиц и фрагментов тел космического происхождения [23-26] для подтверждения гипотез об их происхождении.

Применение специализированной системы QEMSCAN для автоматического минералогического анализа древней керамики позволило авторам работы [27] установить ее происхождение.

Этот опыт может быть полезным как при разработке методики автоматического минералогического анализа объектов почвенной природы, так и при последующей интерпретации результатов, полученных при проведении исследований в целях судебно-почвоведческой экспертизы.

Во-вторых, следует адаптировать программы INCAMineral (или ее потомка в среде AZtec, который должен появиться в будущем) для минералогического анализа почв по аналогии с программой для анализа следов продуктов выстрела или твердых взвесей в атмосферном воздухе.

Отметим здесь еще раз, что программа INCAMineral разрабатывалась для работы на универсальном СЭМ с универсальным ЭДС, в отличие от специализированных систем FEI MLA, FEI QEMSCAN и TESCAN TIMA. Поэтому область применения INCAMineral ограничена по сравнению со специализированными комплексами для автоматического минералогического анализа. Специализированные комплексы можно рекомендовать использовать для создания баз данных по минералогическому составу почв. Такие базы данных могут быть использованы как в судебной практике, так и в других областях (например: почвоведении, геохимии, экологии и др.).

В третьих, необходимо постоянно проводить дополнительное обучение заинтересованных специалистов работе с программным обеспечением и с изменениями, вносимыми в его работу, а также знакомиться с появляющимися новыми техническими решениями в работе оборудования в специальных демонстрационных центрах, например, TESCAN в Санкт-Петербурге. В демонстрационные лаборатории поставщиков си-

стем автоматического минералогического анализа заинтересованные специалисты могут приходить со своими объектами, которые будут использованы для тестовых запусков.

В заключении хочется сказать, что все вышеперечисленные новейшие автоматизированные средства минералогического анализа материалов могут применяться не только для анализа следов продуктов выстрела, но также экспертами других экспертных специальностей, например:

- при проведении идентификационных исследований в судебно-почвоведческой экспертизе (при построении баз данных и при проведении сравнительных исследований);
- в геммологической/геологической экспертизе;
- в экспертизе стекла;
- в экологической экспертизе при определении характера загрязнений и выяснении источника загрязнений;
- при экспертизе материалов и изделий, например, при таможенном контроле, а также других экспертизах, где необходимо проводить определение минералогического состава вещества почвенной, геологической или техногенной природы.

Надеемся, что в ближайшем будущем эти интересные методы смогут занять достойное место в судебно-экспертной практике как скоростные высокоточные методы получения объективной информации об объектах почвенной, геологической и техногенной природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашова М.В., Нестерина Е.М. Новейшие инструментальные методы для проведения минералогического анализа на базе сканирующего электронного микроскопа в целях судебно-почвоведческой экспертизы. Часть 1. Оборудование и программные продукты, используемые для автоматического минералогического анализа. // Научно-практический журнал «Теория и практика судебной экспертизы», №3(35), 2014.
2. Oxfordinstruments: [Электронный ресурс] // AZTEC.URL: <http://www.oxinst.ru/html/AZTEC.htm>. (Датаобращения: 18.02.2014).
3. Oxfordinstruments: [Электронный ресурс] // INCAWAVE - оборудование и программы для волнодисперсионного (ВД) микроанализа. URL: <http://www.oxinst.ru/html/AZTEC.htm>.

- ru/html/INCAWave.htm. (Дата обращения: 18.02.2014).
4. Горобец, Б.С. Спектры люминесценции минералов: Справочник./ Б.С. Горобец, А.А.Рогожин. - М.: изд-во Всероссийского института минерального сырья, 2001.- 312 с.
 5. DeljaninBranko. Useofcathodoluminescencetechniquesinseparationofgem-qualitytypellannatural, HPHTreatedandlab-created diamonds: [Электронныйресурс]/ BrankoDeljanin et al. // European Diamond Conference, Lago di Garda, 2004. URL:<http://cglworld.ca/branko-deljanin/>. (Датаобращения 23.03.2014).
 6. Alice, M.W. Hunt Development of quartz cathodoluminescence for the geological grouping of archaeological ceramics: ring effects and data analysis/ M.W. Alice // Journal of Archaeological Science. – 2013. – V.40. – P. 2902 -2912.
 7. Рид, С.Дж.Б. Мир наук о земле. Электронно-зондовый микроанализ и рэстровая электронная микроскопия в геологии/ С.Дж.Б Рид / перевод с английского Д.Б. Петровой, И.М. Романенко, В.А. Ревенко. – М.: изд-во Техносфера, 2008. – 240 с.
 8. Dennis C. Small Sample Mounting Technique for Scanning Electron Microscopy and X-Ray/ C. Dennis and A. Ward [Электронныйресурс] // Analysis Forensic science Communications. - 1999. - V.1 - №2. URL: <http://www.fbi.gov/about-us/lab/forensic-science-communications>. (Датаобращения 03.05.2014).
 9. Pye K. Geological and Soil Evidence. Forensic Applications / K. Pye. – Boca Raton: CRC Press, 2007. – 356 p. Print ISBN: 978-0-8493-3146-6
 10. Meeker, G. P. Determination of a Diagnostic Signature for World Trade Center Dust using Scanning Electron Microscopy Point Counting Techniques. Open-File Report 2005 [Электронныйресурс]/ G. P.Meeker et al. // U.S. Department of the Interior U.S. Geological Survey, Denver Federal Center, Denver, CO 80225. URL: http://pubs.usgs.gov/of/2005/1073/ OF2005_1031_508.pdf. (Дата обращения 13.04.2014).
 11. Meeker, G.P. Mineralogy and Morphology of Amphiboles Observed in Soils and Rocks in El Dorado Hills, California. Open-File Report 2006–1362 U.S. / G.P Meeker et al. [Электронныйресурс].//Department of the Interior U.S. Geological Survey. URL: <http://pubs.usgs.gov/of/2006/1362>. (Датаобращения 23.02.2014).
 12. Guidelines for the Application of SEM/EDX Analytical Techniques to Particulate Matter Samples/ D. Robert et al. - Conner EPA, 2002. - 91 p.
 13. TriptiPachauri. SEM-EDX Characterization of Individual Coarse Particles in Agra/ TriptiPachauri et al. // India Aerosol and Air Quality Research. – 2013. - № 13. - P. 523–536.
 14. Telloli, C. Vertical Profiles of Airborne PM in Po Valley During Wheat Harvest Activities / C. Telloli et al. //Advances in Natural Science. – 2013. -V. 6. - No. 4. - P. 27-34.
 15. McVicarM. J. The Forensic Comparison of Soils by Automated Scanning Electron Microscopy / M. J. Mcvicar and W.J. Graves // J. Canadian Society of Forensic Science. – 1997. –V. 30. - Issue 4. – P. 241-261.
 16. Cengiz, S. SEM–EDS analysis and discrimination of forensic soil / S. Cengiz et al. // Forensic Science International. – 2004. - V. 141. - Issue 1. P. 33-37.
 17. Pirrie, D. Rapid quantitative mineral and phase analysis using automated scanning electron microscopy (QEMSCAN®); potential applications in forensic geoscience / D. Pirrie et al. // Forensic Geoscience, Principles, Techniques and Applications, Vol. 232 Geological Society Special Publication / Ed. by K. Pye and D.J. Croft. – London, 2004. P. 23–136.
 18. Pirrie, D. Automated SEM-EDS (QEMSCAN®) Mineral Analysis in Forensic Soil Investigations: Testing Instrumental Reproducibility Chapter 26/ D. Pirrie et al.// Criminal and Environmental Soil Forensics / Ed. by K. Ritz et al. –London: © Springer Science + Business Media, 2009. – P. 411-430.
 19. Bierman, B. J. Automated SEM/EDS Analysis and Classification of Forensic Samples [Электронныйресурс] Created 2010-10-17 Published on Forensic Magazine 23:33. URL: <http://www.forensicmag.com>. (Датаобращения 11.03.2014).
 20. Stoney, D. A. Use of Scanning Electron Microscopy/Energy Dispersive Spectroscopy (SEM/EDS) Methods for the Analysis of Small Particles Adhering to Carpet Fiber Surfaces as a Means to Test Associations of Trace Evidence in a Way that is Independent of Manufactured Characteristics. Technical Report.[Электронныйресурс].June 1012, 77 p. URL:<https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/239051.pdf>. (Датаобращения: 07.06.2014).
 21. Otten W.Integrating physical and chemical techniques to characterize soil microsites / W.Otten et al. // 19th World

Congress of Soil Science, Soil Solutions for a Changing World: Proceedings / Brisbane, Australia, 2010. - 60-63P. [Электронный ресурс]. (Published on DVD).

22. Watt, J. Automated Characterisation of Individual Carbonaceous Fly-Ash Particles by Computer Controlled Scanning Electron Microscopy: Analytical Methods and Critical Review of Alternative Techniques / J. Watt // Water, Air, and Soil Pollution. – 1998. – V.106. - Issue 3-4. P. 309-327.

23. Botha, P.W.S.K. Ultrafast Phase Mapping of Thin-Sections from An Apollo 16 Drive Tube – a New Visualization of Lunar Regolith / P.W.S.K. Botha et al // Geological Society of America Joint Annual Meeting, 5-9 October 2008: Abstracts/ Houston, Texas, 2008. - P. 345-3.

24. Snape, J. F. A Evaluation of Techniques used in the Age And Petrologic Analysis of Apollo12 Basalts / J. F. Snape et al. // 42nd Lunar and Planetary Science

Conference: Proceedings/ Woodland, Texas, 2011.

25. Alexander, L. Basaltic diversity examined through chemical analysis of mineral phases in Apollo 12 soil sample 12023,155/ L. Alexander et al. // European Planetary Science Congress, 8-13 September 2013: EPSC Abstracts/London,2013. - V. 8. – P.168.

26. Snape J. F. Basaltic regolith sample 12003,314: A new member of the Apollo 12 feldspathic basalt suite? [Электронный ресурс]/ J.F. Snape et al.// Lunar and Planetary Science. – 2013. - № XLIV. Abstract # 1044. URL:<http://www.lpi.usra.edu/exploration/publications/index.shtml>. (Датаобращения: 14.05.2014).

27. Knappett C. Mineralogical analysis and provenancing of ancient ceramics using automated SEM-EDS / C. Knappett et al. // Journal of Archaeological Science. – 2010. – V. 38. - №. 2. – P. 219-232.

В.Н. Степанов,
главный эксперт ФБУ Ярославская ЛСЭ Минюста России,
доктор филологических наук, профессор

ПРОВОКАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И АНАЛИЗ

В статье рассматриваются комплексные и элементарные провокативные жанры, которые вступают в интерференцию друг с другом в условиях непрямой коммуникации, с другими коммуникативными и жанровыми образованиями, способны вызывать программируемый эмоциональный эффект, который носит регулярный характер, следствием этого являются прогнозируемость и программируемость провокативного эффекта.

Ключевые слова: жанр, провоцирование, признание, забота, представление, демонстратив, сентенция, жалоба, совет, укор, нотация, провокативный вопрос.

V. Stepanov

Master forensic examiner

Yaroslavl Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

DSc (Linguistics), professor

PROVOCATIVE SPEECH GENRES AS A MEANS OF INDIRECT COMMUNICATION, ITS LINGUISTIC ENTITY AND ANALYSIS

In this article the system of complex and elementary provocative genres is displayed. The elementary provocative genres used to engage with each other and other communication and genre phenomena in the context of indirect communication in a sort of interference which impact on their intentionality. The provocative effect of the exposed provocative genres happened to be constant, and hence easily predicted, and planned.

Keywords: genre, provoking, confession, care, avowal, introduction, maxim, complaint, advise, reproach, reprimand, provocative question.

Феномен речевых жанров

Речевой жанр является первичной формой существования языка. Как писал Михаил Бахтин, «формы языка и типические формы высказывания, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом» [2, с. 181].

В своей статье, посвящённой речевым жанрам, учёный дал определение

речевых жанров через категорию типического: «Жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам, следовательно, и некоторым типическим контактам значений слов с конкретной реальной действительностью при типических обстоятельствах» [2, с. 191]. Далее в статье исследователь относит к признакам жанра и типическую концепцию адресата [см.: 2, с. 200].

«В каждом высказывании, – писал М.М. Бахтин, – от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы – мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой *з а м ы с е л* (выделения М.М. Бахтина. – В.С.) или *р е ч е в у ю в о л ю* говорящего, определяющую целое высказывания, его объём и его границы... Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в *в ы б о р е* определённого речевого жанра. Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п.» [2, с. 179–180].

Ситуация, определяющая целостность и законченность речевого жанра, разворачивается в процессе речевого общения, на глазах у его участников, следовательно, продемонстрировать нечто – основная задача речевого жанра: «Выразить себя – это значит сделать себя *о б ъ е к т о м* (выделение М.М. Бахтина. – В.С.) для другого и для себя самого (“действительность сознания”» [3, с. 314].

Речевые жанры традиционно воспринимаются исследователями как аналоги речевых действий в концепции Джона Остина и последователей теории речевых актов. Главным отличием речевого жанра от речевого акта считается то, что, по словам Т.В. Шмелёвой, «теория речевых актов обращена к сфере действий, тогда как учение о речевых жанрах – к сфере текстов, высказываний как результатов действий» [19, с. 21]. Подытоживая свои рассуждения, М.Ю. Федосюк уточнил определение, данное Бахтиным, и предложил рассматривать речевые жанры как устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний, а текстов [см.: 18, с. 104].

Филологи с опорой на психолингвистические исследования указали на взаимосвязь речевых жанров и когнитивной сферы человека, ментального моделирования опыта человека: «Они (жанры. – В.С.) присутствуют в сознании языковой личности в виде готовых сценариев, фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово» [12, с. 41] – и ставят проблему описания жанровой компетенции языковой личности. Это позволяет констатировать существование ещё одной сферы лингвистического интереса – генристики, или

лингвистического изучения речевых жанров [7; 8].

Суммируя всё сказанное выше, представим список онтологических признаков речевого жанра. **Речевой жанр – это типическая формальная (текстовая) организация (ментальная модель), с помощью которой люди формируют (создают) и передают собственный жизненный опыт общения в данном языковом коллективе и воспринимают чужой опыт.** Речевой жанр – форма существования и основная единица усвоения языка. Это – основная форма речевого общения и организации индивидуального сознания, более того, «речевое мышление имеет принципиально жанровую природу» [12, с. 40].

Провоцирование как способ эмоциогенного воздействия

Провоцирование, или заражение, является, на наш взгляд, особым видом воздействия, в процессе которого провоцирующий демонстрирует реально переживаемое им или искусно имитируемое психологическое состояние с целью вызвать у провоцируемого психологическое состояние, аналогичное демонстрируемому. Мы предложили рассматривать провоцирование как проявление эмоциогенности в речи и разновидность эмоционального заражения [см.: 15, с. 15].

Способность и навыки провоцирования развиваются и функционируют в социальной среде, они носят социальный характер. Акты провоцирования в речи обусловлены речевой деятельностью человека, его коммуникативным опытом и возникающей на этой основе социальной памятью, поскольку формируются под непосредственным влиянием речевой практики социума. Они могут быть охарактеризованы в полной мере как «социальный продукт» [20, с. 25] и рассматриваются нами как социальные явления. Родовыми признаками провоцирования как социального феномена являются следующие:

- **функциональный** – провоцирование выполняет культуру-образующую функцию, передаёт культурное наследие (к которому относится коммуникативно-речевой опыт) от одного члена социума к другому с помощью языка и характеризуется как смысловая коммуникация;
- **формальный** – провоцирование совершается в общении, реципиентом которого является другой человек, группа

людей или общество в целом (как в массовой коммуникации), и относится к внешней смысловой коммуникации;

- **онтологический** – провоцирование в совокупности функционального и формального признаков является разновидностью социальной коммуникации, которая является движением «эмоций, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в социальном времени и пространстве» [14, с. 4].

Эмоционально-аффективная сторона психики человека является одновременно источником, прямым объектом («мишенью») и содержанием провоцирования, а средства провоцирования выражают аффективный смысл, который вступает в конфликт с реальным содержанием речевого высказывания. Это позволяет отнести провоцирование к сфере не прямой коммуникации, исследования которой являются междисциплинарными, потому что они ведутся в разных областях научного знания. В.В. Дементьев предлагает называть не прямой коммуникацией «содержательно осложнённую коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [8, с. 4].

Провоцирование предлагает множественный выбор часто проти-воположных коммуникативных смыслов, указывающих на отношение говорящего к собеседнику, которое лежит в одной из точек спектра; на одном полюсе этого спектра находится психологическое состояние **толерантности**, а на другом – **интолерантности**. Вот, например, как провоцирование на примере отношений в семье описывает Георгий Гачев:

(1) «И вот только что “сволочь” я и “гад” и “чтоб сдох” – так проклят и заклеимён дочерью, – и в мановение ока, пока обнял, – все это исчезло и ничего не значит: любим я и унежен, а все эти социумные, с чужого плеча взятые напрокат семейного разговора понятия и слова – лишь провокация, чтоб источить – нежность (выделение наше. – В. С.), что бессловесна и лепечуща» [4, с. 408].

Психологическими механизмами провокативной деятельности говорящего являются **демонстрация** и **ретрансляция** реального или имитируемого эмоциогенного состояния или пси-

хологического отношения провоцирующего реципиенту провоцирования (провоцируемому) в речевом жанре, **локализация** и **провокативное намерение** в символической форме вербальных знаков и вызывание в адресате аналогичного эмоциогенному состоянию.

Провоцирование в социальной и массовой коммуникации использует те же провокативные психологические механизмы символизации, демонстрирования и ретрансляции с целью вызвать у собеседника в студии и массовой аудитории желаемое психологическое состояние, ментальные схемы косвенных сообщений, характерных для не прямой коммуникации, и речевые жанры, что и в коммуникации межличностной, поскольку базовый пласт общения в условиях СМИ относится к интерперсональному взаимодействию.

Номенклатура провокативных жанров

Провоцирование относится к системным речевым явлениям и является особым видом речевой деятельности – провокативной деятельностью [16; 17].

Лежащий в основе провоцирования комплекс интенций говорящего составляет программный блок (провокативную стратегию), или комплексный провокативный жанр (КПЖ), и последовательно реализуется в процессе репрезентации речевых жанров (провокативных жанров) до того момента, пока не будет достигнут ожидаемый провокативный эффект.

Ставшее традиционным в современной теории речевых жанров стремление «связывать категорию жанра с категорией ситуации как формы, структуры события» [5, с. 32] и понимать речевой жанр как форму речевого события подтверждает верность наблюдения Тео ван Дейка о том, что «люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нём, сколько о межсубъектных моделях явлений и ситуаций действительности, получивших определённое толкование» [6, с. 141]. Это соответствует мысли того же автора о том, что «типизированные последовательности речевых актов могут рассматриваться как культурно обусловленные» [6, с. 18], и позволяет отнести исследование подобных проблем в сферу филологии, поскольку, по словам ван Дейка, «стереотипные, присутствующие какой-либо культуре социальные ситуации могут быть представлены в памяти в

форме сценариев таким образом, что люди могут взаимодействовать друг с другом или общаться на основе этого общего знания» [6, с. 140].

Содержанием провокативных речевых жанров является не прямое сообщение о реальном или имитируемом состоянии говорящего, а провокативное речевое общение разворачивается полностью в сфере внутреннего мира коммуникантов. Обмен информацией при таком общении имеет косвенный характер, вызывает эмоциональный отклик у общающихся и обуславливает предсказуемость и программируемость перлокутивного (провокативного) эффекта.

В структуре значения многозначных, поливалентных провокативных высказываний в той или иной жанровой форме один смысл (прямой, первичный, буквальный) «означивает» одновременно и другой смысл (косвенный, вторичный, обусловленный речевым контекстом и ситуацией общения, который может быть понят лишь через первый и только с учётом условий речевого общения). Такие провокативные жанры выполняют функцию не только означивания, они одновременно «показывают» эмоциональное состояние говорящего, которое скрывается за актом «говорения».

Провокативный дискурс – комплексное жанровое образование в совокупности лингвистических и прагматических факторов, выражающее провокативное намерение (провоцирующего) скорректировать эмоциональное состояние и коммуникативную активность провоцируемого, вызвав в нём интенциональное состояние, аналогичное демонстрируемому и не соответствующее актуальному эмоциональному состоянию реципиента.

Номенклатуру провокативных жанров составляют девять элементарных провокативных жанров (ЭПЖ) в составе двух базовых КПЖ, имеющих, на наш взгляд, надъязыковой характер: первый КПЖ – *п р и з н а н и е*, второй – *з а б о т а*.

В КПЖ признания содержится апелляция к внутреннему миру адресанта с целью продемонстрировать его психологическое (интенциональное) состояние. Это акцентирование *с ф е р ы а д р е с а н т а*. Номенклатуру КПЖ признания составляют элементарные речевые жанры признания, жалобы, сентенции, представления, демонстратива.

В КПЖ заботы акцентируется *с ф е р а а д р е с а т а*, именно она выступает предметом речи в жанрах этой жанровой стратегии провокативного речевого поведения. Номенклатуру КПЖ заботы составляют элементарные провокативные жанры совета, провокативного вопроса, нотации, укора.

КПЖ можно проанализировать по категориям по признаку лежащих в их основе глубинных интенциональных состояний:

1) провокативные жанры с интенциональным состоянием **толерантности**;

2) провокативные жанры с интенциональным состоянием **интолерантности**¹.

Таким образом, провокативные жанры с интенциональным состоянием толерантности свидетельствуют о готовности говорящего участвовать в общении, в полной мере взаимодействовать с партнёром, уважая его личностные мотивы данной интеракции и принимая его поведение как данность – определённую коммуникативно-прагматическую константу, и выражают это с целью сделать коммуникацию успешной для обоих общающихся.

Наоборот, провокативные жанры с интенциональным состоянием интолерантности демонстрируют нетерпимость говорящего по отношению к индивидуальной воле партнёра по коммуникации и намерение адресанта навязать адресату такую манеру поведения, которая способна нанести программируемый ущерб той или иной сфере личности адресата.

Отличительным признаком провокативных жанров является то, что они в условиях не прямой коммуникации вступают в интерференцию и один и тот же жанр может использоваться для выражения противоположных интенциональных состояний – толерантности и интолерантности.

Провокативный дискурс в целом и модели провокативных жанров реконструированы нами на материале стилизованной разговорной речи, текстов художественной литературы, где они представлены с высокой степенью типизации, а жанровые модели провоцирования в социальной и массо-

1 Слово «толерантность» происходит от латинского глагола *tolerare*, имеющего значение «переносить, выдерживать, терпеть», а современное английское *tolerance* наряду с «терпимостью» означает также «допуск», «допустимое отклонение от стандартного размера и веса монеты». За этой семантикой стоит отчётливо обозначенная идея меры, границы, до которой можно *терпеть другого*, даже если его действия вызывают у тебя недоумение или сопротивление.

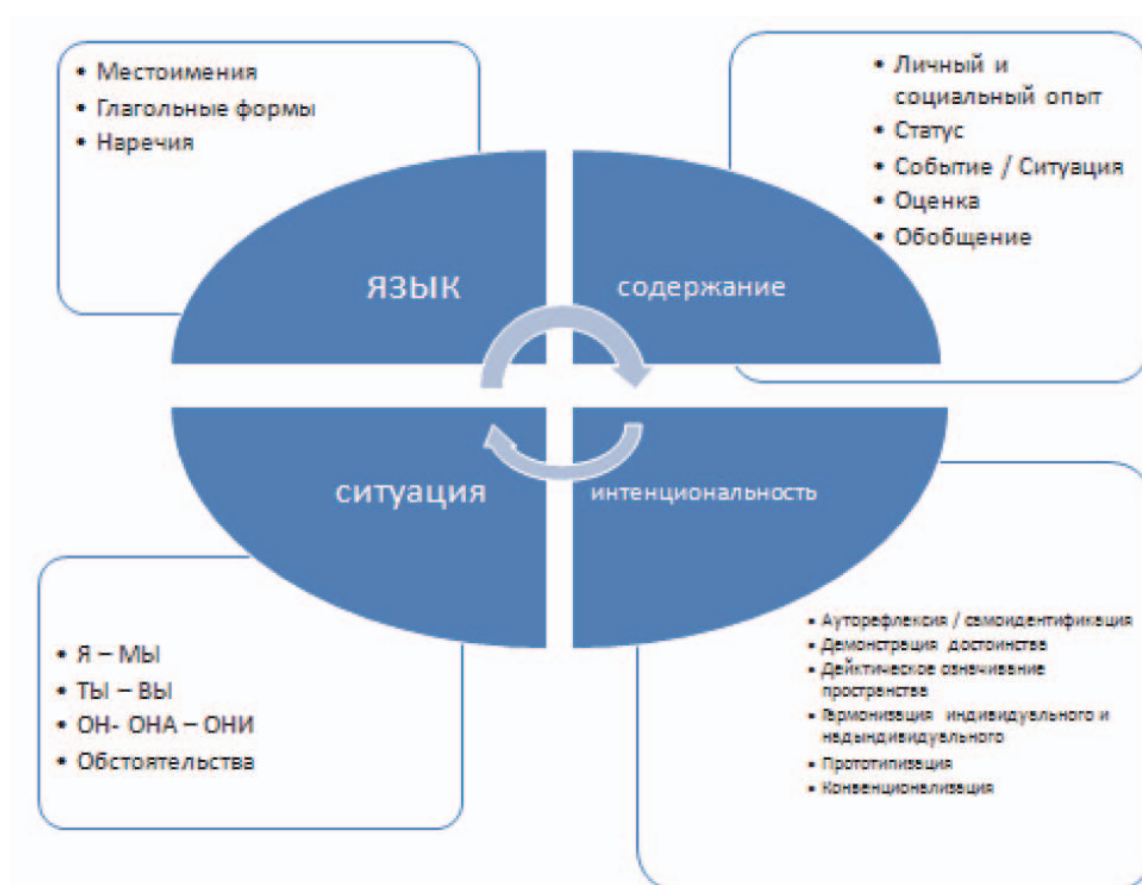

Рис. 1. Жанровообразующие признаки провокативных жанров

вой коммуникации используют те же жанровые прототипы, что встречаются в межличностной коммуникации.

Для описания жанровых моделей провоцирования представляется целесообразным выделять жанровообразующие и жанроопределяющие признаки (в соответствии с анкетой жанра, предложенной Т.В. Шмелёвой [19]). Через описание «схем протекания», «структурных моделей» жанров выделяются так называемые «объективные жанровые признаки», призванные доказать жанровую принадлежность текста, – **жанровообразующие признаки** [см.: 1, с. 53]. «Особые, специфические, характерные для данного жанра (или группы жанров) черты» относятся к **жанроопределяющим признакам** [там же].

Жанровообразующие признаки провокативных жанров описываются по четырехкомпонентной модели (рис. 1): 1) язык (лингвистические признаки), 2) коммуникативная ситуация (коммуникативные признаки), 3) содержание (содержательные признаки), 4) интенциональность (намерение подразумевания, лежащее в основе провокативного жанра).

«Интенциональное состояние, – пишет Дж. Р. Серль, – содержит некоторое репрезентативное содержание в определённом психологическом модусе. Интенциональные состояния репрезентируют объекты и положения дел в том же самом смысле, в котором репрезентируют их речевые акты» [13, с. 107]. Интенциональное содержание определяет условия своей выполнимости, которые считаются осуществлёнными, если интенциональное состояние выполнено, что позволило Серлю сделать очень важное утверждение: каждое интенциональное состояние является репрезентацией условий выполнимости [см.: 13, с. 110].

Жанроопределяющие признаки элементарных провокативных жанров

ЭПЖ п р и з н а н и я – это сообщение о внутреннем состоянии говорящего, его намерениях, личном опыте, поведении, привычках, знаниях, чувствах, вере (содержание жанра):

(2) «...мы еще обладаем приказом Аллаха, чтобы мы воевали, уничтожали вас, так как вы являетесь врагами Аллаха»

Рис. 2. «Я паркуюсь как идиот» (news.headline.kz)

(3) «Я призываю тебя о мой брат!»

(4) «Я паркуюсь как идиот» (рис. 2)
(признание ~ укор)

(5) «Сколько я зарезал, сколько перерезал! Сколько душ невинных загубил!» (песня Ястреба в исполнении Евгения Леонова в кинофильме «Джентльмены удачи») (признание ~ угроза)

К лингвистическим признакам признания относится на лексическом уровне использование личных местоимений 1 лица единственного и множественного числа и личных форм глагола в двухкомпонентном простом предложении (2; 3; 4; 5). В русском языке в этом жанре субъект речи может быть выражен личным местоимением в форме дательного падежа, а предикат – возвратным глаголом (4; 6) или предикативным наречием (7):

(6) «Ты мне нравишься»

(7) «Мне его жалко»

Коммуникативная ситуация обозначена местоименным указанием на адресанта («я-мы-меня-нам»), его внутреннее состояние, действия и мотивацию: «мы еще обладаем приказом» в значении «нам приказано» (2).

Интенциональность признания можно обозначить как ауторефлексию, т.е. осмысление поведения, мотивов и целей, внутреннего состояния адресанта.

ЭПЖ жалобы – это сообщение о внутреннем состоянии говорящего, которое причиняет ему боль, вред, таит угрозу. Содержанием данного жанра является описание внутреннего состояния и вызвавшей

его коммуникативной ситуации, их отрицательная оценка (содержание жанра):

(8) «Они нас в безгласных рабов превратили, и их о погромах трезвон В сравнении с жидовским разгромом России – Бредовый мифический сон!» (жалоба ~ укор)

(9) «Полицаи крышуют игровой зал... Мне угрожает чурка типа армянин, игровой зал до сих пор работает... Значит, менты лаве имеют...»

Лингвистические признаки жалобы определяются личными местоимениями 1 лица единственного и множественного числа, личными формами глагола, предикативными наречиями. Лингвистические признаки признания и жалобы аналогичны, эти два жанра отличает только оценочность – положительная или нейтральная в признании и отрицательная в жалобе.

Коммуникативная ситуация обозначена через описание действий её участников («я-мы-ты-вы-он-она-они») и обстоятельств: «они нас в безгласных рабов превратили» в значении «мы безгласные рабы» (8), «мне угрожает чурка типа армянин» (9).

Интенциональность жалобы можно охарактеризовать (как и в провокативном жанре признания) как ауторефлексию, т.е. осмысление и негативную оценку собственного поведения, внутреннего состояния (навязываемого другими), социального статуса (8) или обстоятельств (9).

В сентенци и обобщается личный и социальный (духовный) опыт адресанта, утверждается универсальный характер этого опыта, дается его положительная оценка (содержание жанра):

(10) «Наше дело – делать от сердца, проявлять искренность, делать джихад, советоваться с Аллахом, советоваться с братьями, делать какие-то поступки на пути Аллаха»

(11) «Оставим порицание и не будем делать его нашим оружием, а займемся делом, оставив слова. Это сражение не является политическим, националистическим или экономическим, если это было бы так, то остановить его было бы нетрудно. Однако это – сражение – сражение вероубеждений. Или вера или неверие, или невежество или ислам»

(12) «Жить хорошо. А хорошо жить еще лучше»

К лингвистическим признакам предложения относятся инфинитивные и назывные однокомпонентные предложения (11), инфинитив и предикативное наречие в составном сказуемом двухкомпонентного предложения (10; 12), разного рода устойчивые высказывания (паремии).

С точки зрения отражения коммуникативной ситуации, адресант типизирует и «присваивает» известный ему, чужой или собственный, опыт – личный, социальный, духовный.

В таком обобщении, с точки зрения интенциональности жанра, представлена попытка самоидентификации адресанта в рамках определенного сообщества и с опорой на культурные, социальные, национальные, корпоративные ценности, подразумевается намерение гармонизировать индивидуальный и надындивидуальный опыт адресанта.

В демонстративе тот или иной компонент актуальной коммуникативной ситуации вычленяется в результате анализа адресантом событийного и поведенческого контекстов (содержание жанра):

(13) [Это] «1948: «Израиль» провозглашен и изгнание мусульман усиливается»

(14) [Это] «2000: Израиль использует химическое оружие»

(15) «Да, мирные жители! Это дом нашего дяди. Мы все мирные жители. Здесь нет никаких боевиков. О Аллах отомсти им!» (демонстратив, представление, демонстратив)

(16) «[ВОТ] КОКТЕЙЛЬ МОЛОТОВА. [ЭТО] пламенный напиток перемен», «черный подшлемник, бутылка из-под красня-

тины, две трети бензина, одна треть масла – три шт., сила воли, помноженная на ненависть, рывок, эффект, прецедент. дешево. сердито. практично. малоэффективно...» (демонстратив ~ рецепт)

(17) «Это Исламская Умма, это Умма Мухаммада (с.а.с.)! Наместническая миссия на Земле принадлежит этой Умме. Только Она достойна быть предводителем для человечества. И она вырвет это лидерство из чужих рук для себя, и этот Великан встанет на свои ноги. Для того, чтобы смести и разрушить США и Израиль» (демонстратив ~ нотация)

С лингвистической точки зрения демонстратив характеризуют указательные местоимения (15; 17), обстоятельственные наречия (15), даты (13; 14). Данные жанровые маркеры либо представлены на внешнем уровне, например в устной речи (15; 17), либо легко восстанавливаются из контекста (13; 14; 16), особенно это характерно для креолизованных текстов, в которых видео сопровождает и дополняет вербальный ряд (13; 14; 16).

Интенциональность демонстратива можно описать как дейктическое означивание пространственного и временного континуума, «присваивание» адресантом социальной истории.

В представлении и адресант называет (представляет) себя или третье лицо, указывая имя (имя, отчество, фамилию), социальный статус, профессиональную или конфессиональную принадлежность, отношение к той или иной идеологии (содержание жанра):

(18) «Я русский я славянин а ты россиянин, глупый и послушный раб с нерусским именем незнающий русской культуры ничего не знающий о россияне»

(19) «Мы – совесть России, наш герб – коловрат»

К лингвистическим признакам представления относятся личные местоимения (15; 18; 19), характеризующие имена существительные (15; 18; 19), индикатив глагола «представить», эллиптические (15; 18; 19) или безличные конструкции («меня зовут»).

Интенциональность представления реализуется в акте самоидентификации адресанта, в намерении продемонстрировать собственное достоинство (через декларируемые социальные, профессиональ-

ные, конфессиональные и другие статусы) и гармонизировать индивидуальную и надывидуальную сферы общения.

В КПЖ заботы ЭПЖ совета содержит доброжелательную рекомендацию адресату в отношении его поведения в определенной ситуации общения, отдельных поступков, действий или отношений с окружающими и внешним миром (содержание жанра):

(20) «Надо бригаду правых парней собирать и бить тех, кто запугивает. Так вернее будет. А адвокатов черти и покруче купить могут...»

(21) «Напротив магнита. Какой нах флешмоб, нужно погром организовывать, раз менты не хотят закрывать шаганцовское заведение...»

К лингвистическим признакам жанра совета относятся императивы и предикативные наречия (20; 21).

Интенциональность совета определяется намерением адресанта высказать рекомендации в отношении желаемого поведения адресата в определенной ситуации, в складывающихся условиях общения.

Н о т а ц и я как один из элементов КПЖ заботы представляет собой поучение, выражающее стремление говорящего обратить внимание адресата на в определенной степени эталонное (в рамках социума или отдельной ситуации), оцениваемое положительно желаемое поведение, прототипический социальный и личный опыт третьего лица (содержание жанра):

(22) «И Лев Николаич Толстой борода-тый, Людей благородных любя, Когда узнавал, что общался с пархатым, то чувствовал хуже себя!»

(23) «Некрасов и Пушкин, Булгарин и Гоголь – Словесности русской столпы Злодейскую иноплеменную погань так прямо и звали: «Жиды»!»

(24) «Жиды заправляют, жиды отбирают, Крадут, убивают и лгут, Жиды покоряют, жиды разделяют, Жиды нас перепродают» (нотация ~ жалоба)

В пресуппозиции высказываний этого жанра скрыта негативная оценка предыдущих действий или всего поведения реципиента.

К лингвистическим признакам нотации относятся личные местоимения 3 лица,

имена существительные (24), в том числе имена собственные (22; 23), личные формы глагола (22; 23; 24).

Коммуникативные условия нотации представлены «эталонными» персонажами и описанием их действий, поведения.

Интенциональность нотации выражается в прототипизации поведения адресата, формировании рекомендации.

ЭПЖ у к о р а – это открыто выраженная негативная оценка поведения или действий адресата, его внутреннего состояния, социального статуса, профессиональной или конфессиональной принадлежности (содержание жанра):

(25) «И вы утверждаете что относитесь к Исламу? О правители Ирака, бойтесь Аллаха!» (провокативный вопрос ~ укор)

(26) «Кто ты, под «лэйблом» салафизма? Неужто искренний му'мим? Когда Кавказ огнём пылает, Популяризируешь ты тмин?» (провокативный вопрос ~ укор)

(27) «Эх, «салафиты», «мадхалиты», и «мурджииты» всех мастей. Для кафиров вы просто тряпки, Что под ногами их властей»

Лингвистические признаки данного жанра: личные местоимения 2 лица (25; 26; 27), личные формы глагола (25; 26), имена существительные, описывающие психологическое состояние предмета речи, его социальный статус, профессиональную или конфессиональную принадлежность (26; 27).

Интенциональность укора определяется намерением адресанта гармонизировать индивидуальное и надывидуальное в личном и социальном опыте адресата, в его поведении.

В форме в о п р о с а, в качестве провокативного жанра входящего в номенклатуру КПЖ заботы, скрыто содержание иного жанра – о поведении адресата в определенных обстоятельствах (содержание жанра):

(28) «Где мусульманские войска?», «Зачем нам нужны международные войска?», «Где армия Египта? Сирии?», «Где армия Иордании? Персидских государств?», «Где армия Йемена?», «Где армия Индонезии?», «Где бомбы Пакистана?», «и для кого эти армии были подготовлены?» (провокативный вопрос ~ укор)

(29) «Когда Исламская Умма поднимется?», «Когда она поймет где ее важная забота?», «Когда Умма вернется к Ис-

Типы вербального экстремизма	Оценка		
	-	+	+/-
возбуждение розни	жалоба		
	укор		
пропаганда взглядов		сентенция	
		представление	
			демонстратив
подстрекательство		нотация	
угроза			совет

Рис. 3. Интерференция провокативных жанров и типов вербального экстремизма

ламу?», «Что является тем, чего вы ждете, что кафиры должны сделать нам?», «Вы что, ждете, пока они сделают больше, чем это?» (провокативный вопрос ~ совет)

(30) «Так что же это за предательство, о правители Ирана? И как вы встретите Аллаха (с.в.т.)?» (провокативный вопрос ~ укор)

(31) «Товарищ ХХХ, вы чурок, держащих работающих игровой зал очкуете? если нет, то почему до сих пор не прикроете это заведение?» (провокативный вопрос ~ укор)

Важнейшим лингвистическим признаком данного провокативного жанра является вопросительная форма.

Интенциональность провокативного вопроса определяется конвенциональностью общения, когда с помощью данного жанра выражаются другие коммуникативные интенции в рамках тех же КПЖ, например укора (28; 30; 31) или совета (29), которые ожидаемо распознаются адресатом.

Случаи интерференции и конкуренции провокативных жанров

Мы предлагаем рассматривать конкуренцию как взаимодействие коммуникативно неравнозначных с точки зрения порождения и восприятия целостного высказывания речевых жанров в едином про-

странстве речевого континуума и возникающие вследствие этого процессы интерференции типовой, обусловленной значениями собственно языковых знаков внешней речи, конситуативно обусловленной значимости элементарного провокативного жанра и значимости комплексного жанра, а также смещение акцента при восприятии целостного речевого сообщения в сторону последней – значимости целого жанрового континуума, т.е. выявление определённого рода полевой организации в структуре имеющих в каждом комплексном провокативном жанре элементарных речевых жанров, репрезентирующих скрытые и явные коммуникативные намерения говорящего [см.: 11]. Такое представление о конкуренции объясняется косвенным характером провокативных жанров, в соответствии с которым внешнеречевой и смысловой уровни их организации не совпадают.

Конкурировать могут элементарные провокативные жанры внутри провокативного дискурса (первый компонент сочетания указывает на основное содержание провокативного жанра, второй – на его контекстуальный смысл): признание и укор (4), жалоба и укор (8), демонстратив и нотация (16), нотация и жалоба (24), провокативный вопрос и укор (25; 26; 28; 30; 31), провокативный вопрос и совет (29). Именно провокативный вопрос, как мы уже отмечали выше, чаще других жанров выражает иные

жанровые провокативные смыслы в условиях непрямой коммуникации.

Конкурировать могут провокативные жанры и другие коммуникативные и жанровые явления, например, в жанре признания может быть выражена угроза (5), а в жанре демонстратива – вторичный жанр (по классификации Бахтина) рецепта (16).

В высшей степени перспективным нам представляется исследование интерференции провокативных элементарных жанров и типов вербального экстремизма. Наше предположение о возможных вариантах интерференции представлено на рис. 3 с учетом оценочного потенциала провокативных жанров, способных выражать позитивную (+), негативную (-) или нейтральную оценку (+/-).

Заключение

Человек с самого начала социальной практики в языковом коллективе интуитивно «знает» о совместной деятельности с другим человеком, «знает» об интенциях и эмоциональных состояниях другого человека. Это интуитивное «знание» определяет способности человека прогнозировать поведенческие векторы другого человека с опорой на регулярный характер репрезентации поведенческих моделей, хранить их в собственной памяти и использовать в собственном речевом поведении.

Именно язык представляет собой совершенную систему ориентации (по мысли чилийского философа Умберто Матураны [10]) собеседника в эмоциональном состоянии говорящего, что делает выражение эмоций и их провоцирование через речь (эмоциогенность) естественным и прогнозируемым. Механизмы провоцирования, формализованные на материале текстов художественной литературы и других социально-культурных институтов, человек переносит на живое общение.

Рассмотренные в статье комплексные провокативные жанры признания и заботы, а также входящие в них элементарные провокативные жанры, с одной стороны, вступают в отношения интерференции друг с другом в рамках провокативного дискурса, с другими коммуникативными и жанровыми образованиями и способны вызывать программируемый эмоциональный эффект, который имеет отчетливо выраженный регулярный характер (следствиями которого выступают прогнозируемость и программируемость). С другой – их набор и системная организация свидетельствуют об их эмоци-

огенной природе, принадлежности к речевому узусу данной культуры.

Способность провокативного жанра транспонироваться в свои функциональные эквиваленты, быть замещенным ими в речи и в описании содержания и интенциональности жанра характеризует провокативный жанр как текст, т.е. «как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [9, с. 130].

По словам Ю.М. Лотмана, «текст выступает в коммуникативном акте не как сообщение, а в качестве его полноправного участника, субъекта-источника или получателя информации» [там же].

К лингвистическим признакам в жанровообразующей модели провокативных жанров (см. рис. 1) относятся местоимения (личные и указательные), глагольные формы (личные, императив, инфинитив), обстоятельственные и предикативные наречия, имена существительные, безличные и именные однокомпонентные простые предложения, устойчивые конструкции.

Коммуникативные ситуации, с которыми соотносятся провокативные жанры, описывают среду общения человека: я-мы, ты-вы, он-она-они, обстоятельства.

Содержание провокативных жанров составляют описание личного и социального опыта человека, событие или конкретная ситуация, положительная или отрицательная оценка предмета речи, его социальный статус, профессиональная, национальная или конфессиональная принадлежность.

Интенциональность провокативных жанров проявляется в ауторефлексии адресанта, его самоидентификации, намерении гармонизировать индивидуальное и надиндивидуальное в личном и социальном опыте и поведении, продемонстрировать достоинство, дейктически означить и «присвоить» временной и пространственный континуум как часть личной и социальной истории, прототипизировать поведение адресата и использовать конвенциональную основу общения.

Литература

1. Антонова Л.Г. Письменные жанры речи учителя. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 1998. – 114 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Рус-

- ские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – С. 159–206.
3. Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – С. 306–326.
4. Гачев Г. Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека (пока...). Исповедь. – М.: Ди-Дик-ТАНАИС: МТРК «Мир», 1995. – 494 с.
5. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 23–34.
6. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
7. Дементьев В.В. Коммуникативная генеристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. ст. – Вып. 3. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – С. 18–39.
8. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры. – Саратов: Изд-во СГУ, 2000. – 248 с.
9. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 129–132.
10. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95–142.
11. Месечко А.В. Конкуренция иллюкативных модальностей речевых актов как особое средство характеристики жанрово-го состава речевой провокации в публичной речи // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – Вып. 1. – С. 43–49.
12. Седов К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 40–51.
13. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 96–126.
14. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. – СПб.: СПбГУП, 1996. – 320 с.
15. Степанов В.Н. К вопросу об эмоциогенной коммуникации // Иностранные языки в высшей школе: научный журнал. – 2012. – Вып. 1 (20). – С. 12–34.
16. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации // Проблемы психологии дискурса / отв. ред. Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – С. 43–61.
17. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. – СПб.: Роза мира, 2008. – 163 с.
18. Федосюк М.Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.
19. Шмелёва Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Русистика. Berlin. – Берлин, 1999. – № 2. – С. 20–32.
20. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 130 с.

Персоналии и исторические очерки

Майлис Н.П.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,

**посвящается памяти Х.М. Тахо-Годи
95-летию со дня рождения**

ЭКСПЕРТИЗА ПОВРЕЖДЕНИЙ ОДЕЖДЫ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются актуальные проблемы экспертизы повреждений одежды, история развития методических подходов этого вида исследования, предложенная Х.М. Тахо-Годи, и перспективы развития.

Ключевые слова: экспертиза механических повреждений одежды, следов транспортных средств на одежде, огнестрельных повреждений на одежде, термические и химические повреждения одежды.

N.P. Maylis,

Moscow University of the MIA of the Russian Federation

Professor of the Department of forensic arms and trace examinations, Doctor of Law, Professor
Honorary lawyer of the Russian Federation,

EXAMINATION OF DAMAGE CLOTHING AS A SOURCE OF EVIDENCE

The current problems of examination damage clothing, the history of methodological approaches of this type of research proposed by H.M. Tahoe-Godi, and prospects are discussed.

Keywords: assessment of mechanical damage of clothes, traces of vehicles on clothing, gunshot injuries on clothing, heat and chemical damage clothing.

Среди плеяды ученых-криминалистов 60-80 годов прошлого столетия, внесших большой вклад в развитие судебной экспертизы, почетное место занимает имя Хаджи Мурата Алибековича Тахо-Годи. Его научные труды, большой практический опыт в области судебной экспертизы служат основополагающей базой для многих видов экспертиз. Знания Х.М. Тахо-Годи в области судебной медицины, где он начинал свою профессиональную деятельность, способствовали развитию важного направления в криминалистике и судебной экспертизе – исследования повреждений одежды.

Экспертные исследования поврежденной одежды имеют важное значение в раскрытии и расследовании преступлений. Но, как показывает анализ специальной литературы, учеными и практиками мало уделяется внимания развитию и совершенствованию этого направления.

Весомый вклад в развитие теоретических и методических основ экспертного исследования повреждений одежды был внесен Х.М. Тахо-Годи. Основополагающей его работой было пособие «Криминалистическое исследование одежды» (1971г.), которое и сегодня можно считать настоль-

ной книгой для экспертов, работающих в области трасологии, судебной медицины, КЭМВИ и автотехнических исследований.

Х.М. Тахо-Годи заложил такую фундаментальную базу, которая не потеряла актуальности и сегодня. Можно только последовательно дополнять отдельные направления: классификацию механических повреждений одежды, совершенствовать методы и методики экспертного исследования, исходя из возможностей современной научно-технической базы; на основе изучения новых видов тканей, выделять признаки орудия, которыми были образованы повреждения; определять комплексный подход при решении интегративных задач и многие другие.

В работе обстоятельно рассмотрены экспертные исследования механических повреждений одежды, следов транспортных средств на одежде, следов крови на одежде, термические и химические повреждения одежды и др. В научном и методическом аспекте представляет интерес и рассмотрение вопросов, касающихся экспертизы установления принадлежности одежды и обуви определенному лицу. На тот период это была первая работа в трасологии, несмотря на достаточную разработанность ее теоретических основ. Этому направлению не уделяется должного внимания в настоящее время, а, как известно, чем реже объект исследования встречается в экспертной практике, тем большие затруднения он вызывает при производстве конкретной судебной экспертизы.

Более подробно хотелось бы остановиться на механических повреждениях одежды, которые достаточно часто назначаются по уголовным делам об убийствах, нанесении тяжких телесных повреждений, изнасилованиях, грабежах, разбойных нападениях и другим видам преступлений. В конце 20-го и начале 21 столетия проводились на монографическом уровне отдельные исследования (Е. Е. Саваатеева, И.В. Киселевич и др.), касающиеся изучения механических повреждений, образованных на новых видах тканей. Характеристика повреждений и признаков орудия, которым они были образованы, значительно отличаются от их отображения на традиционных видах тканей. Это были важные шаги в получении новых признаков и совершенствовании методики исследования. Но, при разработке новых методических подходов исследователи опирались на базовые научные и

методические положения, разработанные Х.М. Тахо-Годи. Предложенная им методика проведения и особенностей производства экспертного исследования на каждой стадии, используются в качестве основополагающей базы и сегодня.

В настоящее время следует продолжить научные исследования по следам транспортных средств на одежде, с учетом новых видов тканей.

Особое внимание следует уделить экспертным исследованиям огнестрельных повреждений на одежде. Х.М. Тахо-Годи рассмотрел различные методы анализа (спектрографические, люминесцентные, рентгенографические), и их возможности для выявления следов обтирания и отложения металла в местах повреждения одежды, при установлении дистанции выстрела и других обстоятельств. Но, несмотря на наличие достаточного числа научных и методических работ, посвященных разработке проблем исследования огнестрельных повреждений, это направление не утратило своей актуальности и в настоящее время. Во многих случаях преступники используют новейшие образцы огнестрельного оружия и патронов. Как показывает практика расследования и раскрытия преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, нередко при совершении убийств используется огнестрельное оружие с глушителями звука выстрела, патроны, с нетоксичными капсюлями и пулями из композиционных материалов, что непосредственно отражается на характере огнестрельных повреждений. Соответственно эти обстоятельства обуславливают необходимость внесения корректив в действующие методики исследования огнестрельных повреждений, а также разработки новых, учитывающих последние достижения науки и техники.

Не проводилось целенаправленных специальных научных, в том числе экспериментальных исследований, связанных с изучением термических и химических повреждений одежды. Это направление весьма актуально в настоящее время, так как по многим преступлениям, совершенным с использованием взрывных устройств, различных кислот, на одежде остаются следы и повреждения, по которым могут быть установлены фактические данные, способствующие раскрытию и расследованию тяжких преступлений.

По-прежнему актуальным направлением при исследовании повреждений одеж-

ды остается комплексный подход. Определенные шаги в области исследования колото-резаных повреждений были сделаны рядом ученых (Майлис Н.П., Гамаюнова Ю.Г. и др.), но этого явно недостаточно и проблемы комплексной экспертизы требуют своего дальнейшего изучения и совершенствования методического обеспечения. Более того, в свете последних новаций правового регламентирования этого вида экспертизы, когда разрешено производить ее единолично (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»), возникает вопрос о подготовке таких экспертов. Что предпочтительнее – освоение смежной профессии, получение второго высшего образования и т.д.

Не уделяется должного внимания и исследованиям следов крови. Предложенные Х.М. Тахо-Годи методические подходы, а Коруховым Ю.Г. фотографические методы

их фиксации, требуют усовершенствования с учетом новой научно-технической базы (цифровой фотоаппаратуры и др.).

Изложенное подтверждает правильность научных, методических и организационных подходов при исследовании различных следов и объектов судебной экспертизы, заложенных Х. М. Тахо-Годи.

Мы чтим и помним этого замечательного и мудрого учителя. Мне посчастливилось не только работать с Х. М. Тахо-Годи, но и общаться, советоваться с ним как со старшим товарищем. Именно он, приняв меня на работу, способствовал моему становлению как эксперта, и как ученого, настояв на моем поступлении в аспирантуру. Он поверил в меня, в то, что я способна изучить премудрости трасологических исследований, развивать и совершенствовать теорию и методологию трасологии. За это моя добрая память и искренняя благодарность этому Человеку с большой буквы.

Судебно-экспертные учреждения стран СНГ и ЕврАзЭС

Бекжанов Ж.Л.,
заместитель директора Центра
судебной экспертизы Республики Казахстан

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В статье освещаются основные тенденции судебно-экспертного обеспечения расследования экологических преступлений в Республике Казахстан, предлагается разработка методических материалов по судебно-экспертному исследованию объектов окружающей среды с привлечением работников судебно-экспертных учреждений государств, расположенных на Евразийском пространстве.

Ключевые слова: судебно-экологическая экспертиза, экологические преступления, установление причины массовой гибели водных животных.

Zh. Bekzhanov

Deputy Director of the Forensic Science Center of the Republic of Kazakhstan

FORENSIC SUPPORT FOR ENVIRONMENTAL CRIME INVESTIGATIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The paper covers major trends in the provision of forensic support for environmental crime investigations in the Republic of Kazakhstan, and recommends the development of methodologies for the forensic examination of environmental compartments, with the participation of forensic specialists from other countries within the Eurasian space.

Keywords: environmental forensics, environmental crimes, determining the causes of mass mortality in aquatic animals.

Основной процессуальной формой использования специальных знаний в судопроизводстве по делам, связанным с обеспечением экологической безопасности Республики Казахстан, является судебно-экологическая экспертиза. Судебно-экологическая экспертиза представляет собой процессуальное действие, производимое лицами, обладающими специальными знаниями в области экологии и смежных естественных, технических и экономических наук, компетентными в оценке полученных

результатов, которые составляют заключение, связанное с исследованием антропогенного воздействия на объекты окружающей среды¹.

В Республике Казахстан судебная экологическая экспертиза включена в Перечень видов судебных экспертиз, произво-

¹ Омелянюк Г.Г., Галинская А.Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве по делам об экологических правонарушениях // Эксперт-криминалист. – 2011. – № 4. – С. 23-26.

димых в Центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, и в настоящее время представлена одной экспертной специальностью 19.1 «Судебно-экспертное экологическое исследование»².

Анализ наблюдательных производств по делам, связанным с расследованием экологических преступлений, позволил сделать вывод о том, что основная часть экспертных исследований проводилась работниками Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан по делам, связанным с порчей земли (ст. 285 УК РК), незаконной порубкой деревьев и кустарников (ст. 291 УК РК); уничтожением или повреждением лесов (ст. 292 УК РК); нарушением режима особо охраняемых природных территорий (ст. 293 УК РК); незаконной добычей рыбных ресурсов и других водных животных и растений (ст. 287 УК РК); нарушения правил охраны животного мира (ст. 289 УК РК); незаконным обращением с редкими и находящимися под угрозой исчезновения видами животных и растений (ст. 290 УК РК)³.

В Республике Казахстан разработаны методики судебно-экспертного исследования с целью установления причины массовой гибели водных животных водоемов, загрязненных промышленными отходами, и судебно-экспертного исследования почв, загрязненных нефтепродуктами.

Приведем пример судебно-экологической экспертизы по материалам уголовного дела по факту нарушений экологических требований при хранении и захоронении экологически потенциально опасных химических веществ, повлекших массовую гибель лебедей-кликун на прудах накопителей.

На разрешение экспертизы поставлены следующие вопросы:

Имеются ли в пробах воды из прудов накопителей, изъятых на месте происшествия, вредные вещества?

Если да, то какие, и могли ли эти вещества вызвать гибель лебедей-кликун?

Изучив литературные данные по биологии лебедей-кликун, технологии переработки нефти, представленные материалы дела, эксперты констатируют следующее.

Лебедь-кликун относится к виду с сокращающейся численностью и занесен в Красную Книгу Казахстана⁴. Прилет лебедей-кликун на гнездование в данную местность (пруды накопители) датируется не ранее середины марта.

Согласно материалам дела местом обитания погибших лебедей являлось очистные сооружения (пруды накопители) химического завода, которые ранее использовались для приема, хранения, переработки и утилизации твердых и жидких отходов демеркаптанации нефти, относящихся к 4 классу опасности согласно РНД 03.0.0.2.01-96⁵. Пруды накопители содержат в своем составе промышленные отходы как химического завода: бор и хлориды, так и промышленные отходы нефтепереработки: нефтепродукты и продукты демеркаптанации нефти – щелочи и сульфаты.

Вышеуказанные боросодержащие промышленные отходы характеризуются высоким содержанием бора, хлора, железа, фтора. Согласно материалам дела и заключениям химических и радиологических исследований, отходы демеркаптанации нефти в исследуемых прудах накопителей относятся к третьему классу – токсичным веществам, выделяющим токсичные газы при контакте с воздухом и водой. Содержание меркаптанов и их солей в связи с отсутствием соответствующих методических материалов не исследовалось.

В пробах воды, изъятых на месте происшествия, определены вредные вещества: сульфаты, хлориды и бор, содержание которых превышает предельно допустимые концентрации в 10, в 3 раза, в 1,5 раза соответственно. Перечисленные обнаруженные в прудах накопителей вещества являются высокотоксичными для биологических объектов.

Оценив совокупность материалов дела: данные о составе воды в прудах накопителей, а также литературные данные по биологии лебедей-кликун, переработке нефти, эксперты сформулировали вывод

² Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, производимых в Центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан Приказ и.о. Министра юстиции Республики Казахстан от 22 августа 2013 года № 281 (регистрационный № 8656).

³ Бекжанов Ж.Л. Современное состояние и тенденции развития судебно-экспертной деятельности по делам об экологических правонарушениях в Республике Казахстан / Ж.Л. Бекжанов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2013. – № 4 (32). – С. 138–142.

⁴ Красная Книга Казахстана. Животные. Алматы: «Конжык», 1996 г. Т.1. С. 117.

⁵ РНД 03.0.0.2.01-96. Классификатор токсичных промышленных отходов производства предприятий Республики Казахстан.

о том, что гибель лебедей-кликунов вероятнее всего наступила из-за употребления токсичной воды с высоким содержанием сульфатов и хлоридов, многократно превышающим предельно допустимые нормы.

В настоящее время большое внимание уделяется разработке научно-методического обеспечения судебно-экологической экспертизы. При проведении судебно-экспертных исследований различных объектов окружающей среды активно используется опыт, накопленный в области государственного контроля в области природопользования и охраны окружающей среды, а также экологического мониторинга. Работниками Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан при производстве судебных экспертиз применяются методические материалы, разработанные в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и предназначенные для судебно-экологического исследования экологического состояния почвенно-геологических объектов, водных объектов, воздуха в помещениях.

Представляется актуальной совместная разработка методических материалов по судебно-экспертному исследованию объектов окружающей среды с привлечением работников судебно-экспертных учреждений государств, расположенных на Евразийском пространстве, поскольку решение ряда экологических проблем приобретает международный характер. Например, в случаях судебного разрешения споров хозяйствующих субъектов, связанных с загрязнением объектов окружающей среды в процессе производственной или иной деятельности на территории одного государства, когда последствия данного нарушения оказывают вредное воздействие на состояние окружающей среды в сопредельных государствах, объекты судебно-экологи-

ческой экспертизы могут быть расположены на территориях, которые находятся вне национальной юрисдикции. В этой связи одной из актуальных проблем является использование заключения эксперта-эколога в качестве доказательств в зарубежных и международных судах.

На основании анализа результативности расследования экологических преступлений для обеспечения экологической безопасности Республики Казахстан и выяснения фактических обстоятельств нарушения действующего законодательства можно сделать вывод о необходимости организации и производства судебно-экологических экспертиз, на разрешение которых помимо определения фактических обстоятельств негативного антропогенного воздействия на объекты окружающей среды следует ставить вопросы о разработке перечня рекультивационных и иных восстановительных работ и на основе расчета фактических затрат на восстановление нарушенного состояния объектов окружающей среды определение размера причиненного им вреда. Только при невозможности или нецелесообразности проведения таких работ следует определять размер вреда в соответствии с таксами и методиками исчисления, указанными в нормативных правовых актах.

Таким образом, установление фактов и обстоятельств экологических преступлений в Республике Казахстан часто производится путем судебно-экспертного исследования антропогенно-измененных объектов окружающей среды. Полагаем, что дальнейшее расширение сферы использования возможностей судебно-экологических экспертиз позволит повысить эффективность расследования экологических преступлений и будет способствовать возмещению вреда, причиненного объектам окружающей среды.

Микляева О.В.

Ученый секретарь ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
к.юрид.наук, доцент

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

**(23-24 ОКТЯБРЯ 2014 ГОДА – Г. МИНСК,
РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ)**

O. Miklyeva

Academic Secretary of the Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

PhD (Law), assistant professor

**INTERNATIONAL SCIENCE & PRACTICE CONFERENCE «CURRENT CHALLENGES TO
IMPROVING FORENSIC PRACTICES» (OCTOBER 23–24, 2014, MINSK, BELARUS)**

Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы совершенствования судебно-экспертной деятельности» состоялась 23-24 октября 2014 года в г. Минск, Республики Беларусь. Организовал конференцию Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. В работе конференции приняли участие представители экспертных служб Азербайджана, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдавии и России. На Пленарном и секционных заседаниях присутствовали представители Следственного комитета и Прокуратуры Республики Беларусь, ведущих высших учебных заведений.

С приветственным словом к собравшимся обратились Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь А.И. Швед, начальник Экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации П.Л. Гришин, ученый секретарь Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации О.В. Микляева и другие иностранные участники.

А.И. Швед отметил большое значение международной конференции не только для решения актуальных проблем судебной экспертизы, но и укрепления профессиональных отношений между коллегами из разных стран. Судебно-экспертная деятельность на постсоветском пространстве долгое время развивалась как единая система с общими для всех судебно-экспертных учреждений методологией и традициями. Изменения политической карты мира, произошедшие в 90-х годах прошлого века, определили различные пути эволюции моделей экспертного обеспечения судопроизводства в наших странах. Республика Беларусь не стала исключением. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь №202 от 22 апреля 2013 года впервые создан единый государственный орган, осуществляющий судебно-экспертную деятельность и государственное регулирование в данной сфере. Образование Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь послужило необходимым условием объединения усилий и осуществления планомерного развития судебно-экспертного

обеспечения правоохранительной деятельности в целом. За счет концентрации ресурсов различных экспертных учреждений и их перераспределения удалось значительно повысить оперативность и качество выполняемых экспертиз.

Попрежнему научное обеспечение судебно-экспертной деятельности является приоритетом в общей стратегии развития институтов белорусской судебной экспертизы. Значительное место в этой системе отводится Научно-практическому центру Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Если ранее научные исследования проводились в узких ведомственных рамках, и не всегда внедрялись в практическую деятельность, то теперь они позволяют обеспечивать целостное решение всего комплекса теоретических и прикладных проблем в деятельности судебных экспертов.

В Республике Беларусь впервые сформирована также единая система непрерывного образования судебных экспертов. Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь организовал подготовку экспертных кадров по всем экспертным специаль-

ностям. На смену традиционной, но не всегда эффективной подготовке судебных экспертов в форме наставничества, внедрена система обучения с присвоением квалификации на уровне высшего образования, осуществляется повышение квалификации и освоение программ стажировок.

Представляется, что белорусский опыт организации судебно-экспертной деятельности может быть интересен для специалистов экспертных ведомств других государств. Нужно отметить и еще один факт - глобальный характер взаимодействия и взаимозависимости в вопросах развития науки. Обмен результатами и достижениями является наиболее экономичной и продуктивной формой получения научных знаний. Совместные усилия, в том числе и в рамках научного обмена, обсуждения актуальных вопросов научного обеспечения, являются важным элементом стратегии развития судебно-экспертной деятельности.

На секционных заседаниях конференции обсуждались организационно-методические и правовые вопросы экспертной деятельности, проблемы криминалистических, специальных, технических, судебно-медицинских, судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз.

НОВОСТИ ENFSI

Говорина Н.В.
заведующая отделом международного сотрудничества
РФЦСЭ при Минюсте России

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СЕТИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 2013-2014 ГОДАХ

N. Govorina

Head of Department for International Cooperation
Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

AN OVERVIEW OF ACTIVITIES CARRIED OUT BY THE EUROPEAN NETWORK OF FORENSIC SCIENCE INSTITUTES (ENFSI) IN 2013–2014

Европейская сеть судебно-экспертных учреждений в 2013 году работала под руководством 16-го и 17-го Президиумов. Директор Института судебной экспертизы Эстонии Улар Ланно стал Президентом ENFSI на 25-ой Ежегодной конференции руководителей судебно-экспертных учреждений членов сети в мае 2013 года, он будет занимать эту должность два ближайших года.

В течение 2013 года продолжалась активная работа внутри Сети, проходили ежегодные конференции рабочих групп. В настоящий момент в ENFSI действует 17 экспертных рабочих групп. Многообразие научных областей, представленное 17-ю рабочими группами ENFSI, действительно исключительное. Это исследование объектов животного, растительного и почвенного происхождения, цифровое фото и ДНК, экспертиза документов, наркотиков, взрывов, отпечатков пальцев, оружия и следов выстрела, пожаров и взрывов, информационных технологий, звука- и видео, почерка, следов инструментов, материалов и веществ, дорожных происшествий, осмотра места происшествия, текстиля и волос. Экспертные рабочие группы составляют основу сети ENFSI. Весной 2014 года состоялось первое заседание вновь созданной группы по исследованию объектов животного, растительного и почвенного проис-

хождения. Эксперты РФЦСЭ при Минюсте России принимали участие в этой конференции и выступили с докладами о текущем положении в этой области судебной экспертизы в России.

В ENFSI в настоящий момент создано 2 проектные группы в области Анализа образцов крови и Судебной археологии для определения потребности в дополнительных Экспертных Рабочих Группках.

Группа по анализу образцов крови обсудила и согласовала свое создание на инаугурационной конференции, которая состоялась 28-30 января 2014 года в Нанте, Франция. Деятельность группы охватывает разработку Методических рекомендаций для анализа образцов крови, которые будут согласованы экспертами в сообществе ENFSI. Данные методические рекомендации устанавливают единообразное использование стандартных операционных процедур анализа образцов крови во всех организациях-членах ENFSI. Группа ставит перед собой задачу создания профессиональных тестов для обеспечения членов ENFSI.

Данная группа в качестве основной цели своей деятельности декларировала обеспечение обмена, распространения и повышения качества знаний в области анализа образцов крови. Своих целей проектная группа планирует добиваться посредством:

- обсуждения, распределения и сравнения методов анализа образцов крови, протоколов и исследований;

- создания рекомендаций по обеспечению качества и контролю качества анализа образцов крови в Европе (например, профессиональное тестирование);

- сотрудничества с другими национальными или международными организациями для развития единообразия в анализе образцов крови в Европе, включая стандартизацию терминологии при анализе образцов крови (в соответствии с рекомендациями Международной Ассоциации по анализу образцов крови);

- разработки Европейских методических рекомендаций, которые будут справочником не только для тех, кто производит анализ образцов крови, но и для всех лиц, вовлеченных в экспертный процесс;

- распространения для европейского экспертного сообщества по анализу образцов крови рекомендаций ENFSI, результатов экспертных исследований, обеспечение обучения и иных мероприятий.

В декабре 2012 года инициативная группа направила в Президиум ENFSI письмо-заявление о создании еще одной проектной группы в области судебной археологии. Президиум согласовал представленные предложения, и решение было одобрено всеми членами ENFSI на ежегодном собрании в г. Белграде в мае 2013. Первая встреча проектной группы состоялась в Институте судебной экспертизы Нидерландов 29 августа 2013 года, в ней приняли участие представители трех членов-основателей проектной группы и один ассоциированный член. Г-н Майк Гроен из Нидерландского института судебной экспертизы был назначен руководителем проектной группы.

Группа определяет судебную археологию как дисциплину, которая использует археологическую теорию, методы и технологии в правоохранительном контексте и которая сочетает знания археологии, тафономии и криминалистики для локализации, документирования и интерпретации почвенных, экологических и остеологических образцов как возможных мест происшествий или преступлений. Группа была создана для изучения практики организации судебно-археологических исследований в различных европейских странах и обмена опытом между экспертами. Начало работы группы может быть отнесено к 2012 году, когда Нидерландский институт судебной

экспертизы организовал встречу по Европейской судебной археологии. Важным результатом этой встречи стало совместное решение о создании платформы для европейских практиков по научной судебной археологии. Специалисты посчитали, что создание этой платформы в рамках ENFSI является наиболее продуктивным, что не только подчеркнуло бы экспертную природу судебной археологии, но также обеспечило бы прямой доступ к европейскому экспертному сообществу. Основной целью создания проектной группы является информирование экспертного сообщества о возможностях судебной археологии при работе на месте происшествия или преступления, а также изучение возможности создания Рабочей группы по судебной археологии в рамках ENFSI.

Членство в проектной группе не ограничено только судебными археологами, а открыто для всех экспертов, которые используют теорию судебной археологии, методы и методики в своей работе и кто представляет Европейские судебно-экспертные лаборатории, негосударственные организации, полицейские группы и университеты. Проектная группа исходит из того, что привлечение профессионалов из различных областей и организаций необходимо для достижения цели по внедрению и поддержке теории, методов и технологий судебной археологии на местах происшествий и преступлений в Европе.

Экспертные рабочие группы ENFSI обеспечивают обмен информацией о разрабатываемых методиках экспертных исследований, а также новых подходах в соответствующих научных областях. Они разрабатывают методические рекомендации, проводят семинары по отдельным темам, а также начинают и сопровождают совместные научно-исследовательские проекты. Для экспертов, работающих в институтах-членах ENFSI в Европе и в ассоциированных организациях в мире, ENFSI обеспечивает соответствующую платформу для открытого обмена информацией. Сотрудничество строится на взаимном доверии между экспертами судебно-экспертных институтов, чью работу активно поддерживает и обеспечивает ENFSI. Личные контакты дают позитивный импульс для взаимопомощи в ежедневной практической деятельности, например, совместное использование информации или просто дача профессионального совета. Участие экспертов в ежегод-

ных конференциях, членство в руководящих комитетах рабочих групп, активная работа в проектах, связанных с подготовкой методических рекомендаций, является существенным вкладом в деятельность сообщества ENFSI и собственных организаций.

Наряду с экспертными рабочими группами, в рамках ENFSI действуют постоянные комитеты, которые обеспечивают деятельность организации необходимыми руководящими документами. В 2013 году в ENFSI действовало три постоянных комитета: по исследованиям и развитию, по качеству и компетенции, по образованию и обучению. На ежегодной конференции в мае 2014 было принято решение о завершении работы комитета по образованию и обучению и о передаче его функций двум оставшимся комитетам.

Основная цель постоянного комитета по качеству и компетенции (QCC SC) - это деятельность в качестве консультанта и координатора значимой для существования ENFSI деятельности в области качества и компетенции в широком смысле. В 2013 году QCC SC продолжил работу по постоянному повышению качества экспертного производства и компетенции экспертов сообщества ENFSI: работал над планами совершенствования процесса валидации, программами профессионального тестирования и вопросами компетентности.

В рамках реализации своих полномочий QCC SC сотрудничает с наиболее значимыми организациями, связанными с обеспечением качества и аккредитации (EA, ILAC, ISO, Eu-rachem, NIST, CEN/CENELEC и т.д.). QCC внес существенный вклад в разработку новой версии ILAC G19 «Руководство для экспертных лабораторий», охватывающее применение как ISO 17025, так и ISO 17020, и которое стало более объемным, чем предыдущая версия. Новое руководство уже одобрено ILAC в августе 2014 года. К тому же, QCC привлечен к работе над проектом руководящих документов EA, касающихся заключений и интерпретации, составляющих наиболее важные аспекты экспертного процесса.

Как и каждый год, в 2013 году QCC провел встречу контактной группы по качеству и компетенции, на которой традиционно собираются представители из лабораторий-членов ENFSI и рабочих групп. В 2013 году встреча состоялась в Лаборатории судебной экспертизы в г. Дублине, Ирландия. В конференции приняли участие более 70

человек. Среди делегатов было 27 менеджеров по качеству из европейских судебно-экспертных организаций, Австралии, а также США. На встрече были обсуждены три различные подпрограммы ENFSI: Экзамен общих экспертных знаний (МП2010) - проект имеет целью разработать он-лайн экзамен, дающий возможность лабораториям ENFSI продемонстрировать компетентность своих экспертов в области общих экспертных знаний; разработка правил проведения профессионального тестирования (МП2009) и руководств для валидации аналитических и сравнительных методов в судебной экспертизе (МП2009).

Во второй половине 2013 года QCC приложил большие усилия для подготовки одной из наиболее значимых «монопольных программ» ENFSI – МП2012 «Стандартизация судебной экспертизы путем внедрения методических рекомендаций». Основной целью программы является гармонизация экспертных методических рекомендаций в Европе.

QCC подготовил открытую конференцию по МП2012, которая дала формальное начало ее деятельности. Конференция состоялась 31 января 2013 года в г. Амстердаме, в ней приняли участие руководители проектных групп вместе с командой QCC. QCC будет играть существенную роль в поддержке и управлении всеми группами путем участия ее членов в важнейших встречах коллективов- разработчиков методические рекомендации. В ближайшем будущем QCC, в соответствии с политикой ENFSI, продолжит наблюдение за областями аккредитации и улучшением качества среди членов ENFSI.

Второй постоянный комитет по исследованиям и развитию (R&D SC) продолжал свою работу в соответствии со стратегической линией ENFSI. Как и в предыдущие годы в 2013 году комитет сконцентрировал свою деятельность на определенных приоритетных направлениях, которые включали: создание контактной группы комитета, поиск средств финансирования, определение средне- и долгосрочных потребностей в научных исследованиях в сообществе ENFSI. Контактная группа комитета значительно выросла и, хотя не все члены ENFSI выделили в ее состав своих представителей, она в настоящий момент состоит из 55 членов, 17 из которых выбраны в рабочих группах ENFSI.

2013 год стал важным этапом для реализации «монопольных программ». Европейский Союз предоставляет финансирование для поддержки экспертного сотрудничества в Европе, которое осуществляется в рамках программы «Безопасность и защита свободы», по ее специальной программе «По предотвращению и борьбе с повторными преступлениями» (ISEC), возглавляемой Генеральным директором внутренних дел Европейской Комиссии. Гранты присуждаются ENFSI, признанной в Европейском Союзе организацией, имеющей монопольный статус в области судебной экспертизы. 2013 год был завершающим годом программы субсидий ISEC, и ENFSI представила на рассмотрение заявку на последний грант в Европейскую Комиссию в декабре 2013. К 15 декабря 2013 года было завершено также выполнение первой «Монопольной Программы» (финансированной грантом 2009 года) и отчет был направлен в Европейскую Комиссию. Несмотря на то, что не было анонсировано новых грантов ISEC за рамками 2013 года, выполнение текущей работы по «монопольным программам» ENFSI будет продолжено в ближайшие несколько лет.

В 2013 году ENFSI подписала соглашение о дальнейших монопольных грантах, являющихся результатом Ежегодной рабочей программы 2012 ISEC с началом реализации 1 января 2014 года и начавшей существовать с открытой конференции, прошедшей в г. Амстердаме 31 января 2014. Таким образом, в январе 2014 года начали реализацию одновременно три программы (2010, 2011, 2012). Новые заявки ENFSI в Европейскую Комиссию на грант по монопольности 2013 были поданы в декабре 2013 года с предложением на двухгодичную рабочую программу с названием «Концепция Европейской судебной экспертизы 2020 (TVEFS-2020), которая реализует «Выводы Совета о концепции судебной экспертизы в Европе 2020, включая создание европейского судебно-экспертного пространства и развитие судебно-экспертной инфраструктуры в Европе», принятые Советом по вопросам юстиции и внутренних дел Европейского Союза (декабрь 2011). Таким образом, монопольное финансирование будет и далее играть важную роль, помогая достичь целей сотрудничества, в том числе в части стандартизации в области судебной экспертизы.

В 2013 году продолжилась работа в области аккредитации членов ENFSI. В рамках реализации данной задачи ENFSI разработала специальные программы поддержки неаккредитованных членов, названные «Европейские наставники для судебно-экспертной аккредитации» (EMFA), также известные как «летающие наставники». В соответствии с правилами программы аккредитованные лаборатории ENFSI действуют как наставники для неаккредитованных лабораторий. Так, неаккредитованные лаборатории (обучающиеся) учатся в части построения систем обеспечения качества. Такая форма сотрудничества между аккредитованными и неаккредитованными лабораториями позволяет последней ускорить процесс аккредитации. Программа заканчивается реальным, широкомасштабным предварительным аудитом. После аудита наставник делает вывод, что обучаемый «готов к аккредитации». В 2013 году завершился второй проект EMFA. Программа EMFA-2 стартовала в 2011. Лаборатория из г. Сараево (Босния и Герцеговина) выбыла из проекта EMFA-2 в связи с внутренними проблемами после первого ознакомительного визита. Таким образом, программа продолжалась с 3-мя вместо 4-х участников. На завершающей конференции в г. Загребе (Хорватия) лаборатории-наставники представили свои выводы о своих обучающихся лабораториях. Все выводы были позитивными и обучающиеся лаборатории квалифицированы как «готовые к аккредитации». Северо-Западный Региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации принимал участие в этом проекте, что позволило Центру аккредитовать три новых экспертных направления.

В 2013 году состоялось несколько организационных мероприятий, в частности ежегодная конференция руководителей судебно-экспертных организаций в мае в г. Белграде, в декабре – объединенная встреча Президиума, постоянных комитетов и рабочих групп в г. Барселоне, а так же несколько заседаний Президиума.

25-ое Ежегодное общее собрание, организованное Национальным технико-криминалистическим центром Сербии (NCTC), прошло в г. Белграде (Республика Сербия) 22-24 мая 2013 года при участии 59 из 64 представителей судебно-экспертных организаций. В соответствии с тради-

циями ENFSI ежегодное собрание состояло из двух частей: тематической и деловой.

Тематический день был начат с выступления Дежана Раденковича (Mr. Dejan Radenkovi) из Департамента уголовных расследований Сербии, который тепло поприветствовал участников. В своем выступлении он упомянул реализуемые ENFSI инициативы, остановившись на их важности. Директор NCTC Лазар Нешич (Mr. Lazar Nesic) пожелал всем участникам успешной работы. Елица Неделькович (Mrs. Jelica Nedeljko) рассказала о реализованном в Национальном технико-криминалистическом центре Сербии проекте по улучшению условий труда экспертов. Тематическая часть была завершена презентацией «Последствия пренебрежения современными стандартами», сделанной Александром Ивановичем (Mr. Aleksandar Ivanovi) из Судебно-экспертного центра Черногории.

Деловая часть началась сразу после тематической, члены-представители обсудили вопросы, касающиеся будущего ENFSI, рабочих групп ENFSI, финансов ENFSI, развития новой внутренней интернет платформы для членов ENFSI, и провели выборы в Президиум ENFSI.

В 2013 году также прошла традиционная объединенная встреча, в которой приняли участие 17-ый Президиум ENFSI, руководители рабочих групп ENFSI, руководители проектных групп ENFSI, председатели постоянных комитетов, Секретарит ENFSI и другие участники. Встреча была организована Лурдес Пуигбаррака Сол (Ms. Lourdes Puigbarraca i Sol), одним из членов Президиума ENFSI, и проходила в здании Департамента внутренних дел Правительства Каталонии, г. Сабадел, Испания.

Тематика охватывала отчеты и планы работы рабочих групп, проектных групп и постоянных комитетов, стандарт ENFSI о требованиях к форме и содержанию экспертного заключения, а также Стратегический план ENFSI 2015-2018. Более того, участники затронули вопросы финансов РГ, ассоциированных членов РГ, сайта ENFSI, публикации документов ENFSI, Монопольные программы ENFSI и Стандарты минимальных требований, разработанные Международным стратегическим альянсом по судебной экспертизе (IFSA).

Основная часть этой встречи была посвящена отчетам органов ENFSI за 2013 и планам на 2014год. В конце встречи Президиум ENFSI вручил награду «Лучшая ра-

бочая группа 2013 года». Награду получила рабочая группа ДНК- анализа.

В 2013 году Президиум ENFSI собирался семь раз. 16-ый состав Президиума провел три встречи - в Праге, Копенгагене и Белграде, а 17-ый - четыре встречи - в Барселоне, Варшаве, Риме и Барселоне. В 2013 году приоритетными направлениями работы Президиума были улучшение внутренней коммуникации ENFSI, оптимизация расходов ENFSI, а также помощь в ежедневной работе рабочих групп ENFSI. Прошедшие встречи помогли решению этих задач и позволили эффективно управлять ENFSI.

Продолжалось сотрудничество ENFSI с международными партнерами. 5 июля 2013 года в штаб-квартире Евроюст, в г. Гааге, Президент ENFSI Улар Ланно (Mr. Ilar Lanno) и руководитель постоянного комитета по исследованиям и развитию Марсель Ван дер Штен (Mr. Marcel van der Steen) встретились с партнерами из Евроюста и Европола. Участники открыто обсудили взаимоважные вопросы, связанные с судебной экспертизой, и сфокусировались на реализации программы «Европейское судебно-экспертное пространство 2020» (EFSA2020). Обсуждение было направлено на разработку и координацию совместных действий.

В октябре 2013 года Международный стратегический альянс по судебной экспертизе (IFSA) провел свою ежегодную встречу. Это мероприятие было приурочено к 17-му Международному симпозиуму по судебной экспертизе (IFSS), прошедшему в штаб-квартире Генерального секретариата Интерпола в г. Лионе. Все шесть глобальных сетей, составляющих IFSA, вместе с делегатами Интерпола и УНП ООН, представили свои последние разработки и пути их применения в уголовном процессе. В 17-ом Международном симпозиуме по судебной экспертизе (IFSS), приняли участие более 160 судебных экспертов, исследователей и разработчиков из 61 страны и трех международных организаций, а также представителей частных компаний.

Заседание IFSA прошло под руководством Жозе Антонио Лоренте (Mr. Jose Antonio Lorente), Президента IFSA, представляющего AICEF. Главные темы, поднятые на встрече включали вопросы, связанные с минимальными требованиями, стандартными документами, разработанными IFSA с целью повышения уровня судебной экспертизы в слаборазвитых странах, сай-

том IFSA и секретариатом IFSA. Дополнительно к этому встреча дала возможность для каждой представленной сети, рассказать о своих приоритетах и обозначить текущие направления судебно-экспертного развития, характерные для соответствующих территорий.

Участники IFSA приняли решение о дальнейшем развитии сайта организации в форме субстраницы, публикуемой на открытом вебсайте ENFSI www.enfsi.eu, при поддержке Секретариата ENFSI. Также, было принято решение о том, что отныне Секретариаты IFSA будут работать в континентальных сетях соответствующих Президентов IFSA. Президентом IFSA на ближайшие два года (2014-2015) был избран Лам Кайн Минг (Mr. Lam Kian Ming) из Медико-санитарного Управления Сингапура, который представляет Азиатскую Судебно-экспертную сеть (Asian Forensic Science Network).

Список сокращений:

AICEF (Academia Iberoamericana de Criminalística y Estudios Forenses) - Иbero-американская академия криминалистики и судебных исследований

CEN/CENELEC – управляющий центр Европейского комитета по стандартизации (CEN) и Европейского комитета по электро-технической стандартизации (CENELEC)

ENFSI – Европейская сеть судебно-экспертных учреждений

Eu-rachem - ЕВРАХИМ

EA (The European co-operation for Accreditation) – ассоциация национальных органов по аккредитации в Европе

ILAC (International Laboratory Accreditation Cooperation) - Международного сотрудничества по аккредитации лабораторий

ISO (International Organization for Standardization) — Международная организация по стандартизации

МП (The Monopoly Programmes are thematic clusters of projects funded through the ISEC programme of the European Commission) – тематические проекты в области судебной экспертизы, разрабатываемые ENFSI и финансируемые Европейской Комиссией в рамках программ Евросоюза

NIST (National Institute of Standards and Technology) – Национальный институт стандартов и технологии (лаборатория стандартов измерений)

QCC SC - постоянный комитет ENFSI по качеству и компетенции

R&D SC - постоянный комитет ENFSI по исследованиям и развитию

ПМ – программы монополии, финансируемые Евросоюзом

УНП ООН – Управление по борьбе с наркотиками и преступностью Организации Объединенных Наций

При подготовке данной статьи использовались документы и материалы ENFSI (<http://www.enfsi.eu>)

Судебная экспертиза за рубежом

Н.В. Фетисенкова
редактор 1 категории
отдела организационно-правового и
информационного обеспечения производства экспертиз
ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Представлены переводы рефератов статей, опубликованных в издании: *Forensic Science International (FSI)*, тома 233 за 2013 г. и 242 за 2014 г. изд-ва Elsevier (Нидерланды), [интернет-версия: www.sciencedirect.com]. Переводы рефератов с англ. выполнены А.А. Игнатьевой

N. Fetisenkova

Editor 1 category of the Russian Federal Center
of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

NEW PUBLICATIONS ON FORENSIC EXAMINATION

Судебно-техническая экспертиза цветных чернил для струйных принтеров методами рамановской спектроскопии и капиллярного электрофореза = Raman spectroscopy and capillary electrophoresis applied to forensic colour inkjet printer inks analysis / Małgorzata Król, Agnes Karoly, Paweł Kościelniak [Poland; Hungary] // FSI. – September 2014. – Vol. 242. – P. 142–149.

Фальсифицированные документы все чаще поступают на экспертизу в лаборатории судебно-технической экспертизы документов, при этом многие из них изготовлены на струйных принтерах. Эксперты занимаются разработкой систематических подходов к сравнению и идентификации чернил для струйных принтеров с помощью различных методов, как с разрушением, так и без разрушения образцов. Анализ цветных чернил для струйных принтеров проводился методами рамановской спектроскопии и капиллярного электрофореза.

Рамановская спектроскопия использовалась для исследования хими-

ческого состава цветных чернил *in situ* на бумажной поверхности. Данный метод позволяет проводить описание чернил для струйных принтеров и дифференцировать образцы, а также может применяться для создания базы спектральных данных чернил из картриджей различных брендов и моделей. Для разделения цветных и бесцветных компонентов чернил применялся капиллярный электрофорез в режиме мицеллярной электрокинетической хроматографии, что позволило установить групповую принадлежность компонентов, присутствующих в достаточной высокой концентрации (т.е. дающих интенсивные пики). На основе полученных данных была проведена дифференциация исследуемых образцов чернил.

Всего исследовано 23 образца чернил для струйных принтеров. Значения дискриминационной мощности для обоих методов были получены по стандартной методике на этапе интерпретации результатов и составили 94,0% для рамановской спектроскопии и 95,6% для капиллярного электрофореза, при учете всех проанализированных образцов, и 96,7% и 98,4%, со-

ответственно, когда в расчет принимались только картриджи разных моделей.

Сочетание наноманипуляций и масс-спектрометрии с ионизацией электроспреем при судебно-техническом исследовании документов и красящих веществ = Nanomanipulation-coupled to nanospray mass spectrometry applied to document and ink analysis / Vivian Huynh, Ubisha Joshi, Jennifer M. Leveille, Teresa D. Golden, Guido F. Verbeck [United States] // FSI. – September 2014. – Vol. 242. – P. 150–156.

Разработана методика отбора и исследования образцов чернил на основе микроскопии с прямой экстракцией нанопробы аналита в сочетании с масс-спектрометрией с ионизацией электрораспылением (DAPNe-NSI-MS) для локального химического анализа чернил, используемых при изготовлении документов. Наноманипуляции успешно сочетаются с масс-спектрометрией с ионизацией электроспреем, обеспечивая чувствительность на уровне пикомолярных концентраций и позволяя анализировать сверхследовые количества веществ на пробах объемом до 300 нл. Данная инновационная методика не оказывает разрушающего воздействия на поверхность документа. Для демонстрации диапазона применения методики проведен экспериментальный анализ чернил разных поколений, включая железо-галловые и современные разновидности чернил, а также протестированы возможности обнаружения продуктов окисления полиэтиленгликоля (ПЭГ), часто используемого в чернилах в качестве связующего. Результаты эксперимента показывают, что метод DAPNe-NSI-MS позволяет получать хелатные комплексы ионов железа (II) и марганца (II) из железо-галловых чернил и органических компонентов современных и сажевых чернил. Независимо от состава чернил (как современных, так и изготовленных по ранее разработанным рецептам) и присутствия органических или неорганических компонентов, данный инструментальный подход позволяет идентифицировать и определять характеристики ингредиентов за счет отбора оптимального растворителя-экстрагента, что свидетельствует о многообразии прикладных возможностей методики DAPNe.

Влияние стирки на видимые следы повреждения ткани одежды от ударов острым предметом = Effect of laundering

on visible damage to apparel fabric caused by sharp force impact / S.L. Wells, R.M. Laing, D.J. Carr, B.E. Niven [New Zealand; UK] // FSI. – 2013. – Vol. 233, № 1–3. – P. 283–287.

Во многих странах и регионах мира нападение с острым предметом является одним из наиболее распространенных видов насильственных преступлений. При нанесении удара острым предметом одежда жертвы становится важным вещественным доказательством: помимо прочего, по характеру повреждений иногда возможно установить орудие преступления. В то же время, неизвестно, насколько стирка одежды после факта нападения влияет на сохранность морфологических параметров разреза ткани и отдельных волокон, и возможна ли идентификация орудия преступления по повреждениям ткани после стирки. В данном исследовании рассматривается воздействие стирки на состояние 100% хлопчатобумажного полотна – саржи (тик) и гладкого джерси (трикотаж). На этапе подготовки образцов по ткани были нанесены удары кухонным ножом или крестовой отверткой. Образцы были сфотографированы, однократно постираны, а затем сфотографированы повторно. В сравнительном исследовании изображений ткани до и после стирки принимали участие десять экспертов. Были обнаружены очевидные различия между внешним видом ткани до и после стирки. Таким образом, стирка предметов одежды влияет на морфологические характеристики ткани и волокон и затрудняет идентификацию орудия, использованного для нанесения удара через одежду.

Шумоподавление с помощью частотной фильтрации при исследовании отпечатков пальцев: количественная оценка точности воспроизведения папиллярного узора при использовании цифровых методов повышения качества изображений = Frequency filtering to suppress background noise in fingerprint evidence: Quantifying the fidelity of digitally enhanced fingerprint images / Jacqueline A. Speir, Jack Hietpas [United States] // FSI. – September 2014. – Vol. 242. – P. 94–102.

Применение цифровых методов обработки изображений позволяет повысить качество объектов дактилоскопической экспертизы. В первую очередь это касается отпечатков пальцев, которые сложно зафиксировать (например, оставленных на

пористой бумажной поверхности), или тех случаев, когда используемый метод фиксации следов не позволяет эффективно снизить фоновые помехи. Частотная фильтрация является одним из видов математического преобразования, применяемых в таких случаях для повышения четкости изображения и извлечения локальных признаков, по которым проводится парное сравнение. Количественная оценка влияния частотной фильтрации на качество изображения проводилась на снимках низкого (т. е. с высоким уровнем шума) и высокого качества. Изображения высокого качества использовались в качестве образцов для сравнения со снимками низкого качества до и после фильтрации. Результаты сравнения в виде показателей парного совпадения позволяют сделать следующие выводы: (1) частотная фильтрация снижает вероятность ложноположительного результата (т. е. ошибочного отождествления), (2) в 90% случаев фильтрация изображений позволяет повысить нормализованный показатель совпадения, (3) частотная фильтрация вдвое повышает вероятность получения показателя совпадения, превышающего 30% (для автоматизированного алгоритма, использованного в данном исследовании); (4) фильтрация удваивает вероятность выявления 10 или более локальных признаков для сравнения отпечатков одного и того же происхождения. В целом, данное исследование показывает, что фильтрация изображений отпечатков пальцев, сравниваемых с образцами известного происхождения, позволяет добиться заметного и измеримого улучшения четкости изображения, а также увеличения показателей парного совпадения и числа локальных признаков (минуций), по которым проводится сопоставление.

3-Нафтоиндазолы и 2-нафтоилбензимидазолы – новые группы синтетических каннабиноидов: химическая структура, аналитические характеристики и идентификация первых представителей в составе курительных смесей = 3-Naphthoylindazoles and 2-naphthoylbenzoimidazoles as novel chemical groups of synthetic cannabinoids: Chemical structure elucidation, analytical characteristics and identification of the

first representatives in smoke mixtures / Vadim Shevyrin, Vladimir Melkozerov, Alexander Nevero, Oleg Eltsov, Yuri Morzherin, Yuri Shafran [Russian Federation; Belarus] // FSI. – September 2014. – Vol. 242. – P. 72–80.

Методами газожидкостной хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием (ГХ/МС), в том числе высокого разрешения (ВР), ультравысокоэффективной жидкостной хроматографии с тандемным масс-спектрометрическим детектированием высокого разрешения, ЯМР- и ИК-спектроскопии установлена химическая структура новых синтетических каннабиноидов (нафталин-1-ил) [1-(5-фторпентил)-1Н-индазол-3-ил] мета-нона, (нафталин-1-ил)(1-пентил-1Н-бензимидазол-2-ил)метанона и (нафталин-1-ил)[1-(5-фторпентил)-1Н-бензимидазол-2-ил]метанона. Получены аналитические данные, позволяющие достоверно идентифицировать эти соединения при проведении качественного анализа объектов экспертизы наркотических средств, в том числе курительных смесей.

Непроцессуальная экспертная профилактика: новый класс прекурсов катинона = Proactive forensic science: A novel class of cathinone precursors / E. Smolianitski, E. Wolf, J. Almog [Israel] // FSI. – September 2014. – Vol. 242. – P. 219–227.

В последнее время были синтезированы и описаны девять новых производных катинона, не попадающие под действие антинаркотического законодательства Израиля и других стран. В отличие от большинства модифицированных катинонов, представленных на рынке запрещенных наркотических веществ, эти соединения были получены путем модификации карбонильной группы исходного соединения. Новая группа включает в себя циклические кетали и тиокетали, оксимы и гидразон катинона и фталимид катинона. Катинон легко восстанавливается из перечисленных новых производных реакцией кислотного гидролиза. Таким образом, данные соединения можно рассматривать как потенциальные прекурсоры наркотиков и рекомендовать к включению в перечень веществ, подлежащих контролю путем принятия соответствующих нормативных правовых актов.

Конференции,
семинары, круглые
столы по судебной
экспертизе

Селиванов А.А.
заведующий отделом судебно-товароведческой экспертизы
ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
кандидат экономических наук

**О ВСЕРОССИЙСКОМ СЕМИНАРЕ
«ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ
(НЕПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ) ТОВАРОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ
С ЦЕЛЬЮ ПРОВЕДЕНИЯ ИХ ОЦЕНКИ»
ПЯТИГОРСК, 21-27.09.2014**

A. Selivanov

Head of Department for Forensic Analysis of Consumer Goods
Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice
PhD (Economics)

**NOTES ON THE ALL-RUSSIAN SEMINAR «FORENSIC EXAMINATION OF
MANUFACTURED (NON-FOOD) PRODUCTS FOR EVALUATION AND OTHER
PURPOSES», PYATIGORSK, SEPTEMBER 21–27, 2014**

Всероссийский семинар «Исследование промышленных (непродовольственных) товаров, в том числе с целью проведения их оценки» (далее – Семинар), проводился на базе ФБУ Северо-Кавказский РЦСЭ Минюста России (г.Пятигорск) в период с 21 сентября по 27 сентября 2014 года согласно плану проведения всероссийских школ и семинаров по актуальным вопросам теории и практики судебной экспертизы в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России в 2014 году. В работе Семинара приняли участие 55 экспертов из 42 экспертных учреждений Минюста России.

Семинар был открыт начальником ФБУ Северо-Кавказский РЦСЭ Минюста России Александром Сергеевичем Дмитренко, который особо подчеркнул актуальность и значимость данного мероприятия. В ходе работы было заслушано более 35 докладов по различным вопросам теории и практики судебно-товароведческой экспертизы.

Общим проблемам были посвящены доклады по основам судебной экспертизы и современному законодательству в области судебно-экспертной деятельности, а так же обзоры практики производства судебно-товароведческих экспертиз в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, ФБУ Пензенская ЛСЭ, ФБУ Курская ЛСЭ, ФБУ Орловская ЛСЭ, ФБУ Башкирская ЛСЭ, ФБУ Сибирский РЦСЭ Минюста России. Некоторые частные вопросы организации судебной экспертизы были затронуты в анализе рецензий на заключения экспертов СЭУ Минюста России, в сообщениях об организации производства судебно-товароведческих экспертиз в экспертном учреждении (в т. ч. с привлечением к производству экспертизы специалистов, не являющихся сотрудниками СЭУ), компетенции эксперта-товароведа при производстве судебно-товароведческих экспертиз по делам о спорах, связанных с объектами интеллектуальной собственности, и возможности производства СТЭ в комплексе с

экспертом по исследованию лакокрасочных материалов и покрытий.

Большое внимание было уделено классификационным задачам судебно-товароведческой экспертизы, рассмотрены особенности классификации товаров по делам, связанным с нарушением таможенного законодательства, классификационные исследования автомобильных ламп и телефонных аппаратов для сотовых сетей связи.

Большинство участников выступали с актуальными и интересными презентациями об исследовании различных объектов судебной товароведческой экспертизы: пушно-меховых изделий, ювелирных изделий, мебели, обувных товаров, имущества, пострадавшего от негативных воздействий (пожара), плитки керамической для внутренней отделки стен, бывших в эксплуатации текстильных материалов, предметов старины и искусства, наград особого статуса и изделий из них, кожи экзотических животных.

По окончании выступлений проходило их обсуждение.

В качестве оказания методической и практической помощи каждому участнику Семинара был предоставлен компакт-диск, на котором записан в электронном виде сборник примеров заключений экспертов.

В последний день состоялся круглый стол, на котором были обсуждены актуальные вопросы, касающиеся производства судебно-товароведческих экспертиз, ключевые проблемы, возникающие при производстве судебно-товароведческих экспертиз и перспективы развития судебно-това-

роведческой экспертизы в СЭУ Минюста России.

По итогам Семинара участниками единогласно были приняты рекомендации, которые после рассмотрения на научно-методической секции по судебно-товароведческой экспертизе рекомендовать опубликовать в отдельном сборнике или в журнале «Теория и практика судебной экспертизы». В связи с постоянно растущими потребностями следственных органов и судов в производстве судебно-товароведческих экспертиз керамической плитки, пушно-меховых изделий и лесоматериалов, а также с большим объемом, представленной на семинаре информации, рекомендовано включить в лабораторный план НМР разработку следующих методических рекомендаций:

- «Методические рекомендации по исследованию керамической плитки» (ФБУ Северо-Кавказский РЦСЭ Минюста России);

- «Методические рекомендации по исследованию лесоматериалов» (ФБУ Дальневосточный РЦСЭ Минюста России);

- «Методические рекомендации по исследованию пушно-меховых изделий» (ФБУ Владимирская и Челябинская ЛСЭ Минюста России).

Участники Семинара выразили благодарность начальнику ФБУ Северо-Кавказский РЦСЭ Минюста России Александру Сергеевичу Дмитренко и заведующему Пятигорским филиалом ФБУ Северо-Кавказский РЦСЭ Минюста России Алексею Яковлевичу Костенко за высокий уровень организации данного мероприятия.

Секераж Т.Н.

Заведующая лабораторией судебной психологической экспертизы
ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
кандидат юридических наук

**О МЕЖДУНАРОДНОМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ
СЕМИНАРЕ «ЭКСТРЕМИСТСКИЕ МАТЕРИАЛЫ: ПРАКТИКА
ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА И АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНОЙ
ПРАКТИКИ», БРЯНСК, 15-19.09.2014**

T. Sekerazh

Head of the Laboratory of Forensic Psychology
Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice
PhD (Law)

**NOTES ON THE INTERNATIONAL SCIENCE & PRACTICE SEMINAR «EXTREMIST
MATERIALS: THE PRACTICE OF FORENSIC ANALYSIS»,
BRYANSK, SEPTEMBER 15–19, 2014**

Международный научно-практический семинар «Экстремистские материалы: практика экспертного анализа и анализ» проходил в городе Брянске с 15 по 19 сентября 2014 года на базе ФБУ Брянская ЛСЭ Минюста России. Семинар был организован в рамках научно-практического проекта «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе», в соответствии с планом проведения семинаров на 2014 год, утвержденным приказом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России от 02.12.2013 № 204/1-1.

В работе семинара приняли участие 180 специалистов из 47 городов России и 4-х государств (Армении, Беларуси, Казахстана, Таджикистана), представители 44-х СЭУ Минюста России. На семинаре было доложено о реализации решений международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов» (Калининград, 2009) и школы для экспертов «Производство судебных психолого-лингвистических экспертиз ма-

териалов по делам, связанным с противодействием экстремизму» (Москва, 2012).

Авторами и ведущими экспертами системы было представлено второе издание методики проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму (РФЦСЭ при Минюсте России, 2014). Участниками семинара рассмотрены актуальные вопросы теории и практики экспертизы, в том числе лингвистический и психологический анализ поликодовых (сочетающих в себе вербальные и невербальные компоненты) сообщений, содержащихся в материалах разного формата, исследование невербальных компонентов сообщения (графических и видеоизображений); комплексное (с участием религиоведа) исследование материалов религиозной тематики; лингвистические семантические исследования, направленные на установление признаков призыва, угрозы; установление лексического значения слов и словосочетаний в

рамках «экстремистского» дискурса; исследование художественных текстов; воздействие в коммуникации (речевое, неречевое); целостный анализ коммуникативного процесса, социокультурного контекста, установление социально-психологической направленности материала.

Принятые на семинаре рекомендации были утверждены на совместном заседании секций по судебной психологической и судебной лингвистической экспертизам Научно-методического совета РФЦСЭ при Минюсте России.

Сонис М.А.

Главный эксперт лаборатории СБЭ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
кандидат технических наук

О ПРОВЕДЕНИИ СЕМИНАРА «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТИЗЫ СЛЕДОВ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВЫСТРЕЛА», Г.МОСКВА, 22-26.09.2014

M. Sonis

Master forensic examiner

Laboratory of Forensic Ballistics

Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

PhD (Engineering)

NOTES ON THE SEMINAR «CURRENT PROBLEMS WITH FORENSIC INVESTIGATION OF GUNSHOT TRACE EVIDENCE AND CIRCUMSTANCES OF FIREARM INCIDENTS», MOSCOW, SEPTEMBER 22–26, 2014

В ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России с 22 по 26 сентября 2014 г. был проведен семинар «Современные проблемы экспертизы следов и обстоятельств выстрела».

В связи с переездом лаборатории СБЭ на Новоалексеевскую улицу все занятия проведены в помещении РФЦСЭ на Хохловском переулке, д. 13, что создавало определенные неудобства – участники семинара были удалены от сотрудников лаборатории. Неформальное общение значительно снизилось.

Участники семинара – 24 человека из 23 экспертных учреждений представляют абсолютное большинство экспертных учреждений системы, в которых проводятся судебно-баллистические экспертизы по исследованию следов и обстоятельств выстрела.

Программа семинара предусматривала проведение как лекционных, так и практических занятий, обсуждение с участниками семинара их экспертных заключений.

В качестве оказания методической помощи участникам семинара были розданы ксерокопии работ, которые опубликованы не в изданиях РФЦСЭ:

1. «Обобщение экспертной практики по исследованию следов выстрела на руках и одежде стрелявшего». Микляева О.В., Степанова И.Р. (опубликована в бюллетене Министерства юстиции Российской Федерации № 4/2003).

2. Продукты разложения ударных составов капсюлей-воспламенителей – как основа определения обстоятельств выстрела. Сонис М.А., Сазонова О.О., Сиротинкин В.И. (РФЦСЭ, Москва), Колесов В.И. (РХТУ, Москва) (опубликована в сборнике материалов конференции, посвященной памяти Ю.М. Кубицкого. Современные проблемы медико-криминалистических и химико-токсикологических экспертных исследований. Москва, 2007).

3. Таблицы с ударными составами капсюлей для патронов к гражданскому и

служебному оружию по данным ФГУП «Муромский приборостроительный завод».

Одной из основных целей семинара было ознакомление участников с современными возможностями электронной микроскопии по исследованию частиц продуктов выстрела. Слушатели ознакомились как с теоретическими аспектами проблемы, так и с практическими положениями и отбором проб и их анализа на электронном микроскопе «Tescan». Мы прекрасно осознаем, что такого оборудования в настоящее время нет у абсолютного большинства слушателей. Но считаем целесообразным ознакомить как можно больше сотрудников СЭУ с возможностями данного метода.

Слушатели семинара приняли активное участие в его работе. Ряд сообщений о состоянии экспертной работы в системе, об информационной обеспеченности экспертов, сделали сотрудники различных лабораторий СЭУ. Интересные сообщения о патронах к различным образцам огнестрельного оружия ограниченного поражения сделали Г.Г. Дзюба (Иркутская ЛСЭ) и А.С. Лихачев (РФЦСЭ).

О сложностях при организации экспертного производства на базе регионального центра (имеющего приоритет в при-

борном обеспечении) говорили несколько участников. Вопросы доброжелательного отношения к коллегам, внимание к ним приобретают большое значение, так как в ближайшее время обеспечить все лаборатории системы современным оборудованием вряд ли удастся, различные аспекты совместной деятельности сотрудников разных лабораторий СЭУ возможно требуют более четкой регламентации.

Участники семинара были проинформированы о новинках в производстве патронов для «дальней» и «сверхдальней» дистанциях стрельбы из гладкоствольных ружей, о дополнениях в программу подготовки экспертов специальностей 8.1 и 8.2, предусматривающих расширение знаний экспертов в области судебной медицины.

За время проведения семинара сотрудники лаборатории провели неформальное рецензирование привезенных слушателями наблюдательных производств, общим числом ~100 штук. Обсуждение рецензий проведено в неформальной, дружеской обстановке, не исключая оживленных дискуссий, особенно в части формулировки выводов.

По итогам семинара приняты рекомендации.

Байрамова Ф.О.
Заведующая ЛСЭВиЗ ФБУ РФЦСЭ
при Минюсте России,
кандидат филологических наук

О ВСЕРОССИЙСКОМ СЕМИНАРЕ «ИССЛЕДОВАНИЕ ВИДЕОЗАПИСЕЙ С ЦЕЛЬЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДТП», Г.МОСКВА, 13 – 17.10. 2014

F. Bairamova

Head of the Laboratory of Video and Audio Forensics
Russian Federal Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice
PhD (Linguistics)

NOTES ON THE ALL-RUSSIAN SEMINAR «EXAMINATION OF VIDEO RECORDINGS FOR THE PURPOSE OF ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES OF TRAFFIC ACCIDENTS», MOSCOW, OCTOBER 13–17, 2014

В Российской правовой академии Минюста России с 13 по 17 октября 2014 года состоялся семинар по теме «Исследование видеозаписей с целью установления обстоятельств ДТП», организованный ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. В работе семинара приняли участие свыше 70 человек из 44 судебно-экспертных учреждений Минюста России, Южного Федерального Университета, а также эксперты Центра судебной экспертизы Азербайджанской Республики, Следственного комитета России и Экспертно-криминалистического центра МВД России. Это первый в своем роде семинар, объединивший экспертов-автотехников и экспертов по исследованию видеозаписей.

Основной задачей семинара была апробация авторского варианта методики определения положения и параметров движения участников ДТП по видеозаписям, фиксирующим это событие. Для этого были запланированы теоретические

и практические занятия, посвященные назначению и производству экспертиз видеозаписей ДТП, особенностям объекта и предмета исследования, границам компетенций экспертов-автотехников и видеотехников, приемам и инструментам работы с видеоизображением. Особое внимание было уделено таким темам как: принципы цифровой видеосъемки и свойств видеозаписей; покадровый анализ; устранение шумов и коррекция искажений изображения; определение момента наступления события; определение скорости и ускорения; определение длительности временных интервалов; определение размеров и расстояний с помощью принципов линейной перспективы; определение размеров и расстояний методом трёхмерного моделирования, оценка величины погрешностей полученных результатов. Отдельно обсуждались программные средства обработки и анализа видеозаписей и возможности их использования для решения задач иссле-

дования видеозаписей ДТП. Ценным для экспертов было и рассмотрение реальных случаев из практики и анализ недостатков заключений, выявленных по итогам обобщения опыта, проведённого в рамках НИР. Большой интерес всех участников семинара вызвали дискуссии по актуальным методическим, правовым и организационным вопросам исследования видеозаписей ДТП, для которых в каждом рабочем дне семинара было отведено время после основных теоретических и практических занятий.

Проведённый семинар позволил экспертам не только апробировать авторский вариант методики, но и определить ряд

важных моментов в распределении компетенции экспертов разных специальностей, ознакомиться со специализированным программным обеспечением и его функциями для решения практических задач. Участие коллег из других экспертных учреждений позволило получить взгляд со стороны на положения разрабатываемой методики. Выработанные по результатам семинара рекомендации оказали непосредственное влияние на дальнейшие работы в рамках плана НИР РФЦСЭ. Все высказанные замечания, комментарии и пожелания экспертов будут обязательно учтены в дальнейшей работе.

Дискуссии

Шаламыгина А.С.

кадастровый инженер ООО «Л-Град»;
инженер-землеустроитель ОАО «ВолгоградНИИгипрозем»,
эксперт ООО «Бюро экспертиз».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Рассматриваются такие теоретические понятия судебной экспертизы как предмет и объект судебной экспертизы, применительно к судебным землеустроительным экспертизам. Автор дает наиболее общие определения предмета и объекта судебных землеустроительных экспертиз. В статье приведены несколько точек зрения ученых по поводу определения предмета судебной экспертизы, проанализировав которые, автор предлагает определение предмета судебной экспертизы применительно к судебным землеустроительным экспертизам. Для пояснения данного определения рассматриваются различные виды земельных споров, в результате чего делается вывод о том, что относится к предмету судебных землеустроительных экспертиз. Автором также предлагается определение объекта рассматриваемых судебных экспертиз, приводятся примеры, чем может быть представлен объект судебных землеустроительных экспертиз. Автор отмечает и объясняет установленный факт несоответствия наименования рассматриваемых судебных экспертиз их объектам.

Ключевые слова: Земельный спор; предмет и объект судебной землеустроительной экспертизы

A. Shalamygina

Cadastral engineer, «L-Grad» LLC
Surveying engineer, «VolgogradNIIGiprozem» JSC
Forensic examiner, «Byuro ekspertiz» LLC

THE SCOPE AND OBJECT OF FORENSIC LAND SURVEY

The paper examines such concepts of forensic theory as «scope» and «object» of forensic inquiry, as applied to forensic land surveys, and offers their general definitions. The author analyzes different researchers' perspectives on determining the scope of forensic examination, and offers her own definition of the scope of forensic examination as applied to forensic land survey. To clarify the definition even further, several types of land disputes are discussed to provide the rationale for the author's conclusion as to what constitutes the scope of forensic land survey. A definition of the object of forensic land survey is also proposed, and illustrated with some examples. The author observes and explains apparent inconsistencies between the current designation of this field of forensic inquiry and its objects, and explains the sources of these inconsistencies.

Keywords: land dispute, scope and object of forensic land survey.

В перечень родов (видов) судебных экспертиз, утвержденный Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. N 237 [1] включен новый вид экспертизы, получивший наименование «землеустроительная экспертиза».

Увеличившееся в результате введения земельных участков в гражданский оборот число земельных споров и необходимость назначения судебных землеустроительных экспертиз для разрешения вопросов, возникающих при их рассмотрении в судебном порядке, порождают потребность раскрытия теоретических аспектов проведения судебных землеустроительных экспертиз.

Важнейшими понятиями в теории судебной экспертизы являются предмет и объект судебной экспертизы.

Предмет судебной экспертизы

Определений предмета судебных экспертиз в теории судебной экспертизы множество. Так, А.Р. Шляхов определял предмет экспертизы как "факты, обстоятельства уголовного или гражданского дела, подлежащие установлению с помощью специальных познаний"[2, стр.5]. Н.А. Селиванов рассматривал предмет экспертизы как "факт, который реально произошел (мог произойти) в прошлом, существует (мог существовать) в настоящем", а также как "закономерности, связи и отношения, обуславливающие данный факт". [3, стр.63]

Автору наиболее близко определение Е.Р.Росинской, данное в книге «Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе»: «В соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, где указывается, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, предмет судебной экспертизы составляют фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в гражданском, административном, уголовном и конституционном судопроизводстве на основе специальных знаний в различных областях науки и техники, искусства и ремесла». [4, стр.6]

Для производства судебных землеустроительных экспертиз необходимо применение обширных, но узкоспециальных знаний и навыков в области кадастра недвижимости, прикладной геодезии, землеустройства и других смежных областях. Ис-

ходя из этого, можно дать следующее определение предмета рассматриваемых нами судебных экспертиз – это фактические данные, исследуемые и устанавливаемые на основе специальных знаний, которые включают в себя знания в области кадастра недвижимости, прикладной геодезии, землеустройства и других смежных областях.

Итак, предмет судебной экспертизы – «фактические данные». Для понимания того, что подразумевается под фактическими данными в судебных землеустроительных экспертизах необходимо рассмотреть категории споров, связанных с землей, и проанализировать задачи, стоящие перед экспертом-землеустроителем.

В литературе, посвященной земельным спорам, дается классификация данных споров по различным основаниям, чаще в зависимости от порядка их рассмотрения, по объекту, субъекту спора и другим основаниям. Для наглядности автор предлагает следующее условное деление на категории споров, наиболее часто встречающихся в судебной практике:

1. Споры о признании прав на землю;
2. Споры, возникающие при изъятии земельных участков;
3. Споры о границах земельных участков;
4. Споры о выделении в натуре доли земельного участка или определении порядка пользования земельным участком;

Каждая категория объединяет различные варианты возможных споров. Первые две категории споров являются областью знаний скорее правовых, юридических аспектов. Нас же интересуют третья и четвертая категории. Рассмотрим примеры наиболее распространенных и характерных споров, для разрешения которых в судебном порядке назначают землеустроительные экспертизы.

Споры о границах земельных участков – самая распространенная категория споров, для разрешения которых назначают судебные землеустроительные экспертизы. Чаще всего это споры собственников, владельцев, пользователей, арендаторов смежных земельных участков (далее «собственники») о том, как должна проходить граница между земельными участками. Тут возможны несколько вариантов возникновения споров. Первый: при предоставлении земельных участков, т.е. на местности нет закрепленных межевых знаков и ограждений земельного участка. В этом случае

собственникам необходимо обратиться в специализированную организацию, которая произведет вынос межевых точек по координатам, указанным в кадастровой выписке на земельный участок. Но на практике бывают случаи, когда предоставляются несколько земельных участков в плотной застройке и земельные участки «не помещаются» между уже огороженными земельными участками. Такая ситуация может произойти из-за того, что при предоставлении, а точнее при проектировании границ земельных участков, не были учтены фактические границы смежных земельных участков, которые не прошли межевание, либо в случае несоответствия юридических границ земельных участков (границ по данным Государственного кадастра недвижимости) фактическим границам земельных участков на местности. В этом случае эксперту необходимо установить соответствие или же несоответствие фактических границ земельных участков уже существующих на местности с границами, указанными в правоустанавливающей документации, в технической документации. В случае если имеет место несоответствие, выявить причину. Второй вариант: смежные земельные участки предоставлены не одно десятилетие назад, но по каким - либо причинам у собственников земельных участков возникают мнения и доводы, что граница или границы участков должны проходить не так, как на момент возникновения спора. Здесь можно говорить о тех случаях, когда старые, ветхие заборы снесены и поставлены новые, но комуто из собственников может показаться, что забор перенесен и тем самым уменьшена площадь его участка. В данном случае эксперту также, как и в первом случае, необходимо установить соответствие или же несоответствие фактических границ земельных участков с границами, указанными в правоустанавливающей документации, в технической документации, при несоответствии выявить причину. Третий вариант: границы земельных участков существуют с момента предоставления участков, они закреплены на местности и отражены в правоустанавливающей и технической документации (технический паспорт), но при попытке отмежевать земельные участки выясняется, что по координатам один земельный участок «накладывается» на другой. Чаще всего это является следствием ошибок в определении местоположения земельных участков, допущенных при межевании земельных участ-

ков, но граждане, видя такую «накладку» зачастую думают, что сосед «забрал землю» и подают на соседа в суд. Здесь эксперту необходимо установить соответствие или несоответствие фактического местоположения границ земельных участков в принятой системе координат с местоположением, полученным в результате межевания.

Споры о выделении в натуре доли земельного участка или определении порядка пользования земельным участком - споры, возникающие при долевой или совместной собственности на землю и объекты недвижимости. Выделение в натуре доли земельного участка возможно при общей долевой собственности. При совместной собственности определяется порядок пользования земельным участком. В случае спора, сосопственники предлагают свои варианты выделения и порядка пользования. Эксперту необходимо определить соответствуют ли предложенные варианты градостроительным нормам и/или предложить свои варианты.

Споры об устранении препятствий в пользовании земельным участком. В чистом виде в практике автора статьи данные споры не встречались. Требования об устранении препятствий в пользовании земельным участком часто фигурируют в исках в отношении границ земельных участков, т.е. при спорах третьей категории. Но ситуация когда построенное здание не соответствующее градостроительным нормам загромождает растительность на соседнем земельном участке от солнца и тем самым препятствует ее выращиванию, очень даже возможна. В данном случае эксперту необходимо определить соответствуют ли земельные участки, здания, строения, сооружения на земельном участке градостроительным и санитарным нормам.

Конечно, на рассмотренных нами примерах земельных споров, варианты споров не заканчиваются. Но, рассмотрев их, мы можем сделать вывод, что эксперт, применяя специальные знания и умения, исследует и устанавливает во всех случаях «соответствие/несоответствие». А уже на основании данного вывода можно определить, что же является «фактическими данными» судебных землеустроительных экспертиз.

Итак, фактическими данными судебных землеустроительных экспертиз, исследуемыми и устанавливаемыми на основе специальных знаний, которые включают в

себя знания в области кадастра недвижимости, прикладной геодезии, землеустройства и других смежных областях, является соответствие или несоответствие существующих (фактических) или запроектированных характеристик земельных участков нормам земельного законодательства, градостроительным нормам, правоустанавливающим документам и технической документации на земельные участки.

Под характеристиками земельных участков автор подразумевает площадь, размеры, конфигурацию, местоположение.

От предмета судебной экспертизы перейдем к ее объекту.

Объект судебной экспертизы

Наиболее распространено в юридической литературе понятие объекта как источника фактических данных, носителя информации о фактах, составляющих предмет экспертизы [5, стр.49].

Выше мы раскрыли понятие фактических данных, составляющих предмет судебных землеустроительных экспертиз. Определив размеры, конфигурацию земельного участка, его местоположение, вычислив площадь, определив расположение строений, зданий, сооружений на земельном участке, проанализировав и сопоставив полученные данные с правоустанавливающими документами, технический документацией, с требованиями нормативных документов эксперт может дать заключение на предмет их соответствия или несоответствия. Исходя из этого, автор полагает, что объектом судебных землеустроительных экспертиз является земельный участок, а также правоустанавливающие документы и техническая документация на земельный участок.

В соответствии со ст. 11.1 Земельного кодекса РФ земельным участком является часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами. Здесь необходимо пояснить, что рассматриваемые в данной статье экспертизы могут быть назначены в отношении земельных участков, границ земельных участков, территории в границах земельного участка в зависимости от содержания спора, но объектом экспертиз все же будет являться земельный участок, как законодательно определенное целостное понятие. Также необходимо отметить, что не только земельный участок может со-

ответствовать или не соответствовать документации, но и наоборот, документация, подготовленная на земельный участок, может соответствовать или же не соответствовать фактическим размерам, площади, местоположению земельного участка, а также данные технической документации могут не соответствовать данным правоустанавливающих документов. К примеру, перед экспертом суд может поставить такую задачу: «Определить соответствуют ли границы земельного участка, обозначенные в подготовленном межевом плане документам, устанавливающим права на земельный участок или документам об отводе земельного участка». Или же: «Определить соответствуют ли границы земельного участка, обозначенные в подготовленном межевом плане фактическим границам земельного участка». Именно по этой причине правоустанавливающие документы и техническая документация на земельный участок также являются объектом судебных землеустроительных экспертиз.

Необходимо отметить наличие несоответствия наименования рассматриваемых судебных экспертиз их объектам. В соответствии с Федеральным Законом N 78-ФЗ от 18.06.2001 (ред. Федерального закона от 18.07.2011 N 242-ФЗ) «О землеустройстве» [6], объектами землеустройства являются территории субъектов Российской Федерации, территории муниципальных образований, территории населенных пунктов, территориальные зоны, зоны с особыми условиями использования территорий, а также части указанных территорий и зон; землеустроительная документация - документы, полученные в результате проведения землеустройства. На практике объектами судебных землеустроительных экспертиз являются земельные участки, а также правоустанавливающие документы и техническая документация на земельные участки. Противоречие в наименовании экспертиз, назначаемых при разрешении споров по земельным участкам, обусловлено тем, что ранее, до введения в действие Федерального закона от 13 мая 2008 г. N 66-ФЗ [7], земельные участки относились к объектам землеустройства.

В теории судебной экспертизы большое внимание уделено определениям предмета и объекта судебных экспертиз. Данные понятия рассматриваются с различных сторон (с практической и теоретической

стороны), подразделяют на уровни (например, объект судебной экспертизы может быть общим, родовым, видовым и т.п.) т.д. В статье автор предлагает наиболее общие определения предмета и объекта судебных землеустроительных экспертиз.

Библиографический список

1. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. N 237 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».

2. Шляхов А.Р. О предмете судебной экспертизы. М., 1975

3. Селиванов Н.А. Спорные вопросы судебной экспертизы. М., 1978.

4. Россинская Е.Р. «Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе» - М., 1996.

5. Бутырин А.Ю. «Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы». М.: Городец, 2006

6. Федеральный закон N 78-ФЗ от 18.06.2001 (ред. Федерального закона от 18.07.2011 N 242-ФЗ) «О землеустройстве»

7. Федеральный закон от 13 мая 2008 г. N 66-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О государственном кадастре недвижимости" (с изменениями и дополнениями).

Баранов А.Н.
ИРЯ РАН, Москва, Россия

ФЕНОМЕН УГРОЗЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье говорится о необходимости обращения к базовым принципам ведения коммуникации на естественном языке, так как такой подход может служить универсальным способом выявления скрытой семантики текста (в том числе интенции угрозы). Автор разграничивает типы угрозы как речевого действия на угрозу-наказание, угрозу-предупреждение и угрозу-понуждение, называет их основные признаки и считает, что в лингвистической экспертизе должны исследоваться выявленные им семь аспектов ситуации угрозы.

Ключевые слова: речевой акт, угроза, лингвистическая экспертиза, коммуникативная интенция, взятка, вымогательство, экстремизм, выявление скрытой семантики текста

A. Baranov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

PHENOMENON OF THREAT IN LINGUISTIC THEORY AND FORENSIC PRACTICE

The paper argues for a need to take on board the basic principles of «natural language» communication, as a universal approach that helps to reveal the latent semantics of written text (including the intention of threat). The author differentiates between several types of threat as an act of speech (punishment threat, warning threat, and coercion threat), lists their key characteristics, and recommends that forensic linguistic inquiry should investigate the seven proposed aspects of a threat situation.

Keywords: speech act, threat, linguistic forensics, communicative intention, bribery, extortion, extremism, revealing the latent semantics of text.

Общение между людьми не сводится ни к простому обмену информацией, ни к эмоциональному взаимодействию, ни к выполнению социально и культурно обусловленных процедур. Феномены диалога принципиально междисциплинарны. Прикладное исследование общения с использованием только теоретических построений науки о языке неизбежно оказывается неполным, во-первых, потому, что диалог как объект исследования неизмеримо бо-

гаче возможностей лингвистических метаязыков описания и, во-вторых, из-за того, что сами сферы приложений требуют обращения к таким аспектам диалога, которые, строго говоря, не вписываются в типичные задачи лингвистического исследования и по большей части выводятся за рамки лингвистической теории.

В данной работе рассматривается феномен угрозы с точки зрения лингвистической экспертизы, исследующей спонтан-

ный, неподготовленный диалог для целей, определяемых законодательством, а не только задачами лингвистической теории – точнее теории диалога. Выявление семантики угрозы в диалоге и письменном тексте необходимо при проведении экспертных исследований по ряду составов преступлений, предусмотренных российским законодательством. В частности, это преступления, связанные с подстрекательством, вымогательством (ст. 229 УК РФ), угрозой убийства (ст. 119 УК РФ; ср. также доведение до самоубийства – ст. 110 УК РФ), с принуждениями разного рода, изнасилованием (ст. 131 УК РФ), с превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), а также по делам об экстремистской деятельности, взятках, рейдерстве и пр.

В различных интерпретациях закона, в подзаконных актах в угрозе выделяются такие семантические признаки, как «неправомерное словесное и несловесное поведение, действие», «обещание причинить человеку зло, неприятность», «неправомерное поведение одного лица по отношению к другому», обещание, намерение нанести вред. Отмечается, что угроза может быть высказана человеку или группе лиц как непосредственно, так и через третьих лиц [Комментарий 2013].

При этом оказывается, что казалось бы внешние для лингвистики аспекты функционирования общения на естественном языке, существенные для правовых отношений в обществе, дают возможность уточнить положения теории диалога, разрабатываемые в лингвистике, то есть в определенном смысле оказываются лингвистически релевантными.

Начнем с лингвистической проблематики в узком смысле – с угрозы как типа речевого акта.

1. Семантика речевого акта угрозы и его типы

Одна из важных характеристик угроз как речевых действий (речевых актов) – это невозможность эксплицитных перформативных формул с глаголом, называющим данный речевой акт. Так, нельзя сказать: *Я угрожаю тебе наказанием¹; *Я угрожаю, что перестану с тобой говорить. Это связано с тем, что угрозы осуждаются по моральным

соображениям и эксплицитное выражение угрозы приводит к иллокутивному самоубийству (по Вендлеру [Вендлер 1985]). Аналогичный эффект возникает при произнесении речевых актов-перформативов: *Я лгу, *Я обманываю, *Я предаю и т.п. При этом отрицание угрозы в грамматической форме эксплицитного перформатива вполне допустимо: Я тебе совсем не угрожаю; Это не угроза, а предупреждение; Никаких угроз – просто констатация фактов.

Угрозы как речевые действия разделяются на два основных типа: угрозы-наказания и угрозы-предупреждения. **Угрозы-наказания** реализуются в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего и он предупреждает адресата о наказании, которое за это последует²:

(1) В октябре 1918 года Литке был командиром полка особого назначения, и В. Трифонов часто отдавал ему разного рода письменные распоряжения и приказания <...>. В одной записи, например, за какое-то нарушение дисциплины он грозил предать весь командный состав полка суду полевого трибунала. [Ю. Трифонов. Старик];

(2) Начальник Канцелярии принял слова Данилова на свой счет, бился в ужасном гневе <...>, грозил упечь Данилова в расплавленные недра Земли. [В. Орлов. Альтист Данилов].

В приведенных примерах говорящие в явном виде указывают на тип речевого акта, который произносят. Иными словами, данные употребления являются «автономными», то есть такими, в которых носитель языка эксплицитно (в явном виде) комментирует содержание своего речевого акта. При корректном употреблении соответствующих языковых форм это дает важную информацию о семантике и прагматике соответствующих языковых и речевых феноменов.

Угрозу-наказание в примерах указанного типа можно истолковать следующим образом:

X угрожает₁/грозит₁ Y-у, что сделает P = 'X говорит Y-у, что сделает P – нечто плохое для Y-а, из-за того, что Y сделал что-то плохое X-у (= Q), чтобы Y боялся P и осоз-

¹ Здесь и далее звездочка (*) маркирует грамматически, семантически или прагматически некорректные высказывания.

² Поскольку далее рассматривается речевой акт угрозы, то в иллюстрациях используются и глагол *грозить* и глагол *угрожать*. Различия между ними относительно невелики и в данной работе не обсуждаются.

нал, что нехорошо делать плохое для X-а (в том числе и Q) и не делал это в будущем’.

Основной смысловой акцент в семантической экспликации угрозы-наказания состоит в том, чтобы заставить адресата бояться наказания. Как следует из толкования, при возможности повторения нежелательного действия Q угроза-наказание может выполнять и воспитательную функцию (как и самое наказание как таковое). Угроза-наказание не относится ни к прямым, ни к косвенным побуждениям, хотя из компонента ‘чтобы Y боялся P и <...> и не делал это в будущем’ выводится следствие ‘X не хочет, чтобы Y делал плохое X-у’, которое может влечь побуждение Y-у не делать плохого для X-а. Впрочем, это побуждение довольно слабое. Тем самым выявление в диалоге или письменном тексте угрозы-наказания не обязательно указывает, например, на ситуацию вымогательства. Действительно, нечто плохое Q уже сделано. Угроза-наказание ретроспективна (направлена в прошлое) – ведь речь идет только о воздаянии за содеянное. При этом для экстремистского дискурса угроза-наказание вполне органична. Коммуникативные интенции экстремистского дискурса таковы, что политическая и экономическая дестабилизация общества рассматривается как одна из приоритетных целей. Тем самым, обещание причинить вред – за реальный или мнимый ущерб – способствует дестабилизации, порождая страх, ощущение опасности, неуверенность и т.п.

Отметим, что в ряде случаев угроза-наказание эксплуатируется и при вымогательстве. В этом случае квалификация Q, сделанного Y-ом, как плохого для X-а носит декларативный, притворный характер и используется как фактор давления на Y-а для получения от него желаемого – денег, уступки прав на собственность и пр. В этом случае семантическая структура вымогательства усложнена.

Иная ситуация в случае угроз-предупреждений. **Угрозы-предупреждения** используются в тех случаях, когда говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это. Ср. примеры следующего типа:

(3) – Все доводил. Грозил, если не скажу кто любовник, то убьет. – И ты сказала? – Да. Он про тебя все знает. [Е. Кукаркин. Рассказы и повести];

(4) Великий Урфин приказал особенно зорко сторожить этих заключенных и за небрежность грозил страшными карами. [А. Волков. Огненный бог Марранов].

Для угрозы-предупреждения можно предложить следующую семантическую экспликацию:

X угрожает₂/грозит₂ Y-у, что сделает P, [чтобы Y не делал Q] = ‘X говорит Y-у, что сделает P – нечто плохое для Y-а, если Y сделает Q – что-то плохое для X-а, чтобы Y боялся P и из-за этого не делал Q’.

Здесь побуждение семантически вполне прозрачно: оно следует из компонента ‘чтобы Y боялся P и из-за этого не делал Q’. Впрочем, и в этом случае оно остается косвенным, хотя и вполне очевидным.

Угроза-понуждение – это вариант угрозы-предупреждения, реализующийся в ситуации, когда говорящий хочет от адресата не бездействия (отказа от совершения поступка), а действия: Совсем не помню, что я отвечала этому полковнику. Кажется, я больше молчала, только изредка повторяя: «Не подпишу!». Он то грозил, то уговаривал, обещал свидание с мужем, с детьми. [Е. Гинзбург. Крутой маршрут]. Угроза-понуждение в целом описывается приведенным толкованием угрозы-предупреждения с тем отличием, что угроза понуждения часто преследует интересы адресата (разумеется, в понимании говорящего), ср. Если не сделаешь уроки, не пойдешь гулять! Впрочем, это не мешает говорящему рассматривать бездействие адресата как событие, нежелательное для самого говорящего.

Угроза-понуждение не идентична шантажу, поскольку последний представляет собой более узкий класс угроз: это такие угрозы-понуждения, которые связаны с обнародованием компрометирующей информации (см. по этому поводу также статью [Гловинская 2004]).

Следует отметить, что семантика глагола угрожать и его синонимов весьма подробно и обстоятельно рассмотрена в работе [Гловинская 2004]. Основная идея описания значения данного глагола (и соответствующего речевого акта) сводится в этой работе к тому, что у глагола угрожать не выделяется разных значений, а в качестве толкования берется их общая часть: X угрожает <грозит> Y-у, что сделает P = ‘X говорит Y-у, что сделает плохое для Y-а P, чтобы Y боялся P’. В качестве обоснования

такого подхода привлекаются контексты типа В пьяном виде он часто угрожал <грозил, грозился > поджечь квартиру; Сколько раз, когда становилось особенно невмоготу, он грозился бросить все и уехать, в которых нежелательное для адресата действие говорящего, предположительно, вызвано не поведением адресата, а просто раздражением, усталостью, агрессивностью и другими особенностями психического состояния говорящего. Анализ показывает, однако, что приведенные контексты, конечно, редуцированы. В реальных ситуациях такого рода нежелательное положение дел, действие, состояние и т.д. имеется. Другое дело, что адекватность интерпретации говорящим (или субъектом действия) действительности может вызывать сомнения, но негативный фактор Q, за который, по мнению говорящего (или субъекта действия), несет ответственность адресат или какая-то обобщенная инстанция (судьба, фатум, рок и пр.), есть. Ср. расширенные примеры, лексически приближенные к приведенным выше редуцированным контекстам:

(5) Савушкин грозился бросить все к чертовой бабушке. Он не может позволить себе роскошь мучиться два-три года, чтобы получить отрицательные результаты. Ему нужно защитить диссертацию. У него семья, дети. [Д. Гранин. Иду на грозу];

(6) Муга рассказывал, как после второй стражи в дверь постучали именем короля, и Уно кричал, чтобы не открывали, но открыть все-таки пришлось, потому что серые грозилась поджечь дом. [А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом].

В примере (6) Q – это требование открыть дверь. В примере (5) ситуация несколько более сложная, однако вполне понятная, если знать содержание повести: один из героев повести – Савушкин – стремится защитить диссертацию, однако его научный руководитель Данкевич, талантливый ученый, находится в творческом поиске, он пробует различные варианты, не гарантирующие успеха. Савушкин, угрожая, конечно, имеет в виду Данкевича, но не может ему это сказать сам, предпочитая выпустить гнев и недовольство в присутствии Крылова, хотя угрозы направлены Данкевичу.

Представляется, что расширение примеров и привлечение достаточного контекста при употреблении глаголов угрожать и грозить всегда позволяет восстановить нежелательное для говорящего действие,

событие и т.д., с которыми так или иначе связан адресат. Так, в ситуации, описываемой фразой В пьяном виде он часто угрожал <грозил, грозился > поджечь квартиру, отрицательную реакцию пьяницы может вызвать неправильно понятое поведение членов семьи, окружающих, друзей, коллег и т.д.

Отметим, что в [Гловинская 2004] выделяется целый ряд релевантных семантических оппозиций, по которым различаются синонимичные глаголы угрожать, пригрозить, грозить и грозиться. Однако неразличение угроз-наказаний, угроз-предупреждений и угроз-побуждений осложняет использование семантической экспликации угрозы, предложенной М.Я. Гловинской, в лингвистической экспертизе текста.

Разграничение указанных типов угроз как речевых актов существенно и с чисто лингвистической точки зрения, поскольку прослеживается как в изменении условий успешности, так и в естественном распределении некоторых речевых форм по указанным типам. Иными словами, экспликация угрозы, предложенная М.Я. Гловинской, не вполне отвечает и языковой интуиции. Так, фраза Смотри у меня! является угрозой-предупреждением. Действительно, введение причины, то есть попытка превращения этой фразы в угрозу-наказание (с помощью предложной конструкции за это), приводит к семантической неправильности фразы: *За это смотри у меня!. Ср. также: угрозу-предупреждение Доиграешься! и ее модификацию в угрозу-наказание *За это доиграешься! Аналогично: Я тебе покажу, мерзавец! (угроза-наказание) и не вполне корректное выражение: *Прекрати, я тебе покажу, мерзавец!

Проведенный семантический анализ позволяет выявить те аспекты ситуации угрозы, которые должны исследоваться в лингвистической экспертизе. **Первый аспект** – это введенное разграничение угроз-наказаний, угроз-предупреждений и угроз-побуждений. Отсутствие базовых компонентов ситуации угрозы делает речевой акт неуспешным или переводит его в другие типы речевых актов. Так, реплика Ты же знаешь, у нас множество рычагов воздействия будет простым актом информирования в ситуации, когда говорящему от адресата ничего не нужно и угрозой-побуждением, если у него вымогаются денежные средства (– Закрой, что должен, сегодня же

закрой. Ты же знаешь, у нас множество рычагов воздействия).

Второй аспект касается противопоставления угрозы прямой и угрозы скрытой. Проблема состоит в том, что в криминальной ситуации участники диалога понимают, что их речевое поведение может быть подвергнуто санкциям. Соответственно, они пытаются скрыть, завуалировать свои коммуникативные цели. Отсюда следует, что очень часто угроза передается в диалоге завуалировано, в имплицитном виде. Выявление в тексте скрытых угроз представляет существенную сложность; нетривиальным оказывается и доказательство их наличия. В таких ситуациях часто требуется привлечение общих знаний и принципов организации общения на естественном языке. Например, немотивированная осведомленность одного из участников общения о детях собеседника, о том, когда они уходят и приходят из школы, обобщающие реплики о разгуле преступности, рекомендации быть осторожным на улицах могут передавать скрытую угрозу (– У тебя прелестная девочка. Уже в пятом классе. И школа приличная – на улице Воровского; – Будь осторожнее – в Москве разгул преступности! Убьют ни за что!). Доказательство наличия угрозы в подобных случаях требует определения причины нарушения постулата информативности речи, ее релевантности. Один из случаев скрытых угроз обсуждается ниже.

Третий аспект – анализ ситуации угрозы для выявления адресата речевого акта: является ли им собеседник или третье лицо. Если адресат – третье лицо, то необходимо выявить, просит ли говорящий передать его коммуникативную интенцию адресату. Ср. следующий пример:

– Это человек с двойным дном. Не будем закрывать ему акты выполнения работ. Пусть попрыгает...

и

– Это человек с двойным дном. Не будем закрывать ему акты выполнения работ – так ему и передай. Пусть закрывает долг.

Квалификация речевого акта Не будем закрывать ему акты выполнения работ в первом и втором случае различна: в первом случае это предложение собеседнику, а во втором – угроза-предупреждение третьему лицу.

Четвертый аспект исследования ситуации угрозы – установление актуального значения угроз. В ряде случаев семантика акта угрозы распределяется между внутрен-

ней формой и актуальным значением. Так, в речевых актах Голову оторву, Уши оборву не предполагается членовредительства, лапидарно отраженного в их внутренней форме. Актуальное значение данных речевых актов лишь кодируется соответствующими радикальными способами воздействия: произнося Голову оторву, Уши оборву, говорящий анонсирует какие-то меры физического воздействия, какие – не специфицируется. В то же время угроза Под суд пойдешь! неидиоматична и описывает предстоящую санкцию достаточно точно – здесь содержание угрозы вербализовано. Разграничение внутренней формы и актуального значения в таких случаях оказывается существенным.

Пятый аспект – экстралингвистический; он связан с тем, в состоянии ли говорящий контролировать выполнение санкции. Если санкция находится вне пределов возможности говорящего, то угроза неуспешна. Фактически контроль над санкцией является подготовительным условием успешности реализации акта угрозы. Отсутствие контроля превращает речевой акт угрозы в предупреждение, совет и даже просто напоминание. Понятно, что выявление пятого аспекта ситуации угрозы оказывается в пределах компетенции лингвиста-эксперта лишь в том случае, если в тексте есть соответствующая информация.

Шестой аспект, как и второй (противопоставление скрытой и явной угрозы), связан с формой выражения. Угроза может выражаться в одном речевом акте или нескольких непосредственно следующих друг за другом речевых актах (**концентрированная угроза**), а может распределяться по различным репликам в диалоге (**дискурсивная угроза**). Наиболее сложный случай для исследования – это сочетание дискурсивной угрозы и скрытой формы выражения.

Угроза-наказание и угроза-предупреждение имеют различные дискурсивные перспективы – возможности развития в дискурсе (**седьмой аспект**). Угроза-наказание непосредственно переходит в конфликт, поскольку плохое уже совершено и наступает момент воздаяния за содеянное. Угроза-предупреждение, наоборот, может вести к урегулированию конфликта, поскольку нежелательная ситуация еще не реализовалась. Однако игнорирование предупреждения усугубляет конфликт.

Как уже отмечалось выше, тексты с имплицитной, скрытой угрозой относятся

к одному из наиболее сложных объектов лингвистической экспертизы. Это особенно сложно, если составляющие угрозы распределены в диалоге по различным репликам участников. Рассмотрим показательный пример указанного типа – дискурсивная угроза, выраженная в скрытой (имплицитной) форме.

2. Case study: скрытая дискурсивная угроза

Итак, выявление угрозы предполагает установление базовых компонентов акта угрозы, то есть актантов, заполняющих соответствующие валентности, и фиксированных частей семантической экспликации этого речевого акта (констант). Рассмотрим пример выявления скрытой угрозы.

Фабула дела такова. Лицо М2 (рейдер) пытается побудить лиц М1 и М3 к продаже недостроенного здания. Свое коммуникативное намерение М2 эксплицитно выражает в форме речевого акта предложения, используя для этого эксплицитную перформативную формулу: М2 <...> Значит, в связи с этим, да, мы предлагаем договариваться, да. <...>; – Мы предлагаем урегулировать эту ситуацию <...>; В этой связи, да, мы предлагаем, значит, ситуацию эту выкупить. Однако эксплицитное указание на коммуникативное намерение может быть неискренним в том случае, когда говорящий вынужден скрывать криминальный характер своих действий. Неискренность в некоторых случаях может быть установлена в результате анализа семантики и прагматики языковых форм, используемых говорящим. Разбираемый пример как раз относится к случаям такого рода.

Жанр исследуемой беседы – это переговоры («торг») относительно купли-продажи здания. Ситуация «купи-продажи», как известно из лексической семантики, задается четырьмя участниками: покупателем, товаром, продавцом и ценой за товар: «Глаголы <...> — купить и продать — обозначают ситуацию купли-продажи <...>: в результате этих операций тот, кто платит, приобретает нужную ему вещь в свою собственность» [НОСС: 357]. Для дальнейшего изложения важны некоторые семантические свойства ситуации купли-продажи, следующие из приведенного определения:

1) продавец в обычном случае является владельцем товара или, по крайней мере, имеет разрешение от владельца на

продажу, что признается участниками ситуации купли-продажи (Свойство 1);

2) при купле-продаже имеется консенсус между участниками относительно того, что является товаром, то есть стороны (покупатель и продавец) должны быть уверены, что под товаром имеется в виду одно и то же (Свойство 2);

3) участники ситуации купли-продажи добровольно вступают в роли покупателя и, соответственно, продавца (Свойство 3).

Анализ показывает, что свойства 1, 2 и 3, обязательные для ситуации купли-продажи, в исследуемой беседе между лицом М2, с одной стороны, и лицами М1 и М3 – с другой, не выполняются.

Свойство 1 не выполняется из-за того, что участник М2 не признает, что участники М1 и М3 являются собственниками недостроенного строения:

М1 – Для нас цель понятна. Мы владельцы инвестиционного проекта. <...> Девелопментская компания с именем. М2 – **Вы владельцы инвестиционного проекта, а-а, с непонятным происхождением и с очень хилыми вариантами какого-то дальнейшего развития <...> .**

М3 – <...> Есть дом, оформленный в собственность на нашу компанию. М2 – **Но есть ряд определенных решений, которые аннулируют массу, значит, правовых оснований владения этим домом <...> Есть собственность, которая находится в данный момент ...³ в спорах <...> .**

М3 – То есть Вы предлагаете купить у нас нашу собственность, правильно или нет? М2 – Мы предлагаем урегулировать эту ситуацию, потому что **это не собственность, не собственность. <...> Вы позиционируете себя владельцем здания <...> М2 – Хорошо, на вашем языке, может быть, да, это ... продать здание, да. **Я, все-таки, не считаю, пока еще это как бы окончательным товаром. <...> Именно так. **Есть конкретная ситуация, которая не является товаром, которую нельзя продать.******

Таким образом, в приведенных репликах участник М2 передает следующее содержание:

высказывает сомнения в юридической «чистоте» актива (с непонятным происхождением и с очень хилыми вариантами какого-то дальнейшего развития);

³ Отточия без скобок указывают на паузы.

указывает на то, что здание является объектом судебных споров (собственность, которая находится в данный момент ... в спорах) и, тем самым, не может быть продано (Есть конкретная ситуация, которая не является товаром, которую нельзя продать);

выражает уверенность в том, что право собственности будет аннулировано судебными решениями (это не собственность, не собственность);

отмечает, что участники М1 и М3 только «позиционируют» себя владельцами здания (вы позиционируете себя владельцем здания), не являясь таковыми на деле,

и, наконец, резюмирует, что спорное здание не является товаром (Я, все-таки, не считаю, пока еще это как бы окончательным товаром).

В нормальном случае отказ покупателя признавать, что объект продажи принадлежит продавцу, сразу прекращает процесс торга. Между тем, участник М2, отрицая наличие собственности на здание у участников М1 и М3, все равно продолжает диалог, стремясь склонить участников М1 и М3 к продаже того, что он не считает их собственностью.

Свойство 2. Вторая важная характеристика ситуации купли-продажи – это общий взгляд на то, что предлагается к продаже – на товар. Из текста разговоров видно, что если участники М1 и М3 считают в качестве возможного товара недостроенное здание, то участник М2 – некую «ситуацию»:

М2 – Вот. Э-э. Значит, наши предложения здесь фактически исходят из того, что **мы хотим купить ...ситуацию**, да, как-то ее урегулировать со всех сторон, зачистить и, соответственно, заработать всем нам на этой ситуации;

М2 - Мы готовы, значит, как-то **эту ситуацию а-а купить**, да, с вами разойтись.

В следующем фрагменте участник М3 выражает удивление по поводу интерпретации участником М2 объекта продажи как ситуации:

М3 – (Дело в том, что) **купить ситуацию – это что-то там на вашем сленге**. Мы такого как бы не очень приемлем, да? **Есть дом, оформленный в собственность на нашу компанию**.

Несмотря на возражения участников М1 и М3, участник М2 вновь и вновь возвращается к выбранному им способу категоризации (понимания) объекта продажи:

М2 – <...> В этой связи, да, мы предлагаем, значит, **ситуацию эту выкупить**.

М2 – Есть **конкретная ситуация**, которая не является (товаром), которую (нельзя) продать. Мы хотим иметь товар, да?

Коммуникативная цель номинации объекта продажи как «ситуации» заключается в том, чтобы указать на судебные дела, которые связаны с недостроенным зданием:

М3 – <...> Есть дом, оформленный в собственность на нашу компанию. М2 – Но **есть ряд определенных решений, которые аннулируют ...** М3 – Что аннулируют? М2 – **Которые аннулируют массу, значит, правовых оснований владения этим домом** <...>.

М2 – **Есть правовые основания признания недействительными этих прав**, правильно?

М1 - Есть собственность, официальным, должным законным образом оформленная. М2 - **Есть собственность, которая находится в данный момент ... в спорах**

Различное понимание товара – того, что покупается в ситуации купли-продажи – обычно ведет к прекращению обсуждения сделки, однако в рассматриваемом случае этого не происходит: участник М2 продолжает коммуникацию, повторяя свои аргументы с минимальным перефразированием.

Еще одно свойство ситуации купли-продажи – **Свойство 3** – готовность участников выступать в качестве покупателя и продавца. В данном случае участник М2 выступает в роли покупателя, однако участники М1 и М3 неоднократно заявляют о том, что они не собираются продавать принадлежащее им здание:

М3 – Да нет. **Дом не продается просто, как бы нет смысла**. Вы можете из-за забора посмотреть, оценить район и так далее. М2 - <...> Просто у нас разные позиции, да. М3 - **Мы ничего не продаем, мы строили для себя**.

Опять-таки обычно заявление одной из сторон, что она не хочет участвовать в сделке, прекращает переговоры (торг). Однако в данном случае участник М2 маниакально настаивает на продолжении обсуждения:

М2 – **Ну хорошо. Да, давайте ...** (согласуем) позиции. <...> Сейчас нам просто, да, нужно понимать, как нам, значит, можно заинтересовать друг друга, какими цифрами. Да? Просто принципиально **у вас под-**

ход такой: вы ничего не продаете, да, но вы говорите двадцать миллионов из расчета того, что это гипотетически может быть продано, да, ... цены вот такой.

<...> – Давайте, давайте прямой будем, да? То, что может вас устроить в принципе. М3 – Да нет. Нас вряд ли может устроить эта цифра, когда мы должны имущество, которое мы не предназначали, так сказать, к продаже, ну, Вам, тем более, продавать.

М3 – Значит, **Вы сами себя ввели в заблуждение. В основном Вы просто хотите денег заработать, поэтому а-а обсуждать здесь нечего абсолютно нечего.** М2 - **А у меня другое мнение, я считаю, что нам есть что обсуждать.**

Различие позиций сторон с точки зрения участия в ситуации купли-продажи особенно отчетливо видно в последней паре реплик. Участник М3 говорит, что «обсуждать здесь нечего, абсолютно нечего», то есть в явном виде отказывается от сделки, а участник М2, напротив, настойчиво повторяет: А у меня другое мнение, я считаю, что нам есть что обсуждать. Такая настойчивость участника М2 сама по себе могла бы просто указывать на большое желание участника осуществить сделку, однако в сочетании с отрицанием участником М2 права собственности участников М1 и М3 на объект купли-продажи и различным пониманием участником М2, с одной стороны, и участниками М1 и М3 – с другой, того, что является предметом торга («ситуация» и недостроенное здание), переговоры о купле-продаже здания предстают как абсурд в духе Ионеско.

Объяснить выявленную семантическую аномальность исследуемого разговора можно в том случае, если предположить, что коммуникативная цель участника М2 заключается в скрытой передаче какого-то иного коммуникативного намерения, модифицирующего ситуацию торга при обсуждении купли-продажи товара или дополняющую ее.

Рассмотрим в этой связи речевой акт угрозы-побуждения, проанализированный выше. При наложении сформулированного выше толкования на ситуацию, представленную в исследуемой беседе, можно получить следующую семантическую экспликацию:

X (угрожающий) – М2;

Y (тот или те, кому угрожают, адресат угрозы) – М1, М3;

не Q (действие, желательное для угрожающего) – согласие продать здание, принадлежащее М1, М3, участнику М2.

Содержание, или сущность, угрозы (P) передается участником М2 в следующих фразах:

М2 – **Мы включаем свои механизмы. Мы теперь используем свои ресурсы для того, чтобы добиться в этом проекте максимального эффекта.**

М2 Как бы суть понятна, как бы наша позиция здесь ясна, да, правда за нами. <...> Есть сложившаяся на настоящий момент ситуация, которая дает нам основания полагать, опять же, что мы здесь выиграем, да. И ваши свидетельства, ваши методы, <...> скажем так, (вилами на воде), да. При успешном завершении всех разбирательств судебных, да, мы понимаем, что **и можем все это организовать как самовольную постройку и согласование префектов, с адресом, все эти махинации, да.**

М1 – Вот этот документ, согласование, которое префект <...> М2 – **Но этот документ может быть признан нулевым. <...> Значит, нормально довести это мы вам не дадим.**

Содержание угрозы (P) сначала довольно неопределенно: это максимальное использование имеющихся у М2 (компании, которую он представляет) ресурсов (Мы включаем свои механизмы. Мы теперь используем свои ресурсы для того, чтобы добиться в этом проекте максимального эффекта) и создание препятствий завершению строительства (Значит, нормально довести это мы вам не дадим). В двух других репликах – это более конкретные действия М2: признание (видимо, по суду) правоустанавливающих документов как не имеющих силы (Но этот документ может быть признан нулевым), а также создание ситуации, когда здание будет признано самостроем (и можем все это организовать как самовольную постройку).

В обычном случае угроза-понуждение предполагает, что содержание угрозы (P) выражается в более явном виде. В данном случае это не так: угроза завуалирована, скрыта – ее суть излагается в разных репликах и сопровождается лексическими маркерами модальности возможности (может быть признан; можем все это организовать как самовольную постройку). Чтобы обеспечить ее действенность («серьезность»), участник М2, как было показано выше, модифицирует свойства ситуации купли-про-

даже, то есть, во-первых, он отказывается признавать недостроенное здание товаром и, во-вторых, считает объектом купли-продажи (товаром) не здание, а «ситуацию», то есть здание, обремененное судебными тяжбами.

Проведенный анализ, выявивший наличие скрытой угрозы в репликах участника М2, позволяет объяснить, почему этот участник не прекращает попытки продолжения переговоров, когда участники М1 и М3 прямо заявляют, что не собираются продавать здание (см. выше анализ Свойства 3). Использование угрозы-понуждения – хотя и в скрытой форме – позволяет участнику М2 надеяться на продолжение переговоров и принятие решения участниками М1 и М3 в свою пользу.

Дополнительным доказательством наличия элементов семантики угрозы в рассматриваемых разговорах может служить то, что на прямые утверждения участников М1 и М3 о том, что участник М2 представляет рейдеров, последний не отрицает такой квалификации:

М3 – Понятно. Вы Виктора Ломакина знаете давно? М2 - Но это, как бы, не имеет значения, имеет значение лишь договоренности, которые есть на данный момент. М3 – Нет. Дело в том, что это имеет значение. Вот **Виктор Ломакин – это рейдер**, да? М2 – Ну да. М3 - **Вы рейдер на рынке более известный, чем он**. То есть один рейдер боролся три года, ничего у него не получилось. Он пришел к более сильным рейдерам, так сказать, продолжать борьбу. М2 – **Нам, да, нам интересно все, что может принести прибыль**. А какое время мы знакомы с Ломакиным – не по существу. Вопрос прибыли и вопрос экономики. Вот и все.

Участник М3 говорит, что Ломакин и участник М2 (его компания) являются рейдерами, а М2 с этим соглашается. Использование угроз – пусть и в скрытой форме

– естественно вписывается в методы действия рейдеров.

Отметим, что выявленная угроза является угрозой-понуждением, а не угрозой-наказанием или угрозой-предупреждением. Данный факт существенен для квалификации речевых действий участника М2 как рейдера.

Разобранный пример показывает, что в ряде случаев экспертного исследования необходимо обращение к базовым принципам ведения коммуникации на естественном языке. Исходный постулат об осмысленности речевого поведения участников диалога заставляет искать причины наблюдаемой аномальности реплик одного из участников. Наиболее правдоподобное объяснение в данном случае – попытка сокрытия коммуникативной интенции угрозы. Поиск причин видимых отклонений от нормального процесса общения может рассматриваться как универсальная эвристика выявления скрытой семантики текста.

Литература

Гловинская М.Я. Словарная статья «Угрожать, пригрозить, грозить, грозиться» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, Языки славянской культуры, М., 2004.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

НОСС – Апресян Ю.Д., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2004.

На тему дня

Куркин И.А.
эксперт ОТЭ ФБУ Тамбовская ЛСЭ Минюста России

ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ НА ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассмотрен ряд когнитивных искажений, которые могут повлиять на объективность выводов эксперта. Приведены несколько примеров из практики судебной экспертизы и даны рекомендации для уменьшения влияния когнитивных искажений на ход исследования и увеличения обоснованности получаемых выводов.

Ключевые слова: когнитивные искажения, обоснованность выводов, судебная экспертиза электробытовой техники, судебная компьютерно-техническая экспертиза.

Kurkin Ilya

INFLUENCE OF COGNITIVE BIASES ON FORENSICS

This article contains description of several cognitive biases that may affect on objectivity of forensics conclusions. Some examples regarding forensics are considered, and several recommendations for reducing the impact of cognitive biases on the research process and increasing the validity of conclusions are given.

Keywords: cognitive biases, validity of conclusions, forensics of electrical household appliances, forensics of computers.

В настоящее время основным законом определяющим деятельность государственного судебного эксперта является федеральный закон от 31 мая 2001 года №73 – ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[1]. Согласно статье 16 указанного закона, эксперт обязан провести полное и всестороннее исследование представленных объектов и материалов дела, на основании которого дать обоснованное и объективное заключение по поставленным вопросам. С точки зрения юриспруденции, данная статья закона не имеет противоречий и поясняет основную задачу судебного эксперта. Кроме того, лица назначающие

экспертизу, в большинстве случаев не являются техническими специалистами в исследуемой области и не всегда способны корректно сформулировать вопрос. В таких случаях, наличие установочной части и дополнительных материалов дает возможность эксперту переформулировать поставленные вопросы и осветить интересующее стороны вопросы более полно. Однако, на практике, особенно при решении вопросов относительно технического состояния объектов, в связи с наличием в человеческом сознании множеств когнитивных искажений, исследование материалов дела может не только не увеличить, но и уменьшить обоснованность выводов.

Человеческий разум не всегда рационален и имеет множество когнитивных искажений. Относительно подробный обзор исследований эвристик и когнитивных искажений со ссылками на результаты экспериментов представлен в [2]. Будем придерживаться значения термина «эвристика» данного в [2], как метода мышления, дающего приблизительный результат с достаточной достоверностью в большинстве случаев. Когнитивными искажениями называются систематические ошибки в мышлении, обусловленные эвристиками, и обнаруживаемые при независимом анализе.

Наибольшее влияние на эксперта имеют искажения следующих типов:

- эвристика доступности (суждение о вероятности события на основе доступности информации о нем);
- эффект подтверждения (ошибочность принятия неверной гипотезы в связи с неверной постановкой экспериментальных проверок);
- знания «задним числом» (необоснованное завышение вероятности события на основе наличия информации об итоговом результате);
- ошибочное включение лишнего элемента (умножение сущностей без необходимости, включение дополнительных незначительных или недостоверных факторов при доступности информации о них и искажение вероятностей);
- якорение или эффект загрязнения (коррекция оценки на основе чисел или фактов не имеющих отношения к анализируемому процессу).

Рассмотрим указанные когнитивные искажения применительно к судебной экспертизе.

Пример №1.

По информации, изложенной в установочной части определения, коммуникатор периодически самостоятельно перезагружается. При тестировании, дефект был подтвержден уже через два часа. Эксперт сталкивался с коммуникаторами данной модели и имеет информацию о наличии проблем в установленной версии программного обеспечения. Для проверки гипотезы он обновляет программное обеспечение до последней версии и при тестировании в течение 2-3 дней, замечая что дефект был устранен, составляет заключение с указанием в качестве причины дефекта – сбой программного обеспечения. Хотя для полноты исследования требуется произвести

независимое тестирование аккумуляторной батареи, чтобы исключить вероятность ее дефектов.

В данном случае имеются две ошибки – завышение вероятности ошибок в программном обеспечении на основе эвристики доступности, и эффект подтверждения (экспериментально исследование производилось для того чтобы подтвердить гипотезу, а не опровергнуть в соответствии с концепцией критического рационализма Карла Поппера [3]).

Пример №2.

Эффект знания «задним числом» является одним из наиболее важных для судебной практики, где требуется определить содержали ли действия обвиняемого лица преступную халатность, неправильно оценившего вероятность того или иного события.

В эксперименте, основанном на материалах реального судебного процесса, были выделены две группы для оценки вероятности ущерба от наводнения в результате закрытия разводного моста [4]. Контрольная группа получила информацию, которую администрация города имела на момент принятия решения об отказе найма мостового строителя. Экспериментальная группа получила ту же информацию что и контрольная, а также сведения о произошедшем наводнении. Согласно нормативным документам, городская администрация проявляет халатность, если предсказуемая вероятность наводнения составляет более 10%. Согласно результатам контрольной группы 76% опрошиваемых считали, что дополнительных мер не требуется, и вероятность наводнения составляет менее 10%. В экспериментальной группе 57% опрошиваемых заключили, что вероятность наводнения была более 10% и администрация совершила преступную халатность. Далее была собрана вторая экспериментальная группа, которой кроме информации администрации и сведений о случившемся наводнении так же предоставили информацию об эффекте знания «задним числом» и попросили избегать некорректной оценки. В результате эксперимента 56% опрошенных респондентов группы заключили, что администрация виновна в халатности, т.е. попытка принятия мер против предвзятости оказалась неэффективной.

Наибольшие сложности с эффектом знания «задним числом» возникают при определении причин аварий и возможности

предсказания инцидентов ответственными лицами до совершения событий.

Пример №3.

В установочной части определения имеется информация об обстоятельствах дела, а также материалы первичной экспертизы. В заключение повторной или дополнительной экспертизы, согласно [1] должны быть так же указаны сведения о первичной экспертизе. Однако, в отличие от инструментального исследования объекта, изучение первичной экспертизы, или информации о диагностике в сервисном центре и т.д., приводит к подсознательному анализу указанных гипотез и повышению их вероятностей.

Для решения технического вопроса относительно объекта исследования требуется только наличие объекта исследования, соответствующих инструментов и разработанных методик исследования. При наличии дополнительных материалов, на подсознательном уровне происходит коррекция вероятностей с учетом полученной информации, при том, что методов проверки достоверности информации изложенной в материалах дела в большинстве случаев нет. Достоверной является только информация, получаемая при помощи методов объективного контроля - технических поверенных средств измерения с соответствующей погрешностью, так как они не подвержены эффектам ожидания наблюдателя.

Также, для сложных проблем с использованием авторских экспертных методик для проверки гипотезы, более полную информацию об объекте можно получить, используя, по возможности, разные методики, что, при одинаковых результатах, уменьшит вероятность принятия неверной гипотезы.

Когнитивные искажения, связанные с ошибочным включением лишних элементов влияют не только на эксперта, но и на лицо назначившее исследование. Психологически повторная экспертиза, при сравнимых уровнях исполнения, считается более достоверной в сравнении с первичной. В абсолютном большинстве случаев следователи/судьи не являются экспертами в технической области и не могут объективно оценить степень полноты и достоверности исследований, обоснованности причинно-следственных связей синтезирующих частей и выводов. В то же время предполагается, что судебные эксперты обладают сравнимым уровнем квалификации

в пределах компетенции экспертной специальности. С точки зрения лица назначившего экспертизу, последующий эксперт имеет более полную информацию чем предыдущий, так как, обладая результатами предыдущих экспертиз, провел и дополнительное исследование, то есть достоверность выводов повторной экспертизы выше, в связи с наличием большего объема данных для анализа.

Для экспертизы технических средств данный подход может являться некорректным. С научной точки зрения, достоверные доказательства получаются только с использованием средств объективного контроля, соответственно дающих повторяемые и воспроизводимые результаты, приравнивая научный эксперимент и экспертное исследование. Опираясь на предыдущие исследования, эксперт, увеличивая вероятность определенных выводов, уменьшает объективность самого исследования. Выводы, основанные на исследовании документов без экспериментальной проверки, не могут быть категоричными в связи с невозможностью оценки достоверности исходных данных.

Кроме того, для абсолютного большинства вопросов, заказчика исследования интересует техническое состояние объекта на момент времени в прошлом, определить которое не представляется возможным, так как любые объекты меняются с течением времени. В большинстве случаев, при проведении исследования технического объекта практически невозможно или нецелесообразно избежать изменения его свойств (состояние программного обеспечения, элементов крепления и т.д.). При использовании одинаковых методик и инструментария, первичная экспертиза отображает более достоверные результаты относительно заданных вопросов, так как объект с момента времени в прошлом претерпел меньшее количество изменений, чем ко времени проведения повторных экспертиз.

Пример 4.

В 1974 году был проведен ряд экспериментов относительно влияния нерелятивной информации на оценку неизвестной величины. Были набраны две группы. Перед испытуемыми была установлена рулетка с числами от 0 до 100. Группа респондентов подходила к рулетке, при ней бросали шар, и, после остановки шара на рулетке, просили оценить число африканских стран в ООН. Несмотря на то, что все респонденты

понимали тот факт, что рулетка не имеет никакого отношения к составу ООН, среднее значение оценки первой группы составило 25 стран, при выпавшем числе на рулетке в 10. Для второй группы среднее значение оценки составило 45 стран при выпавшем на рулетке числе 65. Человеческий мозг при оценке неизвестной величины всегда использует какой-то якорь, и уже от него движется в сторону большего правдоподобия гипотезы. Эффект якорения имеет место даже при значениях другого порядка, например, при опросе студентов относительно даты первого визита Эйнштейна в США после рассмотрения якорей в 1215 и 1992, эффект якорения был соизмерим с якорями 1905 и 1939 [6].

Применительно к судебной экспертизе, якорение может производиться как к числам, не имеющим никакого отношения к исследованиям (номера телефонов, даты и т.д.), так и к числам из предыдущих исследований (определение стоимости объектов одной группы, якорение на допустимые значения по неподходящим стандартам и т.д.).

Более общая форма эффекта якорения получила название эффекта загрязнения. Согласно проведенным на настоящее время исследованиям, почти любая посторонняя информация может повлиять на суждение [7]. Эффект загрязнения усиливается при интенсивной интеллектуальной деятельности, особенно длительной по времени, например, при длительном прослушивании непрерывной последовательности слов или однотипных звуков в процессе работы с задачей распознавания текста/сообщения или поиска ключевых моментов в записи. Также эффект загрязнения возникает при требовании от субъекта быстрых ответов. Опытный эксперт способен заранее предположить вероятные вопросы на судебном заседании и готовит на них обоснованные ответы.

Для решения большинства распрощенных вопросов касательно технического состояния объекта исследования, эксперту достаточно иметь сам объект исследования и необходимое техническое оснащение. Наличие дополнительной информации может привести к уменьшению объективности выводов в связи с несовершенством человеческого мозга и наличием неконтролируемых когнитивных искажений. Влияние когнитивных искажений можно снизить путем принятия определенных профилактических мер.

Для борьбы с эвристикой доступности следует учитывать тот факт, что для большинства устройств объективная статистическая информация о дефектах отсутствует. В ряде случаев эвристика дает наиболее вероятную гипотезу, однако ее проверка должна быть всесторонней и основываться на современных представлениях философии науки и техники.

При назначении исследований, связанных с оценкой рисков аварий и других подобных вопросов, необходимо не предоставлять эксперту информацию о событии с тем чтобы избежать влияния послезнания на оценку вероятностей предпосылок.

Для минимизации влияния материалов дела на выводы дополнительной или повторной экспертизы, в некоторых случаях целесообразно не предоставлять эксперту информацию о наличии первичных экспертиз, а предоставить только определение/ постановление и объект исследования для дальнейшего сравнения двух независимых экспертиз.

Для минимизации влияния эффекта подтверждения требуется использовать рекомендованные методики, написанные с учетом современных представлений о философии науки и техники. В сложных случаях, при необходимости разработки авторской экспертной методики, требуется учитывать современные требования к экспериментальной части научных исследований с целью проверки гипотез.

Для минимизации влияния эффекта якорения, требуется производить анализ основных логических цепочек причинно-следственных связей неоднократно, желательно не менее трех раз, в разное время, с временными перерывами. Это позволит ослабить эффект якорения относительно получаемых выводов.

Для уменьшения влияния эффекта «загрязнения» полезно минимизировать телефонные звонки и консультации в рабочем кабинете в момент анализа материала и обдумывания выводов или алгоритма исследования. Выделить в расписании рабочего дня время выставления ходатайств, написания писем и уведомлений, а также ответов на них в начале или в конце дня, а не в промежутке между написанием заключений.

Для уменьшения эффекта загрязнения в исследованиях содержащих длительную монотонную деятельность, например, прослушивание длительных записей в

рамках экспертизы звукозаписи, или просмотр большого количества графических файлов при поиске по ключевым словам в рамках компьютерно-технической экспертизы, требуется разбивать общее время исследования на интервалы, длительность которых зависит от личных характеристик эксперта (устойчивости внимания) и требуемой для анализа концентрации внимания. Соответственно, при низких требованиях к концентрации внимания устойчивости человека хватит на большую длительность интервала. При требованиях высокой концентрации (например, плохое качество записи или наличие посторонних шумов для экспертизы звукозаписи) временные интервалы должны снижаться, так как при увеличении интеллектуальной нагрузки, происходит увеличение скорости падения концентрации и возрастает вероятность искажений в виде эффе́кта за́грязнения.

Человеческий разум не всегда рационален и имеет большое количество эвристик и когнитивных искажений. Для судебного эксперта, при проведении исследования, важно удерживаться в рамках рационализма и избегать эвристик. Корректно выполненное исследование должно удовлетворять основным принципам научного эксперимента (повторяемость, воспроизводимость и т.д.). В статье приведен ряд рекомендаций, соблюдение которых позволит снизить влияние когнитивных искажений на

выводы заключения эксперта, и повысить его объективность.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
2. Yudkowsky, E., *Cognitive Biases Potentially Affecting Judgment of Global Risks// Global Catastrophic Risks*, New York: Oxford University Press, 2008. p.91–119.
3. Поппер, К. *Логика и рост научного знания. Избранные работы* — М.: Прогресс, 1983. 604с.
4. Kamint, K.A., Rachlinskil, J.J., *Determining Liability in Hindsight// Law and Human Behavior*, Vol. 19, No. 1, American Psychological Association, 1995 pp.89-104.
5. Tversky, A., Kahneman, D., *Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases// Science*, New Series, Vol. 185, No. 4157, American Association for the Advancement of Science, 1974, pp.1124-1131.
6. Strack, F., Mussweiler, T., *Explaining the Enigmatic Anchoring Effect: Mechanisms of Selective Accessibility// Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 73, No. 3, 1997, pp.437-446.
7. Chapman, G.B., Johnson, E.J. *Incorporating the irrelevant: Anchors in judgments of belief and value// Heuristics and biases: The psychology of intuitive judgment*. Cambridge University Press, 2002, pp. 120-138.

Диссертации по проблемам судебной экспертизы

О.В. Микляева

Ученый секретарь ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
кандидат юридических наук, доцент

ДИССЕРТАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Сведения о защищенных кандидатских диссертациях по проблемам судебной экспертизы и криминалистики.

Ключевые слова: диссертация.

O. Miklyaeva

Academic Secretary of the Russian Federal Center of Forensic Science
of the Russian Ministry of Justice

DISSERTATIONS IN FORENSIC SCIENCE

Information about recently defended PhD dissertations on topics relevant to the field of forensic science and criminalistics.

Keyword: dissertation.

12 апреля 2012 года в Московском гуманитарном университете состоялась защита **кандидатской диссертации Баженова Артема Игоревича на тему «Организационно-правовой механизм формирования внутреннего убеждения в отечественном судопроизводстве»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор А.В. Агутин.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор О.В. Хими-

чева, кандидат юридических наук, доцент Г.Л. Куликова.

Ведущая организация – Нижегородская правовая академия.

Соискатель имеет 6 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Баженов А.И. К вопросу о природе внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве // Черные дыры в Российском законодательстве. 2011. № 6. С. 116-118.

2. Баженов А.И. Совесть должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, как субъективное

основание внутреннего убеждения в Российском уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С.249-250.

3. Баженов А.И. «К вопросу об объективных основаниях внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве» // Бизнес в Законе 2012. № 1.С. 189-191.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Основное назначение организационно-правового механизма формирования внутреннего убеждения в российском уголовном судопроизводстве состоит в обеспечении координации (кооперации) уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Действенность координации этих лиц обеспечивается за счет их обучения и воспитания для нужд и потребностей культуры российского народа.

2. Внутреннее убеждение в уголовно-процессуальной сфере является политическим идеалом. Будучи таковым, оно не способно позитивно повлиять на повышение эффективности и качество уголовно-процессуальной деятельности.

3. Философско-правовая мысль интерпретировала религиозное убеждение для потребностей уголовно-процессуальной сферы в следующей последовательности. Во-первых, она классифицировала религиозную веру на веру-доверие и на веру-убеждение. Во-вторых, вера-доверие, основанная на духовности и нравственности, была убрана из структуры внутреннего убеждения. В-третьих, вера-убеждение, покоящаяся на той или иной религиозной доктрине, была заменена формулой внутреннего убеждения, основанной на вере в могущество рационалистической философско-правового учения.

4. Истина в уголовно-процессуальной деятельности является способом интеграции системы уголовно-процессуальных действий, и теснейшим образом связана с внутренним убеждением. Без истины невозможно развертывание механизмов внутреннего убеждения (смыслообразования).

5. Структурно организационно-правовой механизм внутреннего убеждения

в российском уголовном судопроизводстве включает в себя организационный и правовой механизмы внутреннего убеждения. Каждый из них является плодом рационалистического мышления (рассудка и разума) имеет своеобразную панцирную оболочку: в одном случае организационную, а в другом - правовую.

6. Духовно-нравственный фактор в уголовном судопроизводстве является проявлением менталитета российского (русского) народа. Он направляет (ориентирует) должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, на традиционные ценности российского народа. К этим ценностям прежде всего следует отнести: самоценность личности, содействие, сопереживание (сострадание) и оказание помощи другому человеку, терпимость, наставление (воспитание).

7. Принципы уголовно-процессуальной деятельности, цель, совесть и мотивация являются интегрирующими элементами субъективного основания формирования внутреннего убеждения.

8. Под средой функционирования внутреннего убеждения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, следует понимать совокупность внешних по отношению к нему объектов (факторов), влияющих на формирование внутреннего убеждения, и испытывающих (оказывающих) нецелестремленные (побочные) влияния функционирующей системы.

9. Компонентами среды функционирования внутреннего убеждения являются все социальные системы, не охватываемые рамками уголовно-процессуальной деятельности как системы. Здесь среда функционирования внутреннего убеждения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, выступает в виде совокупности объектов, факторов и условий, формирующих внутреннее убеждение.

10. Процессуальные основания формирования внутреннего убеждения включают в себя: 1) разделение основных уголовно-процессуальных функций, обеспечивающих горизонтальную специализацию внутреннего убеждения должностных лиц, например, следователя; 2) субординацию внутреннего убеждения, исходя процессуальных полномочий, а также с учетом объема и меры процессу-

альной ответственности в принятии процессуальных решений в уголовно-процессуальной сфере; 3) систему взаимоотношений между различными группами должностных лиц, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность.

20 апреля 2012 года в Кубанском государственном аграрном университете состоялась защита **кандидатской диссертации Демурчеева Леонида Геннадиевича на тему «Собирание доказательств в ходе досудебного производства путем проведения иных процессуальных действий»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Р.В. Костенко.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Ю.А. Ляхов, доктор юридических наук, доцент С.Д. Шестакова.

Ведущая организация – Казанский федеральный университет.

Соискатель имеет 7 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Демурчев Л.Г. Проблемы классификации иных процессуальных действий в уголовном процессе, используемых при собирании доказательств // Общество и право. - 2010. - № 5 (32).

2. Демурчев Л.Г. Общие проблемы истребования доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. - 2011. - № 1 (33).

3. Демурчев Л.Г. Проведение ревизий, документальных проверок и исследований в стадии возбуждения уголовного дела // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. - 2011. - № 4.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Сущность собирания доказательств заключается в получении доказательств путём их обнаружения (выявления), представлении, истребовании сведений об обстоятельствах и фактах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и их процессуальном закреплении, (фиксации). В то

же самое время отсутствие надлежащего нормативного определения понятия «собираание доказательств», а также способов собирания доказательств затрудняет уяснения его сущности и порождает различные, порой противоречивые толкования этого явления как в теории, так и на практике. В связи с этим считаем необходимым сформулировать статью, посвящённую собиранию доказательств, в следующей редакции:

«Собирание доказательств - это регламентируемая нормами действующего законодательства деятельность следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, прокурора и суда при участии иных участников уголовного процесса, направленная на получение путём обнаружения, выявления, представления и истребования, а также процессуальном закреплении любых сведений об обстоятельствах и фактах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Способами собирания доказательств являются следственные действия, судебные действия, иные процессуальные действия».

2. Иные процессуальные действия должны представлять собой предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством действия следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, органа дознания, прокурора и суда при участии иных участников процесса, а также иных лиц, направленные на собирание доказательств путём их представления, истребования, требования производства документальных проверок, ревизий и исследований.

3. Особенностью собирания доказательств путём проведения иных процессуальных действий в ходе досудебного производства является то, что данный способ собирания доказательств, во-первых, не ограничивает права и свободы участников уголовного процесса и других лиц, и, во-вторых, не обеспечивается уголовно-процессуальным принуждением в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

4. Критерием классификации иных процессуальных действий в досудебном производстве выступает их деление в

стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования на следующие виды: 1) иные процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела: представление предметов и документов о преступлении в ходе получения объяснений от граждан с их согласия; представление заявлений о преступлении и явок с повинной; представление рапорта о совершенном или готовящемся преступлении; представление постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании; представление результатов оперативно-розыскной деятельности и материалов административной юрисдикции; истребование из средств массовой информации документов и материалов, подтверждающих сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию; требование о производстве документальных проверок и ревизий; проведение исследований документов, предметов, трупов с привлечением специалистов, составляющих заключение, поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий; 2) иные процессуальные действия, проводимые в стадии предварительного расследования: представление документов и предметов для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств подозреваемым, обвиняемым, их защитником, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, их представителями, а также представителями органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, органами, осуществляющими оперативно-розыскные мероприятия и административную юрисдикцию и иными лицами; истребование документов, предметов и иных сведений органами уголовного судопроизводства и защитником; истребование документов и предметов подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, путем заявления ими ходатайств.

5. В стадии возбуждения уголовного дела представление доказательств как иное процессуальное действие является эффективным способом собирания доказательств. Для совершенствования порядка его производства необходимо вне-

сти ряд изменений и дополнений в УПК РФ, среди которых необходимо отметить следующие:

1) предлагаем ст. 144 УПК РФ дополнить положением о том, что «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения от лиц с их согласия и истребовать необходимые материалы»;

2) необходимо ст. 142 УПК РФ дополнить нормой следующего содержания: «Признание своей вины, сделанное в ходе заявления о явке с повинной, не может быть использовано в качестве доказательства, если лицо, сделавшее данное заявление, не подтверждает его в ходе допроса»;

3) ст.89 УПК РФ представить в следующей редакции: «Результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить основанием возбуждения уголовного дела и могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями закона, регламентирующего эту деятельность, и нормами уголовно-процессуального законодательства»;

4) дополнить ст. 144 УПК РФ положением о том, что «представление результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору, в суд для осуществления проверки сообщения о преступлении осуществляется в соответствии с ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Инструкцией о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд».

6. Порядок представления материалов административно- юрисдикционного производства прямо не закреплен в УПК РФ, однако, на наш взгляд, его результаты, во-первых, могут являться основанием к возбуждению уголовного дела, а, во-вторых, сами материалы должны вовлекаться в сферу уголовно-процессуального доказывания в соответствии с ч.2 ст.86 УПК РФ. Оформить эти материалы можно протоколом представления по аналогии с материалами ОРД. Процессуальный статус этих материалов будет иметь вид вещественных доказательств или иных документов.

7. Отсутствие правовой регламентации в УПК РФ процессуального порядка

проведения и оформления истребования доказательств в ходе возбуждения уголовного дела негативным образом сказывается в правоприменительной практике. Для решения этой проблемы действующее законодательство требует своего совершенствования путём дополнения ст. 144 УПК РФ положением о возможности истребования документов и предметов в ходе проверки сообщения о преступлении. В связи с этим необходимо предусмотреть отдельную статью о порядке истребования и приобщения доказательств к материалам дела или проверки по сообщениям о преступлении в следующей редакции:

«Документы и предметы могут быть истребованы путем письменного запроса в соответствующее учреждение, предприятие или организацию. У физических лиц истребование может быть проведено в письменной и устной форме.

Результаты истребования оформляются протоколом истребования и постановлением о приобщении документов (предметов). В данных процессуальных документах должны содержаться следующие сведения: должностное лицо, истребующее материал, место и время его истребования; граждане, если они присутствовали при истребовании; лицо, у которого истребуются документы, предметы; сами материалы (место нахождения, состояние, индивидуальные признаки); упаковка материала. Протокол подписывается всеми присутствующими, его копия вручается владельцу выданных документов или предметов».

8. Акты ревизий, документальных проверок, иных проверок, как результаты проведения иных процессуальных действий по собиранию доказательств в досудебном производстве, должны получить статус самостоятельных видов доказательств в отдельном пункте части второй статьи 74 УПК РФ.

9. В ходе предварительного расследования представление доказательств является средством реализации участниками уголовного процесса, имеющими свой или представляющими интерес других лиц, своего права на участие в доказывании путём представления документов, предметов, заключения специалиста органам и (или) лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство, для приобщения их к делу в качестве доказательств.

Нормативное закрепление этого процессуального действия, содержащееся в ч.2 ст.86 УПК РФ, в настоящее время требует своего дополнения и изменения и может быть представлено в следующей редакции:

«Подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители вправе собирать и представлять документы, предметы и заключение специалиста для приобщения их к делу в качестве доказательств. Представители органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций и объединений, органы, осуществляющие ОРД и административную юрисдикцию, заявитель, иные лица и должностные лица также вправе представлять документы и предметы, имеющие отношение к делу, для приобщения их в качестве доказательств».

10. В целях обеспечения права участников уголовного процесса представлять документы и предметы для приобщения их в качестве доказательств на предварительном расследовании предлагаем ч.2 ст. 159 УПК РФ представить в следующей редакции:

«Подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, их представителям не может быть отказано в производстве следственных и иных процессуальных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела».

11. В связи с отсутствием в УПК РФ надлежащего процессуального порядка собирания доказательств путём их истребования предлагаем внести следующие изменения в действующее законодательство:

положения ч.4 ст.21 УПК РФ необходимо закрепить в ст.86 УПК РФ, соответственно ч.4 ст.21 УПК РФ необходимо исключить;

в ст.86 УПК РФ следует указать, какие сведения, документы и предметы могут быть истребованы, срок и процессуальную форму их истребования;

также ст.86 УПК РФ необходимо дополнить положением о возможности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей собирать

документы и предметы путем заявления ходатайств об их истребовании.

25 апреля 2012 года в Южно-Уральском государственном университете состоялась защита **кандидатской диссертации Гайнельзяновой Венеры Ра-вилевны на тему «Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Ф.Г. Аминев.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор А.Ф. Волынский, кандидат юридических наук, доцент И.И. Пиндюр.

Ведущая организация – Башкирский государственный университет

Соискатель имеет 7 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Гайнельзянова В.Р. Особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Евразийский юридический журнал. - 2010. - № 8 (27). - С. 110-112.

2. Гайнельзянова В.Р. Интеграция знаний смежных с криминалистикой наук как базис развития судебной автотехнической экспертизы // Евразийский юридический журнал. - 2010. - № 9 (28). - С. 97- 99.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. При определении специальных знаний и решении вопросов об их использовании необходимо исходить из ситуационного подхода с учетом, с одной стороны, уровня современного развития науки, техники, искусства и ремесла и устоявшихся в обществе взглядов на соответствующие аспекты человеческой деятельности, а с другой - специфики задач расследования и возможности их решения с использованием специальных знаний. Не являются специальными знания в области права, связанные с уголов-

но-правовой оценкой фактических обстоятельств уголовного дела и с решением вопросов процессуального характера.

2. Компетенция эксперта - это система предусмотренных законом его прав и обязанностей, а также профессиональной квалификации эксперта как совокупности имеющихся у него специальных знаний, полученных в рамках высшего профессионального образования, последующей подготовки по конкретным экспертным специальностям, а также реального опыта решения сложных экспертных задач, необходимых для производства соответствующих исследований.

3. Рекомендации по совершенствованию осмотра места происшествия, транспортного средства и трупа при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также по осуществлению фото- и видеосъемки, обнаружения, фиксации, изъятия и упаковки следов дорожно-транспортных происшествий и их системного анализа.

4. Классификация задач расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, решаемых с использованием помощи экспертов и специалистов.

5. Классификация следов, обнаруживаемых на месте происшествий, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; определение и описание на их основе механизма совершения рассматриваемого вида преступлений как системы действий (бездействий) лица, детерминированных комплексом сложных объективных и субъективных факторов, выразившихся в нарушении им правил дорожного движения, повлекшего по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека.

7. Обоснование (с учетом результатов анализа в историческом аспекте тенденций совершенствования форм использования специальных знаний в уголовном процессе) предложения о необходимости изменения правовой оценки результатов так называемых предварительных исследований, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям небольшой и средней тяжести. Такая возможность корреспондируется

с мерами по расширению в российском уголовном процессе института ускоренного или упрощенного производства.

8. Предложения по совершенствованию правового регулирования использования специальных знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений:

а) дополнить ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» понятием «компетенция эксперта»: это система предусмотренных законом прав и обязанностей эксперта;

б) дополнить ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» понятием «профессиональная квалификация эксперта»: это совокупность имеющихся у него знаний, полученных в рамках профессионального образования, последующей подготовки по конкретным экспертным специальностям, а также реального опыта работы, необходимого для производства соответствующих исследований.

26 апреля 2012 года в Академии управления МВД России состоялась защита **кандидатской диссертации Сергеевой Анны Валерьевны на тему «Особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Б.Я. Гаврилов.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор В.И. Елинский, кандидат юридических наук, доцент В.И. Качалов.

Ведущая организация – Московский университет МВД России.

Соискатель имеет 7 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Сергеева, А.В. К вопросу об экономических факторах роста экстремизма в современной России / А.В. Сергеева // Российский следователь. - № 15. - 2010. - С. 39-40.

2. Сергеева, А.В. Зарубежный опыт расследования преступлений экстремистской направленности / А.В. Сергеева

// Труды Академии управления МВД России. - № 4. - 2010. - С. 77-79.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Сформулированная автором криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности, включающая данные об обстановке, о способах, мотивах и целях его совершения, а так же о личности, совершающей преступление экстремистской направленности, учитывающая следующие обстоятельства:

преступления экстремистской направленности, связанные с призывами к осуществлению экстремистской деятельности, совершаются зачастую с использованием сети Интернет и через средства массовой информации;

в большинстве случаев преступления экстремистской направленности, связанные с угрозой жизни и причинением вреда здоровью, совершаются на улицах, в подъездах жилых домов, общественном транспорте и других местах общественного пользования в темное время суток;

совершению преступления экстремистской направленности, как следует из результатов диссертационного исследования, в 75% случаев предшествовала подготовка к совершению преступления, в том числе в 47% случаев заранее выбиралось место совершения преступления;

преступления экстремистской направленности характеризуются тем, что лица их совершающие, лишь в 5% из числа изученных уголовных дел предпринимали попытку скрыть следы преступления.

2. Авторская классификация криминалистической характеристики лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, включающая два основных вида личности. Первый - это лицо мужского пола, в возрасте от 25 до 37 лет, имеющее высшее или среднее специальное образование, работающее, обладающее ярко выраженными организаторскими способностями. Второй вид - лицо мужского пола, в возрасте до 20 лет, в том числе несовершеннолетнее, имеющее неоконченное среднее или среднее специальное образование, не работаю-

щее, обладающее высокой степенью внушаемости.

3. Выявленные автором особенности предмета доказывания по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, к которым относятся в качестве обязательных элементов: установление мотивов, целей, идеологических взглядов, которых придерживается лицо, совершающее преступления данного вида, а также поведение потерпевшего, его национальность, вероисповедание, принадлежность к определенной социальной группе, что является нередко побудительным мотивом совершения преступлений указанной категории.

4. Уточненное автором понятие взаимодействия субъектов расследования по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, включающее в себя такие особенности, как:

отнесение к субъектам взаимодействия наряду с оперативными сотрудниками органов дознания представителей специализированных подразделений органов внутренних дел по борьбе с экстремизмом и сотрудников Федеральной службы безопасности;

совместное планирование следственных действий по уголовному делу и оперативно-розыскных и розыскных действий по делам оперативного учета с привлечением к их планированию, наряду со следователями и оперативными сотрудниками, представителей экспертно-криминалистических и оперативно-технических подразделений;

активное участие во взаимодействии сотрудников органов дознания в процессуальной форме выполнения оперативным подразделением следственных действий в порядке реализации положений п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ на основании письменного поручения следователя;

реализация сотрудниками органа дознания при осуществлении взаимодействия со следователями положений ч. 7 ст. 164 УПК РФ, предусматривающей привлечение к участию в следственных действиях должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;

актуальность формирования следственно-оперативных групп и распределение функциональных обязанностей между ее членами с учетом их профессиональных знаний и объема следственной

работы и оперативно-розыскной деятельности.

5. Разработанные автором тактические особенности проведения следственных действий при расследовании преступлений экстремистской направленности, связанные, прежде всего:

с необходимостью участия специалиста-религиоведа и лингвиста на первоначальном и последующем этапах расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности;

с необходимостью оценки следователем, прокурором, судом возможного наличия в уголовном деле противоположных выводов специалиста и эксперта по одному и тому же объекту исследования, обусловленные неоднозначностью этимологического толкования в русском языке отдельных понятий, отражающих сущность и содержание экстремизма и экстремистской деятельности с точки зрения противоправности и уголовной наказуемости этих деяний, что, в свою очередь, может привести к следственным ошибкам, связанным с квалификацией противоправных действий экстремистской направленности как преступлений.

6. Предложение автора о внесении изменений в УПК РФ, предоставляющих возможность в ходе расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности, отдельные из которых отнесены к категории преступлений небольшой тяжести, осуществлять контроль и запись телефонных разговоров, поскольку по результатам проведения данного следственного действия представляется возможным установить ряд значимых обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам данной категории. Для этого автором предлагается дополнить часть первую статьи 186 УПК РФ (Контроль и запись переговоров) вторым предложением, изложив его в следующей редакции: «Контроль и запись переговоров по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, перечисленных в части первой статей 136 и 282 и в части второй статей 2821 и 2822 Уголовного кодекса Российской Федерации».

20 мая 2012 года в Кубанском государственном университете состоялась защита **кандидатской диссертации Хачатряна Эдуарда Григорьевича на тему**

«Проблемы экспертных исследований при расследовании нарушений правил дорожного движения» по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор В.И. Брылев.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, доцент Л.А. Рычкалова, доктор юридических наук, профессор О.В. Левченко

Ведущая организация – Краснодарский университет МВД России.

Соискатель имеет 8 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Хачатрян Э.Г. К вопросу определения объекта автотехнической экспертизы // Адвокатская практика. 2008. № 1. С. 7-8.

2. Хачатрян Э.Г. Организационные и методические недостатки практики производства судебных экспертиз по делам о дорожно-транспортных происшествиях // Российский судья. 2008. № 3. С. 18-19.

3. Хачатрян Э.Г. Особенности использования научных знаний в расследовании дорожно-транспортных происшествий // Адвокатская практика. 2008. № 2. С. 17-18.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Классификация современных форм использования судебно-автотехнических познаний при расследовании нарушений правил дорожного движения: а) по источнику регулирования использования судебно-автотехнических познаний; б) по процессуальному статусу субъекта использования судебно-автотехнических познаний; в) по значению результатов,

полученных при использовании судебно-автотехнических познаний; г) на процессуальные (назначение и производство судебной автотехнической экспертизы, участие специалиста автотехника в проведении следственных действий, допрос эксперта автотехника); д) не процессуальные формы (использование следователем собственных знаний в области судебной автотехники, получение следователем справок и консультаций от предприятий, учреждений или специалиста в области автотехники, использование материалов проверок, имеющихся в автохозяйстве документации и др.).

2. Использование системы специальных знаний при исследовании особенностей труда водителей транспортных средств и анализ психофизиологических особенностей их поведения в условиях высокогорной местности.

3. Формирование системы информационного обеспечения судебно-экспертных учреждений в виде справочно-вспомогательных учетов.

4. Особенности проведения экспертных исследований, в том числе комиссионной и комплексной экспертизы как перспективных направлений при расследовании нарушений правил дорожного движения.

5. Предложение о производстве судебных автотехнических экспертиз о нарушениях правил дорожного движения до возбуждения уголовного дела, в связи с чем ст. 195 УПК РФ дополнить положением «в случаях не терпящих отлагательства, судебная экспертиза может быть назначена и проведена до возбуждения уголовного дела».

6. Предложение отнести к источникам доказательств по исследуемой категории дел: записи видеокамер, работающих в автоматическом режиме; объяснения потерпевших, у которых высока вероятность летального исхода.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Байрамова Фируза Оруджевна	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: journal@sudexpert.ru
Баранов Анатолий Николаевич	Тел. 8 (495) 695-26-60 E-mail: baranov_anatoly@hotmail.com
Бекжанов Жамбул Лесбекович	Тел. 8 (7172) 74-01-35 E-mail: bek-zhambul@yandex.ru
Бердников Дмитрий Валерьевич	Тел. 8 471-256-88-81 E-mail: lab@Kursk.net.ru
Воронков Юрий Михайлович	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: journal@sudexpert.ru
Говорина Наталья Владимировна	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: journal@sudexpert.ru
Гончарук Надежда Юрьевна	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: journal@sudexpert.ru
Дзюба Геннадий Григорьевич	Тел. 8-395-2-70-22-98 E-mail: sudexpert@irk.ru
Жандарев Валерий Валентинович	Тел. 8-485-274-84-37 E-mail: yarise@hotmail.ru
Жандарева Марина Владимировна	Тел. 8-485-274-84-37 E-mail: yarise@hotmail.ru
Кроз Михаил Владимирович	Тел. 8-499-256-00-85 E-mail: niiqp@msk.rsnnet.ru
Куркин Илья Александрович	Тел. +7-383-306-58-95 E-mail: 8-475-2-76-01-02tise@mail.ru
Липатова Жанна Николаевна	Тел. 8-495-987-56-56 E-mail: genprok.gov.ru
Лукашова Мария Валерьевна	Тел. 8-812-322-58-99 E-mail: LukashovaMV@tescan.ru
Майлис Надежда Павловна	Тел. 8-963-642-02-83 E-mail: y.l.Mayolis@yandex.ru
Майорова Елена Ивановна	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: journal@sudexpert.ru
Микляева Ольга Васильевна	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: journal@sudexpert.ru
Митин Александр Вячеславович	Тел. 8-831-434-55-67 E-mail: prcse@kis.ru
Нестерина Екатерина Михайловна	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: bio_soil@rambler.ru
Плотникова Анна Михайловна	Тел. 8-343-350-45-06 E-mail: uralrcje@ekt.ru
Ратинова Наталия Александровна	Тел. 8-499-256-00-85 E-mail: niiqp@msk.rsnnet.ru
Секераж Татьяна Николаевна	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: journal@sudexpert.ru
Селиванов Александр Александрович	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: journal@sudexpert.ru
Сонис Марк Александрович	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: journal@sudexpert.ru
Статива Елена Борисовна	Тел. 8 (495) 9162155 E-mail: journal@sudexpert.ru
Степанов Валентин Николаевич	Тел. 8-485-274-84-37 E-mail: yarise@hotmail.ru
Фетисенкова Наталья Викторовна	Тел. 8 (495) 916-21-55 E-mail: journal@sudexpert.ru

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

Перечень документов и материалов, представляемых в РФЦСЭ при Минюсте России для публикации в журнале:

1. Сопроводительное письмо организации, учреждения
2. Сведения об авторах
3. Авторский оригинал статьи
4. Электронная версия авторского оригинала

1. ТРЕБОВАНИЯ К СОПРОВОДИТЕЛЬНОМУ ПИСЬМУ ОРГАНИЗАЦИИ, УЧРЕЖДЕНИЯ

Сопроводительное письмо оформляется с просьбой о публикации указанной конкретной статьи конкретного автора, подписывается в установленном в этой организации порядке. Если авторы из разных организаций, сопроводительное письмо может быть направлено от любой организации, где работает один из авторов.

2. ТРЕБОВАНИЯ К СВЕДЕНИЯМ ОБ АВТОРАХ

Сведения об авторах подписываются каждым автором и включают следующие данные:

- имя, отчество и фамилия автора;
- ученое звание, ученая степень;
- должность и область профессиональных интересов;
- место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта, с почтовым адресом и телефоном);
- телефон;
- адрес;
- e-mail.

3. ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКОМУ ОРИГИНАЛУ СТАТЬИ

3.1. Общие требования

В редакцию представляются два экземпляра авторского оригинала, распечатанного на одной стороне писчей бумаги формата А4 и один экземпляр авторского оригинала на электронном носителе.

3.2. Требования к текстовой части авторского оригинала

Текстовая часть должна включать:

- титульный лист статьи (указывается название статьи, фамилия, имя, отчество автора (авторов); должность, ученая степень, ученое звание);
- основной текст статьи с заголовками, таблицами, формулами и т. п.;
- тексты справочного характера и дополнительные тексты (указатели, комментарии, примечания, приложения);
- библиографические списки (ссылки), которые даются в порядке упоминания в тексте;
- аннотацию, ключевые слова (на русском и на английском языках);
- подрисуночные подписи.

Текст авторского оригинала должен быть набран с соблюдением следующих условий:

- текстовый редактор Microsoft Word
- шрифт Times New Roman
- кегль 14
- межстрочный интервал: 1,5

Подстрочные комментарии и замечания допускаются.

Объем текста до 10 страниц.

Таблицы обозначаются арабскими цифрами. Формулы набираются с использованием встроенного редактора формул MS Word.

Ссылки на библиографические источники оформляются в виде пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ 7.1 ГЗ –200 «Библиографическая запись», ГОСТ 7.12–93 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке», ГОСТ 7.80–2000. «Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления», ГОСТ 7.82–2001 «Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления».

Текстовая информация предоставляется на диске в формате RTF.

3.3. Требования к иллюстрациям

Требования к авторским оригиналам иллюстраций:

Иллюстрации должны быть пронумерованы в последовательности, соответствующей упоминанию их в тексте и номерами привязаны к подрисуночным подписям.

Обозначения, термины, позиции, размеры и пр. на иллюстрациях должны соответствовать упоминаниям их в тексте и подрисуночных подписях.

Иллюстрации в обязательном порядке представляются также на электронном носителе.

Каждая иллюстрация должна быть представлена в виде отдельного файла в форматах .jpg, .tif с разрешением ≥ 600 dpi.

Если авторские права на иллюстрацию не принадлежат автору статьи или организации, которая представляет статью, вместе с иллюстрацией должно быть представлено разрешение на публикацию от владельца данных прав.

Присылая статью в редакцию для публикации, авторы выражают согласие с тем, что:

- статья может быть размещена в Интернете;
- авторский гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Индекс УДК: 343 977
Объем издания: уч. изд. л.
Сдано в набор:
Подписано в печать: 28.11.2014
Тираж 200 экз.